

A
KOREAN GRAMMAR

by
G. J. RAMSTEDT

Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXII
Mémoires de la Société Finno-ougrienne LXXXII

HELSINKI

1939

Г. Рамстедт

ГРАММАТИКА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Перевод с английского и примечания

А.А. Холодовича

Под редакцией и с предисловием

проф. Б. К. ПАШКОВА

1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

«Грамматика корейского языка» составлена известным финским языковедом, специалистом по монгольским и тюркским языкам Г. Рамstedтом. Среди других зарубежных работ по корейскому языку она выгодно выделяется стремлением автора раскрыть специфику грамматического строя корейского языка и установить реальные связи последнего с маньчжуро-тунгусской группой языков. Книга предназначена для исследователей языков народов Дальнего Востока и специалистов по общему языкознанию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корейский язык — родной и государственный язык Корейской народно-демократической республики. На корейском языке говорит около 30 миллионов человек. Корейский язык относится к числу мало изученных языков мира. Положение его среди других языков мира до последнего времени считалось невыясненным.

В нашей отечественной науке изучение корейского языка было представлено работами М. Пуцилло (Опыт русско-корейского словаря, СПб, 1874), К. Кузьмина (Элементарное пособие к изучению корейского языка, Хабаровск, 1900) и «Опытом краткого русско-корейского словаря», Казань, 1904.

Планомерное изучение корейского языка в России началось с 1901 г., когда во Владивостоке в Восточном институте была организована специальная кафедра корейского языка, возглавляемая на протяжении 20 лет проф. Г. В. Подставиным. Им был разработан ряд учебных руководств по корейскому языку для студентов. Ввиду малочисленности изучающих корейский язык (студентов насчитывались единицы) эти руководства не печатались, а распространялись по большей части в рукописях. Особого внимания заслуживают разработанные и опубликованные Г. В. Подставиным в „Известиях Восточного института"¹ программы по корейскому языку для студентов Восточного института. В них отражены взгляды проф. Подставина на происхождение, развитие и структуру корейского языка, получившие в дальнейшем подтверждение, в исследованиях других специалистов. После Подставина корейским языком занимался

¹ См. «Известия Восточного института», т. II, приложение: „Обозрение преподавания наук в Восточном институте на 1900/01 и 1901/02 академические годы”, стр. 255—258; Владивосток, 1901, а также т. IV, 1904; т. XVII, 2-е приложение, 1916.

проф. Е. Д. Поливанов, опубликовавший в „Известиях Академии наук СССР" (1927) работу „К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков", в которой он указал на более близкие связи корейского языка с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками, чем с какими-либо иными. До XX в. корейским языком занимались главным образом католические миссионеры. С начала XX в. миссионеров на этом участке сменяют японцы: японский империализм начинает вытеснять из Кореи европейских империалистов. Вследствие этого и деятельность миссионеров, как передового аванпоста европейского капитала в Корее, сокращается. Японская корееведческая литература служит империалистическим интересам и стремится оправдать захватническую политику Японии, доказывая „родство" корейцев и японцев в этнографическом, языковом и культурном отношении. Работы миссионеров и японских „ученых" по корейскому языку не представляют научной ценности. Использование их допустимо с большими оговорками и ограничениями. Наибольшего внимания из зарубежных работ вообще заслуживают лишь работы А. Экардта (практическая грамматика корейского языка, Гейдельберг, 1923) и Г. Рамстедта (научная грамматика корейского языка, Хельсинки, 1939); первая из них написана на немецком, вторая — на английском языке.

По вопросу о положении корейского языка среди других языков мира в зарубежной литературе не имеется единого установленного взгляда.

По мнению одних (Хюльбер), корейский язык вместе с дравидскими языками Южной Индии составляет одну семью — южно-туранскую, и предки корейцев, родственные дравидским племенам, будто бы были выходцами из Южной Индии¹. Доказательства, приводимые в пользу этого положения, оказались недостаточно убедительными, и оно не получило всеобщего признания.

Профессор бывшего Восточного института во Владивостоке П. П. Шмидт в своих исследованиях, касающихся тун-

¹ Литературу по этому вопросу см. в работе Н. В. Кунера, Очерк Кореи, Владивосток, 1912. стр. 227—229.

гусо-маньчжурских языков, напротив, высказывал предположение о связях корейского языка, наряду с маньчжурским и монгольским языками, с северными палеоазиатскими (гилякским), находя в тех и других языках общие фонетические явления и учитывая их близкие исторические связи в прошлом¹.

«Ученые» империалистической Японии (Канадзава, Ямадзи и др.), как уже указывалось, старались доказать „родство“ корейцев с японцами. Доказательства, приводимые в пользу этого „открытия“, лишены какой бы то ни было научной достоверности. Интересны были отклики в японской прессе на это „открытие“. „Japan w. Chronicle“ в номере от 6 июля 1909 г. писала о том, что родство корейского языка с японским, „установленное“ Канадзава, наводит на мысль о легкости, с которой можно будет японизировать корейцев, и что это „открытие“ доставило японским государственным деятелям прочную основу для установления принципов постоянной политики в Корее. Когда в следующем 1910 г. японские империалисты захватили Корею, они усиленно взялись за насильтвенное внедрение японского языка и начали изгонять родной корейский язык из учреждений и из школы. Такая политика проводилась вплоть до 1945 г., когда Советская Армия разгромила японских захватчиков и освободила Корею. Насильственная ассимиляция корейского языка Японцами привела к тому, что корейский словарь был чрезмерно засорен японизмами, но она не уничтожила национальную самобытность корейского языка, на что так надеялись японские колонизаторы.

Марксистское учение о развитии языка и о скрещивании языков, изложенное товарищем Сталиным в труде „Марксизм и вопросы языкознания“, получает здесь блестящее подтверждение. „История отмечает,—учит И. В. Сталин,— большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильтвенной ассимиляции“². В течение 35-летней упорной насильтвенной ассимиляции японским оккупан-

¹ См. его „Chinesische Elemente im Mandschu“ в „Asia Major“, т. VII, вып. 4, Лейпциг, 1932.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 26.

там не удалось превратить корейский язык в японский. Интересно отметить, что Экардт, изучавший корейский язык на месте в Сеуле в разгар японской оккупации (1923 г.) и хорошо знавший о „связях“ корейского языка с японским, все же утверждает, что корейский язык даже ближе к индоевропейским (к санскриту), чем к японскому языку, и попутно указывает, что доказательства японских ученых в пользу корейско-японского родства лишены научной достоверности.

Остается еще сказать о связях корейского языка с китайским. На протяжении ряда веков (более полуторы тысячи лет; по другим данным — около трех тысяч лет) корейцы пользуются китайской иероглифической письменностью и находятся под воздействием китайской культуры. Это дало повод некоторым исследователям (Эдкинс) считать корейский язык особой разновидностью китайского языка. Однако такой вывод глубоко ошибочен. В самом деле, если в словарном составе корейского языка насчитывается до 75% слов китайского происхождения (по данным одного корейско-японского словаря, содержащего 58717 слов, более 40000 из них приходится на долю заимствований из китайского языка), то это еще не означает, что корейский язык в какой-то степени утратил свою самобытность.

Здесь следует указать на два обстоятельства: во-первых, значительная часть основного словарного фонда корейского языка является исконно корейской, во-вторых, что более важно, корейский язык сохранил свой грамматический строй, в распоряжении которого находятся как исконно корейские, так и все заимствованные слова.

Этот вывод соответствует марксистско-ленинскому учению о языке и его развитии. И. В. Сталин учит, что „...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немыслим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значе-

ние, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов,, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер".

Русские ученые, изучавшие языки Дальнего Востока: (Бичурин, Кафаров и др.), еще в первой половине прошлого века указывали на близость корейского языка маньчжурским и монгольским языкам, исходя не только из данных этих языков, но и из их исторических связей. В дальнейшем Подставин и Шмидт привлекли дополнительные материалы для доказательства этой близости. Проф. Поливанов в 1927 г. указывал, что сравнительная грамматика алтайских языков (т. е. языков тюркских, монгольских и маньчжуро-тунгусских), заменившая собою лишенные достоверности урало-алтайские гипотезы Боллера, Грюнцеля, Винклера и др., в настоящее время, после работ Рамстедта, Б. Я. Владимирцова и др., уже вышла из стадии подготовительного „нащупывания почвы" и стала подлинной наукой и что корейский язык действительно является членом алтайской семьи языков -. Включение корейского языка наравне с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими в алтайскую семью языков оправдывается не только фонетическими, морфологическими и лексическими совпадениями, но и историческими судьбами носителей этих языков.

Следует сказать, что ученые, на которых мы ссылались, кроме проф. Подставина, специально корейским языком не занимались, а интересовались им только в связи с другими языками и с другими вопросами.

Предлагаемая вниманию советского читателя грамматика известного монголиста проф. Рамстедта написана в плане лучших традиций русской востоковедной школы. Автор — крупный специалист в области алтайских языков. Своим исследованием он еще более подтверждает близость корейского языка, сохранившего свою национальную самобытность, не с южными и отнюдь не с японским язы-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² Е. Д. Поливанов «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских" языков („Известия Академии наук СССР", 1927).

ками, а только с северными и северо-западными тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками. Он прямо говорит, что „корейский язык является ветвью алтайской семьи языков".

В изложении грамматического строя корейского языка Рамстедт исходит главным образом из принципа изменяемости (или неизменяемости) слова и делит все корейские слова на три группы, а именно:

1. Имена с их склонением и иного рода изменениями, свойственными имени.
2. Глаголы с их спряжением и иного рода изменениями, свойственными глаголу.
3. Частицы и вообще все неизменяемые слова.

В категорию имени он включает существительное, местоимение, числительные и именные послелоги. В категорию глагола — глаголы и прилагательные (качественные глаголы), а также глагольные послелоги. К категории неизменяемых слов относятся все безударные частицы, междометия и такие самостоятельные формы имен и глаголов, которые не воспринимаются более как элементы той парадигмы, в составе которой они первоначально возникли (ср. п. 76).

Эта классификация Рамстедта не является новой и оригинальной. Впервые к корейскому языку она была применена проф. Г. В. Подставиным. В своих программах по корейскому языку, отмеченных выше, он упоминает о „распределении лексического состава корейского языка по трем категориям, или частям речи (имена, глаголы и вспомогательные частицы — служебные слова), и выполнении последними соответствующих функций в предложении".

В раздел „Имена" он включает: „Имена существительные, местоимения и числительные и их подразделение на отдельные разряды и виды по значению и производству. Собственные имена, существительные в роли местоимений, местоимения в значении предметных и относительных имен, местоимения - личные, возвратные, вопросительно-неопределенные, определительные и указательные, местоимения в роли членов — определенного и неопределенного, числительные — количественные и

порядковые, числительные частицы и специальные образования терминов счисления".

К разделу „Глаголы" относятся; „Глаголы в собственном смысле (переходные и непереходные) и глаголы качественные (имена прилагательные). Общее понятие о спряжении корейского глагола: основы спряжения и последовательное наращение признаков глагольных форм и окончаний. Обозрение важнейших форм спряжения. Деление форм спряжения на окончательные и неокончательные. Безотносительная форма (неопределенное наклонение). Формы повелительного наклонения. Изъявительное наклонение: формы описательные и повествовательные, формы утвердительного и отрицательного значения; изменение форм изъявительного наклонения по степеням учивости. Особая категория форм сомнения и обобщения.

Формы определительные (причастные) и обстоятельственные (деепричастные); образование важнейших деепричастных форм (слитной, разделительных, соединительных, условных, уступительных, причинных, сопоставительных, временных и пр.).

Отрицательная основа и спряжение глагола в отрицательных формах. Образование глаголов намерения и желания, побудительных и потенциальных. Глаголы учивости. Глаголы в роли междометий.

Сложные глагольные формы и специальные глагольные обороты. Отглагольные имена существительные. Отглагольные наречия. Вспомогательные глаголы. Недостаточные глаголы".

В раздел „Частицы" Г. В. Подставин относит: „Учение о послелогах, устанавливающие соотношение между членами предложения (падежные частицы). Частицы, сохранившие самостоятельное значение; наречные и восклицательные частицы. Частицы множественного числа. Частицы отрицания. Представки для распознавания рода"¹.

Проф. Подставин в классификации корейских слов в свою очередь исходит из классификации, принятой для

¹ См. „Обозрение преподавания наук в Восточном институте" IIIб, Корейский язык", „Известия Восточного института", т. XVII, 2-е приложение, Владивосток, 1916.

монгольской лексики известным монголистом А. Бобровниковым в его „Грамматике монгольско-калмыцкого языка” (Казань, 1849). Интересно сопоставить классификацию Бобровникова с классификацией слов в китайском языке. Китайские языковеды издавна делили свои слова на три категории: ши-цы (имена — „мертвые” слова), хо-цы (глаголы — „живые” слова) и сюй-цы (частицы — „пустые” слова). Следует, однако, отметить, что прилагательные у Бобровникова включены в раздел имени, а у Подставина, а за ним и у Рамстедта — в раздел глагола на правах так называемого качественного глагола.

Необходимо также указать, что замечание Подставина в упомянутой программе о „преобладающем значении глагольных корней в корейском языке” реализуется в грамматике Рамстедта как положение преемственной роли сказуемого в построении предложения по сравнению с другими членами.

Эта особенность характерна и для монгольских языков. Так, проф. Г. Д. Санжеев в „Синтаксисе монгольских языков” пишет: „В монгольском предложении мы должны различать следующие его члены: сказуемое, как минимум или фундамент предложения, подлежащее и дополнение. Далее идут определения и служебные члены: связка и показатели членов предложения. Последние (определения и служебные члены) играют по отношению к первым подчиненную роль. Дополнения, а также и подлежащее, с точки зрения исторического развития монгольского синтаксиса, должны быть рассматриваемы входящими в состав сказуемого”¹.

Таким образом, и Подставин и Рамстедт, будучи оба специалистами по монгольским языкам, сближают грамматический строй корейского языка с грамматическим строем монгольского, выделяя как характерную особен-

¹ Г. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, М., 1934, стр. 8. Б своей „Грамматике калмыцкого языка” (М., 1940) проф. Санжеев говорит: „В состав предложения в калмыцком языке входят сказуемое, подлежащее, дополнение и определение. Из этих четырех членов предложения фундаментом или минимумом последнего (предложения) является сказуемое, тогда как и подлежащее и дополнение суть не что иное, как то, что образует надстройку сказуемого” (стр. 86).

ность корейского языка наличие глагольных форм спряжения у имени прилагательного и включая поэтому последнее в разряд глагола. Но это не значит, что они отождествляют прилагательное с глаголом; они подчеркивают и различие между ними, называя глагол — глаголом в собственном смысле, а прилагательное — качественным глаголом, указывая при этом и на некоторое различие их форм в атрибутивной (определительной) позиции, а также и на другие различия.

Проф. Подставин в ряде случаев употребляет и одинаковую терминологию для общих грамматических категорий. Особенно это заметно в наименовании глагольных форм. Все это указывает на некоторого рода общность грамматической структуры обоих языков, причем эта общность нисколько не меньше той, которая наблюдается между корейским и японским языками и на которую ссылаются сторонники псевдонаучной теории „родства“ этих языков.

В грамматике Рамстедта обращает на себя внимание некоторое несоответствие в объеме между морфологией и синтаксисом. Почти все внимание Рамстедт уделяет морфологии, синтаксису у него отводится только несколько страниц. Это очевидное несоответствие может навести на мысль, что Рамстедт, выдвигая на первый план „морфологию и преуменьшая значение синтаксиса, неправильно истолковывает грамматический строй корейского языка. Скорее всего это объясняется неработанностью корейского синтаксиса.

Но в этом случае необходимо иметь в виду следующее. Рамстедт в изложении грамматики корейского языка придерживается той системы, которая у нас была принята со второй половины прошлого века и которая характеризовалась тем, что морфологию, называвшуюся тогда этимологией, излагали с обязательной иллюстрацией каждой формы ее синтаксическими функциями. Поэтому на долю синтаксиса оставалась только систематизация изложенных в этимологии синтаксических категорий, данных там в связи с формами словоизменения, и изложение тех синтаксических категорий, которые непосредственно не связаны с формами изменения

слов (порядок слов, типы предложения, прямая и косвенная речь, пунктуация). В таком плане излагались грамматики монгольского, маньчжурского и некоторых тюркотатарских языков. Поэтому знаменитый русский синолог В. П. Васильев и говорил: „Коль скоро пройдена этимология, то пройден и синтаксис"¹.

Рамстедт заострил внимание на морфологии и в частности на категории глагола, будучи вынужденным к этому еще особенностями грамматического строя корейского языка, богатого разнообразными формами словоизменения и словообразования и представляющего особые трудности при изучении корейского языка.

По единодушному признанию специалистов, корейский язык в силу чрезвычайно развитой морфологии, отягченный к тому же китайской иероглифической письменностью" является最难的 language в мире. Такое представление усиливается еще и тем, что корейский язык недостаточно разработан.

При оценке грамматики Рамстедта необходимо учитывать еще дату ее издания—1939 год, когда сохранилась японская оккупация Кореи и корейское языкознание находилось в состоянии упадка. Тем не менее Рамстедт сумел составить такую грамматику корейского языка, которая превосходит все предшествующие зарубежные работы этого рода и которая дает наиболее правильную характеристику грамматического строя корейского языка. Правда, в ряде случаев Рамстедт не учитывает новых явлений в современном корейском языке и допускает устаревшие трактовки отдельных явлений (например, системы склонения, обозначения произношения некоторых глагольных форм).

После освобождения корейского народа Советской Армией в 1945 г. и образования Корейской народно-демократической республики корейский язык и корейское языкознание, не связанные путами японских колонизаторов, получили широкие возможности для своего развития.

¹ См. его обстоятельную статью „Об отношениях китайского языка к среднеазиатским", «Журнал министерства народного просвещения», 1872.

В Северной Корее созданы специальные комиссии по разработке грамматического строя и словарного состава корейского языка, которые частично уже опубликовали результаты своей работы.

Однако разбойничье нападение американских империалистов на Корейскую народно-демократическую республику прервало мирный созидательный труд корейского народа и заставило его с оружием в руках выступить на защиту своей свободы и независимости. Никто не сомневается в том, что после разгрома интервентов корейские ученые-языковеды усилят свои исследования в области языкознания.

В предлагаемом русском переводе грамматики Рамstedta принята в качестве опыта русская транскрипция корейских слов, разработанная А. Холодовичем. Кроме этой транскрипции, имеются транскрипции Пуцилло, Подставина и Ким Тхя-хена. Транскрипция последнего помещена в его кандидатской диссертации „Корейская национальная письменность“. Ввиду недостаточной разработанности корейской фонетики, орфографии, а также многих вопросов грамматики, все эти транскрипции еще не могут считаться окончательными и стабильными; они нуждаются в дальнейшем усовершенствовании.

Проф. Б. Пашков.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В европейских энциклопедиях корейский язык определяется как язык неизвестного происхождения. Вот почему во время моего пребывания в Японии я проявил некоторый интерес к этому языку. Первыми словами, которые, казалось, дали мне некоторый ключ к решению проблем, были местоимения *и*, *йө* (этот) и *чө*, *т'ө* (тот), тождество которых с соответствующими словами монгольского и тунгусского языков очевидно. Побуждаемый этим открытием, за которым вскоре последовали другие интересные наблюдения, я принял серьезно за изучение корейского языка и в 1924—1926 гг. использовал корейского студента Ю Чинголя в качестве учителя. Я собирал материалы по разговорному и письменному языкам, не прибегая к поездке в Корею, поскольку в самом Токио я имел достаточно возможностей заниматься с корейцами, тысячи которых проживают в этом городе. С помощью студента Ю я пробовал читать корейские книги и в свободное от служебных дел время изучил все доступные мне европейские грамматики этого языка. Большину помочь мне оказали книги: Ундервуда „An Introduction to Korean Spoken Language“, Иокогама, 1914, Джемса Гейла „Korean Grammatical Forms“, Сеул, 1916, и Андреаса Экардта „Koreanische Konversations-Grammatik“, Гейдельберг, 1923. Некоторые ценные сведения о корейских диалектах я нашел в книге Джона Росса „Korean Speech with Grammar and Vocabulary.“ Иокогама, 1882, и в маленьком, но хорошем словаре, изданном на русском языке в Казани в 1904 г.: „Опыт краткого русско-корейского словаря“. Последняя работа имеет дело с языком, на котором говорят в окрестностях Владивостока (диалект, названный на последующих страницах кратко, но не вполне правильно, севернокорейским). Позже, когда я уже выработал себе собственную кон-

цепцию структуры этого мало изученного языка, особенно его глагольных форм, я познакомился с работами японских ученых Маэма и профессора Огуря Симпэй. Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали. Наиболее серьезными работами по корейскому языку и его диалектам остаются работы профессора Огуря.

Обнаружив, что мой способ понимания структуры корейского языка, скрытой за китайской иероглифической письменностью, во многих отношениях отличается от понимания его европейскими и японскими учеными, я осмелился привести в порядок мои замечания о спряжении и склонении этого языка и составить его грамматику, несмотря на то, что мои знания языка не так широки и не так глубоки, как этого бы хотелось. Все же я убежден, что те читатели, которые имеют некоторые познания по монгольскому, маньчжурскому или турецкому, легко найдут в этой грамматике столь много интересных соответствий, что появление ее будет доброжелательно принято ими. Они согласятся со мною, что корейский язык является ветвью алтайской семьи языков. Я уже предложил обсуждению читателей этот взгляд в ряде небольших статей: „Remarks on the Korean Language“ (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, LVIII), „The nominal postpositions in Korean“ (там же, LXVII) и „Koreanisch *he's*, „Ding, Stück“ (*Journal de la Soc. F.-Ougr* LXVIII, 4). Я надеюсь, что проблема происхождения корейского языка находится на правильном пути к своему окончательному решению и что эта грамматика будет способствовать лучшему пониманию характера и строения корейского языка.

Хельсинки, 1939.

Г. Рамстедт.

ВВЕДЕНИЕ

Как пишут корейцы

Так как корейцы в течение тысячелетий находились под культурным и политическим влиянием Китая, то естественно, что они, подобно японцам и аннамитам, должны были заимствовать китайскую манеру письма. Они записывают слова своего языка китайскими иероглифами, и эти иероглифы имеют, как правило, два произношения: китайское наименование (чтение) иероглифа и соответствующее ему по значению слово корейского происхождения. В корейском языке отсутствуют слова для множества отвлеченных понятий, и уже с древнейших времен многие слова и выражения этого рода были заимствованы из китайского. Многое из того, что было в корейском языке раньше, оказалось утерянным с течением времени. Китайское влияние во многих отношениях преобразило и перестроило корейский язык; заглядывая в корейский словарь, находим, что около 90% лексического материала оказывается, собственно говоря, китайским. Но тем не менее грамматическая конструкция и наиболее ходовые слова повседневной речи имеют явно иное происхождение, удостоверяя таким образом, что корейский и китайский являются языками различного типа.

Уже в эпоху Силла (57 г. до н. э.—929 г. н. э.) корейцы в целях облегчения чтения, видимо, почувствовали необходимость в написании окончаний, и особенно глагольных, при китайских иероглифах. Эти окончания писались китайскими же иероглифами, но меньших размеров и функционировали как фонетические знаки с китайским произношением.

Позже корейцы познакомились с буддийской литературой, в частности на тибетском языке, и кажется наиболее вероятным, что тибетский способ письма был образцом для корейского алфавита, изобретенного, согласно существующей традиции, королем Седжон (1419—1451).

Алфавит, называемый *онмун* (точнее, *өнмүн*), хорошо приспособлен для передачи звуков корейского языка. Это не силлабическое письмо наподобие японской *кана*; это система знаков, где для каждого гласного и согласного есть свой собственный символ. Символы пишутся вместе, комбинируясь в группы. Каждая группа представляет собою слог, и такие слоги располагаются друг под другом, сверху вниз, в строчку, причем строчки следуют справа налево, на китайский манер. Корейский алфавит хорошо приспособлен для выполняемой им роли, он очень легок в чтении и письме. Но странно то, что эта корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины считают признаком образованности употребление китайских иероглифов, отводя на долю корейских знаков обозначение окончаний да иной раз, в неясных, затруднительных случаях, обозначение иероглифа.

Чтение китайских иероглифов на корейской почве имеет длительную историю, и корейский способ произношения или чтения китайских иероглифов, так же как и японский, имеет исключительное значение для китаеведов. Поскольку в нашу задачу не входит исторический обзор китайских чтений и китайских иероглифов, постольку в дальнейшем мы стараемся избегать, насколько возможно, китайских слов и выражений, пытаясь объяснить ту часть современного бытового корейского языка, которая является действительно корейской.

ГЛАВА I

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

1. Корейский алфавит имеет следующие знаки для согласных:

к н т л(р) м п с нъ
フ レ ハ ル ロ ヘ オ

Эти восемь знаков (и звуков) имеют следующие названия: *киок*, *(н)ын*, *чигыт* (*тигыт*), *(р)ыил*, *мюом*, *ниоп*, *сюот*, *ихэнъ* (*ынъ*).

Эти знаки употребляются как перед гласным, так и после гласного. Кроме того, есть еще знаки для

ч чх кх тх пх х
ス ツ チ ハ テ フ ハ

Эти знаки употребляются только перед гласными. Знаки для *чх*, *кх*, *тх*, *пх* образуются путем легкого видоизменения непридыхательных (а именно путем присоединения черточки над знаками для соответствующих непридыхательных).

2. Корейский язык имеет больше звуков, чем число указанных выше знаков; но так как появление, например, звонких вариантов *г*, *đ*, *б* отличается явной закономерностью, то существующих букв оказывается достаточно для того, чтобы правильно читать.

3. Корейский язык имеет три серии взрывных:
непридыхательные, слабые звуки *к*, *т*, *п*, *ч*;
сильно придыхательные звуки *кх*, *тх*, *пх*, *чх*;
долгие, эмфатические, неаспирированные звуки *кк*,
тт, *пп*, *чч*.

К, *т*, *п* и *ч* в положении перед гласными являются слабыми; это значит, что в момент эксплозии (взрыва) наблюдается слабое, вялое преодоление смычки соответ-

ствующих органов речи. Толчок воздушной струи, преодолевающей смычку, отсутствует, и „голос“ слышится либо немедленно после эксплозии, либо даже уже в процессе самой эксплозии. Если такому звуку предшествует звонкий, то „голос“ длится даже в течение того короткого момента выдержки, который необходим. Это означает, что глухие *k*, *t*, *p*, *ч* варьируются с полуволнами *G*, *D*, *B*, *Dž* и звонкими *г*, *д*, *б*, *дж*. Таким образом, записанное корейскими буквами *ката* произносится *када*; *каке* произносится *каге*; *тораката* произносится *торагада*; *торапота* произносится *торабода*; *анча* произносится *анджа*; *камта* произносится *камда* и т. д.

Знаки *k*, *t*, *p* в положении после гласных и *л* служат для обозначения смычных, имплозивная часть которых (то есть переход от гласного к последующей смычке) слышится ясно, но выдержка коротка, а взрыв либо неизначителен, либо вовсе отсутствует. Таким образом, при произношении, например, слога *an* последняя фаза артикуляции — эксплозия — вовсе не воспринимается на слух — явление прямо противоположное тому, что наблюдается, например, в английском, да и в большинстве других европейских языков. И все же корейцы, видимо, не испытывают затруднений в различении согласных *n*, *t*, *k* в положении после гласного в конце слога: *как*, *кан*, *кат*; для различения этих трех звуков не требуется последней фазы артикуляции.

Для обозначения согласного *t* в положении после гласного корейцы употребляют знак *c*, а не *t*.

4. Где два взрывных звука следуют один за другим, там первый из них поддерживается предшествующим гласным, а второй — последующим гласным. Переход от одной смычки к другой происходит без пропускания воздушной струи в промежутке между артикуляциями двух согласных: *капта*, *какко*, *пакта*, *пакча*, *купчи*, *куппи*, *паккук*.

5. Аффриката *ч* не может быть в конце слога после гласного; она произносится всегда вместе с гласным следующего слога.

6. Согласные, которые обозначены здесь двойными буквами *кх*, *пх*, *тх*, *чх*, предшествуют гласному; иными словами, они произносятся вместе со следующим за ними гласным. Они могут быть определены как сильно приыхательные. При произнесении этих согласных отчетливо слышится ток воздушной струи между фазой эксплозии и следующим гласным. Эти согласные употребляются как в начале, так и в середине слова. Когда они находятся в начале слова, выдержка, смычка коротка. Но после предшествующего гласного смычка гораздо длиннее, а воздушная струя может слышаться также перед смычкой, перед выдержкой. В интервокальной позиции, например, *акха*, *атха*, *апха*, *ачха* и т. д. произносятся иногда как *ак-кха*, *ат-тха*, *ап-пха*, *ач-чха*, а иногда даже как *ахк-кха*, *ахт-тха*, *ахп-пха*, *ахч-чха*.

7. Когда сильно приыхательные звуки следуют после согласного, то перед смычкой тока воздушной струи не наблюдается; при этом переход от предшествующего согласного к приыхательному взрывному частично может быть оглушенным, если этот согласный звонок.

8. Так как приыхательные согласные могут произноситься только вместе с последующим гласным, то естественно, что каждый такой звук переходит в соответствующий неприыхательный смычный, когда он оказывается в конце слова. Это — очень важное правило, потому что флексирующие слова, которые имеют приыхательный согласный в качестве последнего звука основы, теряют это приыхание в паузе, а также перед окончанием, начинающимся на согласный. Например, основа **патх* (поле), местн. п. *патх-е* (в поле), но им. п. *пат*; основа **типх* (солома), твор. п. **типх-ыро* (соломой), юж.-кор. *чипх-ыро*, но им. п. *тип* в севернокорейском и *чип* в южнокорейском языке; *нопхын* (высокий), *нопхатта* (был высоким), но *нотча* (быть высоким); основа **м'өчх* (сколько), *м'өчхил* (сколько дней), но им. п. *м'өт* (сколько).

9. Графемы *кк*, *тт*, *пп*, *чч* (= *тч*), *сс*, когда они встречаются в начале слова, приняты нами для передачи

особого рода артикуляции, где выдержка смычки (при *сс* трение) длится примерно в два раза дольше, нежели у слабых согласных *к*, *т*, *п*, *ч*, *с*. Звуки эти произносятся эмфатически, со специфическим характером смычки (pressure) соответствующих органов речи, которая сопровождается смычкой или резким движением гортани. При отчетливом произношении регистрируется гортанный смычный ?, сопровождающий смычку в полости рта; однако, как кажется, этот гортанный смычный вовсе не обязательен. Имеются диалектальные варианты произношения этих звуков, но, несмотря на все различия, общим остается некоторое сжатие гортани и вызванный этим резкий и высокий тон последующего гласного. Этот высокий тон последующего гласного является не менее характерным, чем длительность смычки или трения предшествующего согласного. С исторической точки зрения корейские звуки этого рода, которые мы будем называть геминатами и которые сами корейцы называют *тён* (<*тоин*), то есть „густыми“, являются чаще всего результатом стяжения двух смычных, разделенных первоначально кратким гласным. Насколько позволяет судить сравнение с соответствующими словами в родственных языках, первым смычным в большинстве случаев был *п*. Благодаря недостаточной артикуляции этот *п*, видимо, развился в звук, близкий к *ф*, за которым следовало особого рода *с* (глухой присвист?), чем объясняются такие старые написания как *пск-*, *пст-*. Однако вскоре этот редуцированный согласный был заменен гортанным смычным. Например: *ттал* (дочь), которое пишется или писалось *стал*, *ттал*, *птал*, в зависимости от манеры пишущего, ср. гольдское *patala* (дочь); *ссыда* (употреблять), которое пишется или писалось *ссыда*, *псыда*, ср. *х'опсын* (невозможный, плохой), этимологически *мō-псын* (бесполезный); *сси* (семя), которое пишется или писалось *сси*, *пси*, ср. *упси*, которое обычно пишется *улси* и означает „семена, которые сеются позже между бороздами первого посева“, из *у* „верх, над“ и первоначального *пси* „семя“; ср. маньчж. *fisihe* (просо); *ккада* [очищать (кожуру)!], которое пишется или писалось *пкада*, *скада*, ср. маньчж. *faharambi* с тем же значением.

10. Помимо указанного источника геминатов есть еще два пути их образования. Поскольку число согласных, возможных в конце слова, ограничено, артикуляция некоторых согласных конца слова могла быть воспроизведена, так сказать, регressiveивно в начальном согласном слова; отсюда современное *ккёкта* (*ккёккё*: *ккёккын* — ломать) вместо старого *кёск-*. Другой процесс, приведший к образованию геминатов, это абсорбция — поглощение предшествующего согласного, например, согласного окончания. Слово „цветок“ первоначально звучало **коч* (ср. яп. *куса* „трава“); окончание родительного падежа (-*к?*, -*с?*), которое во многих случаях предшествовало имени существительному **ком*, могло способствовать образованию современного *кком*, которое ныне в сев.-кор., с исторической точки зрения, склоняется правильно (например, *ккодж-е* — в цветке), но в юж.-кор. дало такие новообразования как *ккомх-е*, *ккод-е*.

11. Графемы *kk*, *tt*, *pp*, *чч*, *сс* в середине слова употребляются для передачи только долготы согласного, точно так же как *нн*, *мм*, *лл* обозначают лишь долгий согласный, первая часть которого „подпирает“ предшествующий гласный, а вторая часть переходит в следующий гласный. Здесь, таким образом, существенной является лишь долгота. Само собою разумеется, что *kk*, *tt*, *pp*, *ЧЧ*, *сс*, *нн*, *лл* — это не два звука, а один долгий.

12. Если долгий согласный при спряжении или склонении слова оказывается в положении перед окончанием, начинающимся на согласный, то геминат заменяется соответствующим кратким.

13. Подобно *к*, *т*, *п*, которые в положении после гласного в конце слова (или слова) произносятся без взрыва, все прочие согласные в той же позиции произносятся аналогично, без явно уловимой эксплозии. Так, например, *анъ*, *ан*, *ам* произносятся так, что отчетливо слышится смычка, переход от гласного к соответствующему согласному, но конец согласного не имеет третьей фазы смычного, то есть взрыва.

14. Если зубное *t*, которое этимологически может быть вариантом *tx*, *t*, *чх*, *ч*, *с*, как в спряжении, так и в склонении, оказывается в конце слова, а следующий слог начинается на согласный, то оно уподобляется последующему звуку. Например:

памта (получать), *паннын* (получающий), *пакко* (получаю и... получил и...), *пачча* (давайте получать). Основа *пам-* обнаруживается в *падатта* (получил);

утта (смеяться), *уннын* (смеющийся), *укко* (смеюсь и ...), *учча* (давайте смеяться). Основа *ус-* обнаруживается в *усотта* (смеялся), *усым* (смех);

ппэатта (похитить), *ппэанын*, *ппэакко*, *ппэачча*, *ппэассө*. Основа *ппэат-* обнаруживается в *ппэадатта* (похитил);

итта (быть), *иннын*, *икко*, *иссө*. Основа *исс-* обнаруживается в *иссотта* (был);

антта (сидеть), *аннын*, *анкко*, *анчча*, *анссө*. Основа *андж-* обнаруживается в *анджатта* (сел);

матта (соответствовать, быть впору), *маннын*, *макко*, *мачча*, *массө*. Основа *мадж-* обнаруживается в *маджатта* (был в пору).

15. Приняв во внимание вышеописанное уподобление звука *t* в конце слова, сможем обнаружить его в качестве первоначального во многих корейских словах; так *паппуда* (спешить, торопиться) восходит к *пампуда* от основы **пас-* (давить, жать); *киппуда* (радостный) восходит к *китпуда* < **киспуда*; *киккётта* (радостный) восходит к **кискётта* и т. д.

16. Когда за *tx* и *t* следовал гласный или полугласный *и*, то северокорейский сохранил эти *tx* и *t* в неизмененном виде, а в южнокорейском *tx* и *t* дало *чх* и *ч* (соответственно *дж*):

тхийн (небо), юж.-кор. *чхөч*,

тхийо-пхи (шкура соболя), юж.-кор. *чхо-пхи*,

тхийи (тело), юж.-кор. *чхе*,

тийө (тот, то), юж.-кор. *чө*,

тиохын (хороший), юж.-кор. *чохын*,

тик'өнъ (граница), юж.-кор. *чиг'өнъ*,

тиөнси (блюдце), юж.-кор. *чөнси* (ср. монг. *tebsi*).

В северокорейском есть диалекты, которые в этом случае сохранили старый зубной согласный; в других диалектах произошла депалатализация зубного: *m'θ* и *θ* (то, тот), *m'əpshi* и *θəpshi* (небольшое блюдо, небольшая тарелка, блюдце), *m'oxyn* и *θoxyn* (хороший) и т. д. Все эти северокорейские диалекты должны быть подвергнуты подробному изучению, поскольку они могут послужить критерием того, в каких случаях юж.-кор. *χhi* и *chi* изначальны, а в каких случаях они являются следствием палатализации первоначальных *txhi* и *ti*.

17. В тех же северокорейских диалектах юж.-кор. *χh* и *ch* отражается в одних случаях как *χh* и *ch*, в других случаях как *çh* и *ç*. Здесь *çh* и *ç* восходят к *χh* и *ch* твердым, тогда как *χh* и *ch* к *χh* и *ch* мягким:

çal (хорошо), сев.-кор. *çar*,
çul (линия), сев.-кор. *çur*,
çarada (достаточный), сев.-кор. *çaрада*,
çakta (маленький), сев.-кор. *çакта* из **ç'ak-*,
çedžsyn (мокрый), сев.-кор. *çedzyn*,
çelmyñ (молодой), сев.-кор. *çermun* из **ç'erm-*.

18. Юж.-кор. *s* перед гласным произносится в северокорейском либо *s*, либо *sh*. Сев.-кор. *sh* восходит к *s* мягкому. Перед гласным *n* согласный *s* в северокорейском произносится только как *sh*.

seda (стоять), сев.-кор. *sheda* из **s'θ-*,
møgøsø (поев), сев.-кор. *møgøshø* из **møges'θ-*.
sany (награда), сев.-кор. *shanъ*,
syr'ønъ (глава местной администрации), сев.-кор.
shyr'ønъ,
køs-n (весь), сев.-кор. *køsh-n*.

19. Поскольку в южнокорейском палатализованные *χh* и *ch* не противопоставлены твердым и произносятся как *χh* и *ch*, то существующее ныне правописание *ç'e* является во всех отношениях надежным: пишут *ç'uða* и *çuda* (давать), тогда как в свете сев.-кор. *çuda* ясно, что принятое написание *ç'uða* исторически неправильно. То же самое относится и к правописанию *s* твердого и

мягкого: глагол „стоять“ записывают то *сёда*, то *с'ёда*; последнее написание скорее соответствует сев.-кор. *шёда*.

В общем, севернокорейское произношение со всеми его вариантами представляет, с исторической точки зрения, гораздо большую ценность, нежели правописание, принятное ныне в сеульской печати.

20. В некоторых диалектах юга *кх* и *к* мягкие дали соответственно *чх* и *ч*:

кил (дорога)

чил (на острове
Квельпарт)

ким (Ким — фамилия)

чим

чиг'ёнъ (граница)

чиджёнъ

киул, киури (отруби из пшеницы)

чиури

Такая эволюция *кх* и *к* представляет собой местное явление сравнительно недавнего происхождения. Подобного рода произношение не является образцовым, оно не попало в литературный язык, хотя в некоторых случаях и может обнаружиться в отдельных произведениях.

21. Когда за смычным следует носовой, то такой смычный уподобляется носовому: *мёкта* (есть), но *мёньында* (ест); *памта* (получать), но *паннында* (получает); *пэкма* (белая лошадь) произносится *пэнъма*; *сили* > *синни* (десять ли — корейская мера длины) произносится *симни*; *м'ётнал* (сколько дней) произносится *м'ённал*; *ккотнада* (цвести) произносится *кконнада*; *апни* (передний зуб) произносится *амни*; *пам-мада* (каждое поле) произносится *панмада* и т. д.

Это правило касается только сочетаний смычного с *н* и *м*, начинающими слог. Что касается *нъ*, то оно начинать слог не может.

22. В некоторых диалектах сочетание *нъ+г* произносится наряду с обычным *н'г* как долгое *нънъ*: *камгигда* (скатываться, свертываться) произносится в одних диалектах как *канънъигда*, в других — как *канъигда*, *камнъигда*; *симгигда* (сажать) произносится то *синънъигда*, то *симнъигда*, в зависимости от говора.

23. Как нам кажется, в свое время в корейском языке существовал фонетический закон, согласно которому заднеязычное *ń* в положении между гласными в силу постепенного ослабления артикуляции исчезало, результатом чего было в ряде случаев стяжение двух гласных в один. Под действием того же закона исчез и тот звук, который лучше всего может быть определен как палатальное *ń*. Для этого носового согласного, который до некоторой степени был похож на слабо назализованное *ń*, в корейском алфавите была особая графема, маленький треугольник Δ . Произношение этого звука варьировалось от диалекта к диалекту; артикулировался он очень слабо. Это явствует из весьма разнообразных способов передачи его на письме. Как особая фонема это мягкое *ń* исчезло в корейском языке давно. Например, *кэ* (собака) записывается как *каи*, восходит к **кан'и* (ср. гиляцкое *кан* — собака, турецкое *чапчиц* — сука); *ка* (берег) восходит к *кан'*; *ви* (самка, о животных) восходит к **өн'и* (ср. тунг. *ен'е* — мать).

24. Авторы маленького, но вполне надежного русско-корейского словаря, изданного в 1904 г. в Казани, употребляют два знака для *ń*, отмечая таким образом различие между более сильным произношением *ń* в конце слова и более слабым произношением его перед последующим гласным:

канń (река), но *канń-и* (относительно -и см. п. 86),
наранń (страна), но *наранń-и* и т. д.

Это ослабление артикуляции *ń* перед гласным, как кажется, является древним; оно объясняет наличие таких вариантов, как юж.-кор. *нара* и сев.-кор. *наранń* (страна), юж.-кор. *мада* и сев.-кор. *маданń* (каждый) и т. д.

25. Согласный *ń* сохранился во всех случаях; исключением является *ń* в положении перед гласным или полу-гласным *и*, *й*. Здесь *ń* очень давно палатализовалось и подобно исконному **ń* исчезло вовсе. Это хорошо доказывается современными формами слов, заимствованных из китайского языка:

нин — человек; ныне *ин*, местами в севернокорейском
-*нин*, *ин-*,

ни — два, ныне *и*,

ийөн — год, ныне *йөн*, сев.-кор. *ийөн* или *нөн*,

ийө — женщина, ныне *йө*, сев.-кор. *ийө* или *нө*,

ийөи — древний, ныне *йё*, сев.-кор. *ийё* или *нё* и т. д.

Это правило действовало лишь в отношении начального *н*. В остальных случаях, как, например, в сложносоставных словах, где морфема с начальным *н'* оказывалась в середине слова, это *н'* сохранилось:

йөн (год), но *ин'өн* (два года),

йе (да), но *он'e* (да),

йө (женщина), но *сон'ө* (я, ваша дочь; дословно: маленькая женщина).

26. Как уже говорилось, в корейском языке для *p* и *л* есть лишь одна графема. Произношение этой фонемы варьируется от диалекта к диалекту. Все же могут быть предложены следующие общие правила:

1) в начале слова не может быть ни *p*, ни *л*; они заменяются *н*; относительно *ли* и *лй* см. ниже;

2) в положении между гласными имеем краткое *p* и соответствующее ему долгое *лл*, изображаемое графически как *lh*;

3) в положении между гласным и согласным *x* имеем *p*;

4) в положении между гласным и любым другим согласным, кроме *x*, а также в конце слова в севернокорейском имеем *p*, а в южнокорейском *л*.

Корейское *p* является слабым и малоударным согласным. *Л* является обычным билатеральным *л*, ни в коем случае не палатализованным.

27. Корейский язык никогда не имел в начале слова ни *p*, ни *л*, подобно тунгусским и монгольским языкам. Начальное *л* в словах, заимствованных из китайского, произносилось как *н*. Там, где в китайском были *ли* и *лй*, они закономерно дали в корейском *ни* и *ний*, которые большей частью сохранились в севернокорейском, дав

в южнокорейском и и й. согласно закону о начальном *н*. Например:

- кит. *лок* (зеленый) дало *нок*;
- кит. *лам* (голубой) дало *нам*;
- кит. *латйөн* (латинский) дало *наджөн*, *наджын*;
- кит. *лакуи* (осел) дало *нагви*;
- кит. *лохйөнъ* (старший брат) дало *нох'өнъ* (вы);
- кит. *лайил* (грядущий день) дало *нэил*, сев.-кор. *нээл* (завтра);
- кит. *лампи* дало *намби* (сковорода; ср. яп. *набэ*),
англ. lamp дало *нампху* (ср. яп. *рампу*);
- кит. *ли* (верста) дало *и*, сев.-кор. *ни*;
- кит. *лиук* (шесть) дало *йук* (*юк*), сев.-кор. *нюк*.

В сложносоставных словах китайское *л* перед гласным большей частью сохранило произношение *н*, которое вызвало назализацию предшествующего смычного: **м'өт-ли* > *м'өнни* (сколько ли (верст)), **лиук-ли* > *юнни* (шесть верст), *сиp-ли* > *симни* (десять верст), **сиp-лиук* > *сиmнюк* (шестнадцать), *сиp-лиук-ли* > *сиmнюни* (шестнадцать верст).

28. Существуют диалекты (с представителями которых мне пришлось встретиться в вагоне поезда в Северной Корее), которые имеют в качестве начального звук средний между *н*, *л*, *д*, вероятно, своего рода назализованное *л* с кончиком языка в положении при артикуляции *д*. В таких говорах слово *не* (четыре) произносится как *"дуи*, *"луи* или *дүин*, *лүин*. Представители некоторых диалектов, с которыми мне пришлось встречаться, как кажется, не различали в начальной позиции *л*, *н*, *д*, *p*.

29. Ясно, что корейский язык трактует звуки *л* и *p* как одну фонему, противопоставляя одновременно краткое *p* долгому *лл*. *P* произносится в положении между гласными и перед последующим *x*. В южнокорейском в положении после гласного всегда слышится *л*, если только это *л* принадлежит тому же слогу, что и гласный; однако *л* дает *p*, если эта фонема переходит в состав

следующего слога. В старокорейском произношение, видимо, было таким же, как ныне в северокорейском, где в положении после гласного слышим регулярно *r*:

салго (живу и ...), *саратта* (жил), *сарым* (жизнь),
салм'өн (если жить ...);

тылго (поднимаю и ...), *тырётта* (поднял), *тырым* (подъем), *тылм'өн* (если поднять ...);

йөлго (открываю и ...), *йөрётта* (открыл), *йөрым* (открытие), *йөлм'өн* (если открыть ...);

молго (гоню и ...), *моратта* (гнал), *морым* (гонка),
молм'өн (если гнать ...). и т. д.

Во всех приведенных примерах северокорейские диалекты дают регулярно *r*.

30. Если за *л* (сев.-кор. *p*) следовал в том же самом или следующем слоге зубной согласный (*тх*, *т*, *д*, *с*, *чх*, *ч*, *дж*), то *л(p)*, видимо, уже в давние времена стал произноситься ослабленно и наконец исчез. Ичез он также и перед билабиальным *в*, признаком пассивной основы глаголов (собственно *-ву*, *-бу*), давшим впоследствии *о*, *у*. Закономерное развитие глаголов с конечным *л(p)* привело, таким образом, к тому, что это *л(p)* исчезло перед многими окончаниями. Если это *л* все же пишется и даже произносится перед некоторыми окончаниями, например перед *-да*, то это зависит от более позднего восстановления прежнего положения венцей; это могло быть также намеренным нововведением со стороны теоретиков грамматики. Ср. те же примеры:

сада (восстановленное *салда* — жить), *сан* (живший),
санын (живущий), *саджи* (возможно, живет), сев.-кор.
сади, *сарди*;

тыди (восстановленное *тылда* — поднимать), *тын* (поднятый), *тынын* (поднимающий), *тыджи* (возможно, поднимает), сев.-кор. *тыди*, *тырди*;

мода (восстановленное *молда* — гнать), *мён* (гнавший),
мёнын (гонящий), *мёджи* (возможно, гонит);

йёда (восстановленное *йөлда* — открывать), *йён* (открывший), *йёнын* (открывающий), *йёджи* (возможно, открывает).

31. В результате описанного процесса язык потерял сочетания согласных *лтх*, *лт*, *лд*, *лс*, *лчх*, *лдж*. Остались лишь сочетания *лк*, *лп*, *лтх*, *лх*. Но если за *лк*, *лп*, *лтх* следует согласный, то в современном корейском выпадет либо *л*, либо *п*, *к* (последнее наблюдается в том случае, когда последующий согласный является смычным):

пулкта (быть красным; произносится *пукта*, в диалектах также *пултта*), *пулгын* (красный),

малкта (быть чистым, быть светлым; произносится *макта*, в диалектах также *малтта*), *малгын* (чистый, светлый),

палтта (ступать; произносится *папта*, в диалектах также *палтта*), *палбатта* (ступал),

нөлтта (быть широким; произносится *нөпта*, в диалектах также *нөлтта*), *нөлбын* (широкий).

32. Приняв во внимание эту тенденцию к исчезновению *л*, можем во многих словах обнаружить следы этого звука, особенно в именах существительных, где именительный падеж оказал сильное влияние на прочие падежи:

ап (перед), *апх-е* (впереди); в старом языке *алх-е*. Здесь местный падеж *апх-е* перестроился по образцу именительного *ап*, в котором закономерно опускалось *л*;

алхха (болеть); основа *алх-*; *апхуда* (больно) от более ранней формы *алхху-* из *алх-* + окончание *-бу*. Исчезновение *л* закономерно;

пхат, днл. *пхот* (бобы), местный падеж *пхатх-е*, *пхотх-е*. Ср. турецк. *bırç-aq* (горох).

33. Что касается сочетания *лх*, то оно обычно дает *р*, поскольку *х* произносится слабо, если оно вообще произносится. Если за этим сочетанием следует смычный, то он превращается в придыхательный. Сочетание *лхн* дает *лл*, а *лн* дает *н*. Например:

олтха (из **олх-та* — правильный, правый), *орхатта*, *оратта* (был прав), *орхын*, *орын* (правый, правильный), но *олкхе* (правильно);

кылтха (из **кылх-та* — варить), *кырхөтта*, *кырөтта* (варил), *кыллын* (из *кырх-нын* — варящий), но *кылхө* (варит и ...);

ттуултха (из **ттуулх-та* — протыкать, проделывать дырку); *ттурхөтта*, *ттурөтта* (проткнул), *ттурхын*, *ттуурын* (проткнувший), *ттууллында* (протыкает).

34. В ряде заимствованных из китайского слов находим конечное *л(p)*. Оно соответствует реконструируемому *т(д)* в собственно китайском языке. Произношение этого звука в китайском, видимо, изменилось так, что *д* дало спирант *ð* наподобие *th* в английском *this*. Уже в древнем китайском этот спирант мог представлять некоторую разновидность *p*. Это **д* ~ (**m*) дало в японском слоги *-ту*, *-ти*, произносимые ныне *-цу*, *-ти*. Например:

кор. *вэл*, сев.-кор. *вэр*, яп. *гвэцу* из **гвет*, совр. кит. *յү* (луна, месяц);

кор. *тх'эл* (произносится *чхэл*), сев.-кор. *тх'эр*, яп. *тэцу* из **тхем*, совр. кит. *the* (железо);

кор. *ил*, сев.-кор. *ир*, яп. *нити*, *дзицу* из *ним*, *дим*, совр. кит. *ні* (день);

кор. *пхил*, сев.-кор. *пхир*, яп. *хицу* из *пхим*, совр. кит. *фі* (кисточка для письма);

кор. *пхал*, сев.-кор. *пхар*, яп. *хати* из **пхат*, совр. кит. *фа* (восемь);

кор. *сал*, сев.-кор. *сар*, яп. *сацу* из **сам*, совр. кит. *са* (убийство).

35. Это конечное *л(p)* в заимствованных из китайского языка словах сохранилось перед зубными в противоположность *p* исконно корейских слов. Единственным исключением является, пожалуй, *пул*, *пу* (не), следующее закономерностям исконно корейских слов: *пулгил* (несчастье), *пултөп* (беззаконие), но *пудонъ* (неодинаковый, не тот же самый), *пудөк* (лишенный добродетели), *пуданъ* (несоответствующий). Ср. корейские слова *ханал* (небо), но *хананим* (бог); *сымул* (двадцать), *сымурхана* (двадцать один), но *сымуду* (двадцать два), *сымусе* (двад-

цать три), *сымуне* (но также *сымулле* — двадцать четыре); *сол* (сосна), *наму* (дерево), но *сонаму* (наряду с *солламу* — сосновое дерево); *мул* (вода), но *муджиге* (радуга) из *мул* (вода) + *чиге* (приспособление для перевозки груза на спине, рогулька); *ссал* (рис), но *ссаджён* (рисовая лавка); *сал* (мясо), *тынъ* (спина), но *са-дынъи* (спина); *паныл* (иголка), но *паныджил* (шитье) при чн.г (работа).

36. Если последним слогом основы являются *ро*, *ру*, *ры* с кратким гласным, то эти *ро*, *ру*, *ры* перед окончанием, начинающемся на гласный, переходят в *лл*:

моруда, *морыда* (не знать), но *моллатта* (не знал);

оруда, *орыда* (подниматься), но *оллатта* (поднялся), *оллода* (поднимать);

хырыда (течь), но *хылло* (протекая);

(н)ырида (называть), но *иллётта* (назвал);

пурыда (звать), но *пулло* (позвав), *пуллида* (быть позванным, быть названным, называться);

харо (один день), но местный падеж *халл-е* (наряду с *харо-е*);

маро, *малло* (гребень горы), но *малл-е*, *малло-е* (на гребне горы).

Это изменение *л(р)* с последующим кратким гласным в *лл*, напоминающее греческое склонение типа *polys*, множ. *polloi*, следует особенно хорошо помнить при спряжении глаголов данного класса.

37. Сочетания *лн* и *нл* закономерно дали *лл*, за исключением старых корейских слов, где *л* исчезло перед *н*:

чёнли произносится *чёлли* (тысяча „верст“);

пунлан произносится *пуллан* (беспорядок);

манли произносится *малли* (десять тысяч „верст“);

пул нада произносится *пуллада* (загореться);

сол наму произносится *солламу* (сосна; ср. *сонаму* с тем же значением);

илю произносится *иллю* (человеческий род).

Таблица ассимиляций согласных
Первый слог оканчивается на:

Второй слог начинается с:

	<i>к*</i>	<i>т**</i>	<i>п***</i>	<i>н</i>	<i>м</i>	<i>л****</i>	<i>нѣ</i>
<i>к</i>	<i>кк</i>	<i>кк</i>	<i>пк</i>	<i>нѣг</i>	<i>мг</i>	<i>лг</i>	<i>нѣг, нѣнѣ</i>
<i>т</i>	<i>кт</i>	<i>тт</i>	<i>пт</i>	<i>нѣд</i>	<i>мд</i>	<i>лд, д</i>	<i>нѣд</i>
<i>п</i>	<i>кп</i>	<i>пп</i>	<i>пп</i>	<i>мб</i>	<i>мб</i>	<i>лб</i>	<i>нѣб</i>
<i>ч</i>	<i>кч</i>	<i>тч</i>	<i>пч</i>	<i>нѣж</i>	<i>мдж</i>	<i>лдж, дж</i>	<i>нѣдж</i>
<i>с</i>	<i>кс</i>	<i>сс</i>	<i>пс</i>	<i>нс</i>	<i>мс</i>	<i>лс, с</i>	<i>нѣс</i>
<i>н</i>	<i>нѣн</i>	<i>нн</i>	<i>мн</i>	<i>нн</i>	<i>мн</i>	<i>лл, н</i>	<i>нѣн</i>
<i>м</i>	<i>нѣм</i>	<i>мм</i>	<i>мм</i>	<i>мм (нм)</i>	<i>мм</i>	<i>лм</i>	<i>нѣм</i>
<i>р, л</i>	<i>нѣн</i>	<i>нн</i>	<i>мн</i>	<i>лл</i>	<i>мн</i>	<i>лл</i>	<i>нѣн</i>

* -к из исконного *к*, *кх*, *ск* и *лк*.

** -т из исконного *т*, *тх*, *с*, *сс*, *ч*, *чх*.

*** -п из исконного *п*, *пх*, *пс*, *лп*.

**** -л или -р ассимилируется или поглощается предшествующим гласным, если следующее за *л*, *р* окончание начинается на зубной; древние сложносоставные слова следуют тому же правилу; однако в новых сложносоставных словах, а также на стыке двух независимых слов *л* сохраняется.

38. Согласный *х* произносится при условии наличия ударения на последующем гласном; с потерей ударения исчезает и *х*, по крайней мере в южнокорейском произношении. *X* встречается большей частью в начале слова; но в ряде диалектов он слышен также во втором и третьем слогах, то есть там, где южнокорейский давно утерял его. В некоторых диалектах он чередуется с *с*; с исторической точки зрения *х* во многих случаях действительно восходит к *с* (или *з*?). В некоторых диалектах мягкое *х* часто слышится как *съ* и *шъ*:

каыл (осень), в диалектах *кахыл*, *кахыр*, *касыр*;

к'оул (зима), в диалектах *кеул*, *кеур*, *к'есыр*;

махын (сорок) произносится *мавын*;

көс-ыл (венец — вин. п.) произносится *коыл*, *көл*, *-гөл*;

утта (смеяться), *усым* (смех), в диалектах *ухым*, *уым*;

х'ө (язык), в диалектах *с'ө*, *шө*, *шөттэ*.

Ср. *хана* (один) с айнским *шине* (один); *хада* (делать) с маньчж. *se-* (делать, говорить), яп. *суро* (делать);

хый- (белый) с тунг. *si-*; *хай* (день), произносится *хэ*, с тунг. *siun* и маньчж. *šin* (солнце).

39. Конечными звуками некоторых глагольных основ являются *px(lx)* и *nx*. В этого рода глаголах *x* отражается в аспирации последующего смычного там, где это возможно; где это невозможно, *x* исчезает бесследно:

мантха (многочисленный), основа *манх-*; *манкхо* (многочисленный и ...), *манчхи* (много), но *мансо* (много), *ман(х)ын* (многочисленный), *манхи* (много), произносится *мани*.

ккылтха (кипеть), основа *ккылх-*; *ккылкхо* (кипит и ...), но *ккылсо* (кипит), *ккыллида* (заставлять кипеть), *ккыллында* (кипит).

40. Есть ряд глаголов, конечным звуком которых является „*x* после гласного“; это *x* также отражается в аспирации последующего смычного, не оставляя следов в других случаях. Корейская орфография сохраняет его повсюду, но в произношении он не сохранился:

чотха (быть хорошим), сев.-кор. *тётха*, основа **т'ох-*; *чокхо* (хороший и ...), *чокхе* (хорошо), юж.-кор. *чоын* (пишется *чохын*), сев.-кор. *т'оыч*, *т'оун* (хороший);

нөтха (положить в), основа **нөх-*; *нөкхо* (положить и ...), сев.-кор. *нөын*, *нөөн*, *нөн*, пишется *нөхын*, (положенный);

нотха (отпустить), основа **нох-*; *нокхе* (чтобы отпустить), *нотчхи ани хада* (не отпустить).

41. *X* в конце основы, как сказано выше, перед смычным не исчезает бесследно, а аспирирует этот смычный. Исключно придыхательные смычные такого воздействия на окончание не оказывают:

нопхын (высокий), основа *нопх-*; *нотха* (быть высоким), *нотко* (высокий и ...), *нотчи ани хада* (не высокий);

капхын (оплаченный), основа *капх-*; *капта* (платить), *капхатта* (заплатил), *капке хада* (заставить платить); *халтхатта* (тизкал), основа *халтх-*; *халтта* (лизать);

ччотта (спугнуть), основа *ччочх-*; *ччочхатта* (спугнул), *ччокко* (спугиваю и ...), *ччокке хада* (заставить спугнуть).

42. Есть основания полагать, что в корейском языке были некогда щелинныe *г* и *б*. В севернокорейских диалектах, которые во всех отношениях древнее южных, еще до сих пор находим эти звуки. Что касается исчезновения *б*, то ср. следующие данные из двух основных диалектов:

сев.-кор.	<i>обун</i> (все)	юж.-кор.	<i>ohn</i> ; ср. тунг. <i>upkat</i>
сев.-кор.	<i>мугёбун</i> (тяжелый)	юж.-кор.	<i>мугёун</i>
	<i>мүгёби</i> (вес)		<i>мүге</i>
сев.-кор.	<i>каккабун</i> (близкий)	юж.-кор.	<i>каккаон</i>
	<i>каккаби</i> (близко)		<i>каккаи</i> (пишется <i>каккахи</i>)
сев.-кор.	<i>хабун</i> (один, в одиночестве)	юж.-кор.	<i>хён</i> ; ср. <i>хайна</i> (один)

43. Слоги *ва*, *вө*, как правило, дали *о*, *у*; таким образом, имеем ныне *хао* вместо старого *хава*; *поо* вместо старого *пова*; *ио*, *иу* вместо старого *ивө*. В начале слова слог *вө* дал *ө*, во всяком случае в основе *ө-* с вопросительным значением (в *өна*, *өттө*, *өтчи*), которая, согласно Россу, в некоторых северных диалектах еще до сих пор произносится *вө*, восходя к архаическому **мө*, **ми* (что). Как окончание пассивной основы спирантное *б* употреблялось в глаголах с конечным *л*, *р*; таким образом, имеем ныне *ао* (знает), *йөо* (открывает) от предполагаемых **алва*, **йөлевө* и т. д.

44. Щелинное *г* (то есть *γ*) может быть обнаружено в словах типа *наму*, *намо*, *намэк* (дерево), *чаро*, *чару*, *тарэк* (ручка), древним произношением которых могло быть *намаг*, *чараг*; в сев.-кор. эти слова до сих пор произносятся как *намги*, *царги* (с окончанием *-и* как детерминативной формой). Здесь, очевидно, *г* перешло в гласный после предшествующего гласного, сохранив-

шился, однако, в том случае, если этот предшествующий гласный исчез. Сюда же относятся существительные на *o*, *u* и, возможно, многие слова на *e*, как, например, сев.-кор. *сурги*, юж.-кор. *суре* (телега).

ГЛАСНЫЕ

45. Корейский алфавит имеет следующие знаки для гласных:

	<i>a</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>ы</i>	<i>и</i>	<i>ă</i>
в начале слова	아	어	오	우	으	이	으
в слове	ㅏ	ㅓ	ㅗ	ㅜ	-	ㅣ	-

Добавочная черточка к знакам, изображающим *a*, *ə*, *o*, *u*, дает знаки для *я*, *йə*, *ё*, *ю*. Сочетание гласной графемы с графемой *i* дает изображение дифтонгов. Таким образом имеем:

я	йə	ё	ю
ㅑ	ㅕ	ㅕ	ㅕ
ai(==ə)	əii(==e)	йəii(==ie)	yyii
애	에	ㅖ	의
oa(==va)			의
ㅚ			외

Корейский порядок гласных: *a*, *я*, *ə*, *йə*, *o*, *ё*, *u*, *ы*, *и*, *ă*. Все гласные помещаются в словарях между *с* и *нъ*.

46. Так обстоит дело с графемами для гласных. Что касается произношения, то оно значительно изменилось с тех пор, как был изобретен корейский алфавит. Нынешнее литературное произношение может быть описано следующим образом:

a — гласный заднего ряда, нижнего подъема, долгий и краткий;

ə — широкое *e*; отодвинутый назад гласный, что придает ему оттенок *ö* заднего ряда; губы не округлены; гласный среднего подъема, заднего или смешанного ряда;

напоминает английский гласный в *bird*, *world*, *urn*; бывает как кратким, так и долгим;

о — гласный нижнего подъема, заднего ряда, огубленный;

у — гласный верхнего подъема, заднего ряда, огубленный; он имеет, видимо, два оттенка: один более задний, другой — произносимый поднятием языка к средней части нёба;

ы — гласный верхнего подъема, смешанного ряда, напоминает русское *ы*, турецкое *i*;

и — гласный верхнего подъема, переднего ряда, как и в других языках;

ă — гласный заднего ряда, долгий и краткий; произносился, видимо, так же, как гласный в английских словах *blood*, *club*.

47. Все перечисленные гласные дошли до нас в неизмененном виде; что же касается гласного *ă*, который корейцы называют „кратким *a*“, то он причиняет много трудностей говорящим самим корейцам. Большинство диалектов, в частности говор столицы, потеряло этот гласный, и он развелся там либо в *a*, либо в *ы*, реже в *ө*. Это многообразие переходов породило различную орфографию; все же наиболее обычной является передача его через „долгое *ă*“. Так поступают при всех переизданиях старых документов и книг. Например, *хăда* (делать), *хăнăн* (делающий) ныне записываются как *хада*, *ханан*, *ханын* (иногда даже *ханен*).

С исторической точки зрения это „краткое *a*“, подобно английскому гласному в *blood*, *cirr*, является позднейшим развитием более раннего гласного заднего ряда (*a*, *o*, *у*), который произносился, видимо, недостаточно отчетливо в силу своей краткости; долгое *ă*, надо полагать, появилось позже. Например, *мăл* (конь), сев.-кор. *мар*, диал. *мор*, ср. монг. *morin*, тунг. *murin*, турецк. *mor*; *пхăт* (бобы) (с окончанием: *пхатчхи*), диал. *пхот* (*пхотчхи*), ср. турецк. *bırç-aq* (горох). Всякий раз как встречаем в диалектах чередование *a* с *o* или *a* с *у*, можно предположить, что за этим чередованием стоит более раннее *ă*. В положении перед *с*, *л*, *р* и после *х* *ă* писалось

также в тех случаях, где с исторической точки зрения более вероятным был какой-то гласный переднего ряда. Это может означать, что некогда такой гласный переднего ряда произносился как *ä* перед *s* и *p* (*äc* из более раннего *ыс* и *өс*; *äр* из более раннего *ыр*) и после *x* (*хäда* из предполагаемого **хөда*).

48. Гласные могут сопровождаться предшествующим полугласным *й*, что дает *йя*, *ё*, *йө*, *ю* со слабым *й*. Как сказано выше, сами корейцы рассматривают эти сочетания звуков как особые гласные. Во многих словах *йө* произносится ныне как *e*: *n'өда* и *педа* (прислоняться), *n'өге*, *пеге*, *пегэ* (подушка). При отчетливом произношении более правильным является все же *йө*. Сочетания *йы*, *ий* и *йй* исчезли, видимо, уже к моменту создания корейской письменности. Если они когда-нибудь существовали, то потеря их вызвана поглощением *й* либо предшествующим согласным (палатализация), либо следующим гласным *i*. В современном языке *я*, *йө*, *ё*, *ю* утеряли первый элемент, то есть *й*, после *s*, *ч*, *чх* и *дж*; таким образом, *ся* произносится как *са*, *чя* как *ча* и т. д. Но в некоторых северных диалектах *ся* произносится как *ша*, *чя* как *ча*, *чхя* как *чха*, тогда как *ча* произносится как *ца*, *чө* как *цө*, *чхө* как *цхө*, *чо* как *цо* и т. д. (см. гл. 16—19). Экардт говорит в своей грамматике, что после *s*, *ч*, *чх* гласные *я*, *ё*, *йө*, *ю* произносятся почти без *й*, но что в этом случае гласный, как правило, долгий; например, *санъ* (стол), но *сянъ* (верх) произносится как *санъ*, с долгим гласным.

49. Перед гласными может быть также полугласный *ү*. До сих пор сохранились сочетания *ви* и *вө*, которые записываются соответственно как *oa*, *uө*. Если допустить, что в старокорейском языке были *во* и *гу*, то они должны были дать *o* и *u*; точно так же древнее *ев* дало, видимо, *у*, *ви* дало *и*, а *vä* дало *o*. Сочетания гласного с следующим полугласным *ү* отразились в позднем языке в виде долгого гласного, как это имеем в южнокорейских диалектах; ср. *ön*, сев.-кор. *обун* (все); *хён*, сев.-кор. *хабун*, первоначально *хäбун* (один(окий)).

50. Сочетания гласного с последующим полугласным *й* — весьма распространенный тип дифтонга в корейском языке, о чем свидетельствует орфография: *ai*, *ei*, *oi*, *yi*, *ai*, а также *ii*, *eo*, *eu*, *iu* и, равным образом, *wa* и *ve*. Нынешнее произношение этих исконных дифтонгов таково:

ai произносится как э; широкое *a* переднего ряда, нижнего подъема, шире, нежели английское *a* в *map*;

ei произносится как *e*; *e* переднего ряда, среднего подъема, почти как английский гласный в *day*;

oi; наиболее частое произношение этого гласного *ö*, как немецкое *ö* в *schön*; но во многих диалектах он произносится как *ve* со слабым *v* и несколько отгубленным *e*;

ui произносится как *ü* во французском *tie*; во многих диалектах оно произносится как *vi* в параллель произношению письменного *oi* как *ve*;

yy произносится как дифтонг, очень часто как просто *i* с несколько более задним начальным элементом; окончание родительного падежа *yy* является более широким и звучит часто как краткое *e*;

ai произносится как э, иными словами, как широкое *e*; в ряде случаев оно произносится как *yy*; например, *eda* (где) произносится как *edə*, *edɛ*, *edyy*, *edü*, *edii*.

51. Все вышесказанное показывает, что после введения в действие корейской письменности в языке произошло превращение дифтонгов в простые гласные, что дало новые гласные э, *e*, *ö* и *ü*. В некоторых диалектах ныне имеется два *e* — закрытое *e* (из *ei*) и открытые *e* (из *ai*).

52. Что касается графических трифтонгов *iai*, *ioi*, *ieu* и *vai*, *vei*, то вопрос о их произношении решается просто после того, что было сказано выше о полугласных *v*, *ü* перед гласным и о нисходящих дифтонгах с *i*. Надо, быть может, только указать, что *ioi* обычно произносится как *io* или *ö*, а *ieu* как *ü* или *ü*:

iai (лодка, судно) произносится *ɪə*,

ialgi (крыло) произносится *ɪalgə*,

vai (бамбук) произносится *və*,

чигөи (рогулька; приспособление для переноски груза спине) произносится чиге,
 чхөи (тело) произносится чхе,
 чай (пепел, зола) произносится чэ,
 кагаи (возможно, пойдет) произносится каге (окончание до двоякого рода -каи и -көи; вариант -көи ныне стал цераспространенным, поглотив окончание -каи),
 тоңда (становиться) произносится тёда или тведа,
 күн (ухо) произносится кү или кын (можно услышать ён),
 күн-өи (в ухе) произносится күе, күйе, күйие,
 пүн (метла) произносится ли, реже пү или пүи,
 пхында (звести) произносится пхыда,
 пунда, пында (пустой) произносится пида,
 мүнита (неприятный, противный) произносится миита,
 сарәмай (старое написание родительного падежа от существительного сарәм — человек) произносится сарамый (окончаниями были аи и ын; последнее обладало).

Дифтонги *үи* и *ыи* после губных согласных, как правило, произносятся как *и*; соответствующим образом изменилось и правописание.

53. Произношение графических дифтонгов и трифтонгов различно в зависимости от диалекта. Так, например, произносится как *a*, *йө* как *e*, а в некоторых местах же как *i*; *йе* произносится как *e* или *i*; *йо* как *o* или *ю* как *ў*; *ои* как *ve*, *ви*, *o*, *э*, *и*, и т. д. Проф. С. Огуря в своих работах привел много тонких наблюдений над временными произношением гласных в южных районах Кореи. Не имея возможности подробно останавливаться на корейской диалектологии, мы в дальнейшем придерживаемся произношения, свойственного диалекту Сеула.

КОЛИЧЕСТВО (ДЛИТЕЛЬНОСТЬ) ГЛАСНЫХ

54. Корейские гласные бывают краткими и долгими; долгота слышится отчетливо в том случае, когда слово произносится под ударением. Если слово с кратким гласным ударно, долгота проявляется в согласном, который следует за гласным.

Краткий гласный

ам — самка
пал — нога
пам — ночь
нүн — глаз
ким — Ким (фамилия)
пэм — обычный (кит. слово)
кил — дорога
төл — окончание множ.
 числа

сан — гора*нэ* — мой*тöда* — становиться*мал* — конь*там* — стена*тэ* — бамбук*тан* — пучок*чанъ* — рынок

и т. д.

Долгий гласный

ам — конечно
пал — рука в длину
пам — каштан
нүн — снег
ким — сорняк
пэм — тигр
кил — длина
төл — мене

сän — живой*нэ* — ручей*тöда* — густой*мал* — слово, речь*там* — сифилис*тэ* — большой (кит. слово)*тан* — кайма*чанъ* — соус из бобов

и т. д.

55. Видимо, наиболее существенным является различие в количестве гласного первого слога. Различие в количестве гласного последующих слогов не столь отчетливо, если речь идет о исходно корейском слове. Однако если слово является заимствованным из китайского языка и входит как элемент в сложносоставное слово, то количество гласного в нем слышится отчетливо в каждом слоге. Это необходимо для дифференциации китайских омофонов, то есть одинаково звучащих слов.

56. Гласный первого слога корейского слова не всегда остается долгим. Так, отрицание *ани*, *ан* произносится то с долгим, то с кратким *а*. Как правило, долгий гласный оказывается кратким в сложносоставных и производных словах. Например: *салда* (жить) (первый *а* долгий), но *саллида* (спасти от смерти); *алда* (знать) (первый *а* долгий), но *аллида* (дать знать; также *алгуда*), *арыда*, *арбда* (информировать, рассказать) и т. д.

57. Долгота, как правило, образуется в результате стяжения двух гласных: *кым* (сорняк), но в диалектах *киим*, *кисим*; *мам* (мысль), но также *маам*, *маям*, а в диалектах *майам*. Помимо этого, долгий гласный мог образоваться в результате исчезновения гласного следующего слова: *кбм* (медведь; ср. яп. *кума*); *сём* (остров; ср. яп. *сима*); *пйда*, *пйлда* (просить; ср. монг. *нитгэгэг — молящийся, маньчж.* *firu — вызывать духов*); *ада*, *алда* (знать; ср. тунг. *alagu — учить*); *пал* (длина руки), вероятно первоначально *парир* (ср. монг. *barim* с тем же значением); *мал* (слово), вероятно, первоначально **мари* (ср. монг. в Ордосе *малагай — немой*).

Результатом описанного процесса могло быть появление и краткого гласного: *нат* (серп; ср. яп. *nata*); *кат*, основа *кас-* (шапка; ср. яп. *kasा*); *кком* (цветок), восходящее к *коч-* (ср. яп. *kusa*).

58. Различие в количестве гласного имело место в свое время и в окончаниях. Так, например, восстановляемые окончания родительного падежа *-ай*, *-ыи* имели краткий гласный; окончания же местного падежа *-э*, *-е*, восходящие к *-аи*, *-өи* или *-ай*, *-ыи*, имели долгий гласный. Окончание так называемой декларативной формы (см. ниже, в главе о глаголе) *-та*, восходящее к *-та:* *-та*, имело долгие гласные *а* и *ө*, тогда как окончание регressiveвой формы *-то*, восходящее к *-та:* *-то*, имело краткие гласные. Во многих случаях трудно сказать что-либо определенное о первоначальном количестве гласного, поскольку, с одной стороны, процессы редукции, сокращения происходили очень давно, повторялись, видимо, не один раз, в разное время, и поскольку, с другой стороны, унификация окончаний, затронув всю парадигму в целом, нарушила первоначальную картину.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

59. В корейском языке, как и во всех родственных ему языках, сохранились следы очень древней тенденции к разделению гласных на группы. Гласные делились на две группы: гласные переднего и гласные заднего ряда.

Корейская система группировки сходна с турецкой, которая довольно архаична.

Гласные заднего ряда			Гласные переднего ряда	
	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные
верхнего подъема	<i>y</i>	<i>ы</i>	<i>ÿ</i>	<i>и</i>
нижнего подъема	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>ö</i>	<i>ä(э)</i>

60. В отношении *ы* развитие корейского языка сходно с развитием монгольского, где этот гласный заднего ряда дал *и*. Гласный переднего ряда *э*, коррелирующий с гласным заднего ряда *а*, произносился с несколько оттянутым назад телом языка и, подобно аналогичному гласному тунгусо-маньчжурских языков, дал *ө*; до сих пор в окончаниях находим *а* и *ө* как эквиваленты. Огубленное *յ* переднего ряда произносилось точно так же с несколько оттянутым назад телом языка (отодвинутый назад гласный); делабиализовавшись, оно дало современное *ы*. Гласный заднего ряда *у* звучал почти как *о*; отсюда совпадение старых *о* и *у* в современном языке. Гласный *ö* удержал огубление, но стал более задним, что дало нынешнее *ү*, которое в диалектах слышится почти так же, как шведское *и*. Во многих словах нынешнее произношение не удержало первоначального различия между *ö* и *ÿ*; это показывают такие примеры как *пул*, *пыл* (огонь из **pür*;ср. турецк. *ör-tä*—сжигать, яп. **ni>xi*—огонь); *мул*, *мыл* (вода) [**mør* (река); ср. монг. *мөрэн* (река), тунг. *му* (вода), яп. *ми* (вода)]. Первоначальное чередование в окончаниях гласных *ö*: *ÿ* отразилось в чередовании современного языка *о*: *у*; в диалектах мы постоянно встречаем такие пары, как *пэхода* и *пэхуда* (учиться), *камчхода* и *камчхуда* (прятаться), *чакко* и *чакку* (часто), *намо* и *наму* (дерево) и т. д. Окончание деепричастия настоящего времени в Южной Корее звучит

-ко, а в Северной Корее -ку; присоединительная частица „и, также“ в Южной Корее звучит *то*, а в Северной Корее — *ту* и т. д.

61. После всех этих изменений в произношении гласных получилась следующая картина распределения гласных по группам:

первоначально передние *у ы θ и*
первоначально задние *օ ա պ*.

Мы имеем здесь, таким образом, семь гласных. Эти гласные еще сохраняются в некоторых говорах, более близких языку первых памятников, писанных корейским национальным письмом бинмуном, нежели говору столицы. Мы уже говорили об исчезновении *ա* и замене его *ա* или *ե*.

62. Гласный *ա*, видимо, восходит к кратким или редуцированным *ա*, *օ*, *պ* заднего ряда; он служил в качестве субститута для редуцированного гласного заднего ряда в китайском языке: *са* ныне произносится как *սա* (четыре) (кит. *сы*, яп. *си*). В окончаниях *ա* служило представителем гласных заднего ряда, тогда как *ы* представляло гласные переднего ряда; отсюда регулярные чередования в окончаниях старых памятников типа *-ան*, *ին* (родительный падеж), *-ար*, *-իր* (винительный падеж), *-արո*, *-իրո* или *իրս* (творительный падеж), *-հան*, *-նին* (причастие настоящего времени), *-սա*, *-սի* (вторичная основа) и т. д.

63. Перед губными согласными гласный *ա* в свое время изменился в *օ*; в этой позиции его коррелятом, представляющим гласные переднего ряда, был уже не *ы*, а *θ*. До сих пор встречаем *խօստա* (быть сделанным) вместо более раннего *խաստա*; в старых памятниках можем найти *խօմ* вместо более позднего *խամ*, ныне *խամ* (делать). Соответственно имеем от глагола *չукта* (умереть) имя *չւղօմ* (смерть) наряду с поздним и ныне правильным *չւղամ*. Вероятно, что имя существительное *սարամ* (человек), первоначально означавшее „живущий“, „сущий“, „существо“ от глагола *սալդա* (жить), некогда

звучало *саром*, позже *сарым*, ныне *сарам*, сев.-кор. *сарым*.

С исчезновением *ä* исчезло и чередование окончаний *ä*: *ы*; вместо этих двух окончаний оказалось одно обобщенное *ы*. Это статистическое преобладание *ы* в непервых слогах слова, как кажется, повлияло также на *и*, которое превратилось в *ы*. Так, старое *исида* (быть), *исин* (сущий), *исим'өн* (если есть) дало *итта*, *иссин* (или *иссын*) и *иссим'өн* (или *иссым'өн*). В настоящее время гласный *ы* выступает как единственный „связующий гласный“, то есть как такой звук, который служит для соединения согласной основы с окончанием, начинающимся на согласный.

<i>-м</i>	<i>пом</i> — видеть,	но <i>мөгым</i> — есть
<i>-н</i>	<i>кан</i> — ушедший,	но <i>кулғын</i> — толстый
<i>-п</i>	<i>хапта</i> — сделан,	но <i>үсылта</i> — смеяться над
<i>-л</i>	<i>нал</i> — меня,	но <i>сарамыл</i> — человека
<i>-ро</i>	<i>соро</i> — быком, волом,	но <i>саныро</i> — вдоль горы, горой
<i>-с</i>	* <i>хыйс</i> — беловатый (произносится <i>хыйт</i>),	но * <i>пулғыс</i> — красноватый (произносится <i>пулғыт</i>)

64. В дальнейшем, в грамматической части, мы, как правило, указываем только один вариант окончания; таким образом, если мы говорим, что такое-то и такое-то окончание звучит *-к*, *-н* или *-м*, то это значит, что эти *-к*, *-н*, *-м* являются тем вариантом, который присоединяется к основе на гласный исход; при этом надо подразумевать, что к основе на согласный исход присоединяются соответственно *-ык*, *-ын*, *-ым*.

65. Суммируя все сказанное выше относительно гармонии гласных, можем сказать, что в окончаниях, которые имеют гласные, допускающие чередование, имеем следующие соответствия:

- 1) гласный *a* чередуется с *ө*;
- 2) гласный *ai* (произносится *э*) чередуется с *өи* (произносится *e*);
- 3) гласный *o* чередуется с *ү*.

В корейских словах наблюдаем, таким образом, следующее соответствие между основой и окончанием: если основа содержит гласные *a*, *o*, то окончание имеет гласные *a*, *ɛ*, *o*; если основа содержит другие гласные, то окончание имеет гласные *ə*, *e*, *u*. Однако после нёбных согласных (*чх*, *ч*, *дж*, *й*), а также после дифтонгов на *и* налатализация затрагивает в равной мере и окончание:

анттта (сидеть), *анджатта* или *анджёттта* (сидел),
хада (делать), *хаятта* или *хайёттта* (делал),
камчхода или *камчхуда* (прятать),
тёятта или *тёйёттта*, в диалектах *твейёттта* (стал).

ЗИЯНИЕ

66. Если в одном и том же слоге два гласных следуют непосредственно друг за другом, образуя два слога, то переход от одного гласного к другому осуществляется двумя путями.

Два одинаковых гласных обычно стягиваются в один, который, как правило, становится долгим:

киим (сорняк; диал. *кихим*, *кисим*), произносится *ким*;
када (итти); *каа* (ида), произносится *кā*;
сёда (стоять); *сөө* (стоя), произносится *сə*, сев.-кор. *шə*;
нёэлда (грызть, гладить), произносится *нёлда*, сев.-кор. *нөэда*, *нёда* и т. д.

67. Если два гласных различны, то гласный более высокого подъема образует так называемый согласный переходный звук, который в хорошем произношении едва слышен:

оа дает *ова*: *поатта*, *поватта* — видел;
үө дает *үөө*: *чуотта*, *чуеёттта* — дал;
иа дает *ийа*: *иаги*, *иаги*, *ийэги* — рассказ;
иө дает *ийө*: *иёттта*, *ийёттта* — был.

Краткий согласный элемент слышится также в группах:

эе > *эйе*: *пэе*, *пэйе* — на лодке;
эн > *эйн*: *нэил*, *нэйил* — завтра;

ао > *або*: *аолла*, *аолла* — соединившись;
өу > *өвү*: *төүк*, *төүк* — еще более, тем более.

68. Следует заметить, что *уа* и *үө* после губных произносятся обычно, как *а* и *ө*:

киппуда (рад); **киппүө*, произносится *киппө* (будучи рад);

апхуда (больно); **апхуа*, произносится *апха* (больно и ...).

После других согласных *у* в сочетании с последующим *а* или *ө* превращается в гласный:

пэуда (учиться), но *пэватта* (учился);

толгуда (вращать), но *толгватта* (врацал).

69. Параллельно этому в сочетаниях *ти*, *тиө* гласный *и*, когда он был краток, приобрел характер согласного *ї*, каковой после нёбных, а в южнокорейских диалектах также после *с* либо исчезает, либо уже исчез:

чхида (быть); *чхийтта*, произносится *чхётта* (бил; основа **тхин-*);

тида (становиться); *тийтта*, произносится *тиотта* (стал; основа *ти-*).

70. В силу того, что, как сказано было выше, согласный *х* в середине слова произносится слабо либо даже совсем исчезает, возникает (это касается южнокорейских диалектов) новый стык гласных (хиатус) с теми же способами его дальнейшего устранения:

пөхида произносится *пөнда* (резать), в диалектах — *пөнида*; *пөхийтта*, *пөййтта*, *пөйтта* (резал);

пэуда, *пэода* из *пэхуда* (учиться); *пэхватта*, *пэватта* (учился).

71. Во многих диалектах устранение зияния идет иными путями, нежели это наблюдается в столичном говоре. Часто наблюдаем, как более энергичный ударный гласный ассимилирует другой:

нэил (завтра), сев.-кор. *нээл*,

суын (ртуть), сев.-кор. *шүүн*,

тууро (назад), сев.-кор. *туурү*.

УДАРЕНИЕ

72. Длительность или количество гласного не зависит от ударения. Под ударением же мы понимаем, с одной стороны, силу выдоха, энергичность артикуляции (= силовое ударение), с другой стороны, тон, то есть музыкальную разницу гласных и слогов (= музыкальное ударение).

Как и в других языках, слог, выделенный силовым ударением, оказывается более высоким по тону, и наоборот. Как кажется, музыкальное ударение зависит от силового. Таково общее правило.

Выше, при описании согласных, мы отмечали начальные *kk*, *tt*, *pp*, *чч* и *сс*, произносимые эмфатически, с высоким тоном последующего гласного. Если слово начинается с одного из этих согласных, то гласный первого слога имеет высокий тон, падающий к концу слога. В остальных случаях первый слог слова имеет низкий тон с *повышением* в конце. Таким образом, мы имеем две музыкальные шкалы первого слога: высокую — падающую и низкую — восходящую.

73. Второй слог корейских слов ниже по тону, нежели первый; однако падение тона не особенно заметно. В ~~сложных~~ составных словах китайского типа второй слог очень часто музыкально выше; с точки зрения силового ударения он, однако, может быть менее подчеркнутым; например, *choson* — Корея (второй слог явно выше), *k'onyon* — Сеул (второй слог слабо ударен, но выше по тону).

Некоторые наблюдения над ударением в корейском языке сделаны проф. Ц. Тиба.

74. Что касается фразового ударения, то сила и тон различных слов распределяются в зависимости от логической важности этих слов в предложении. Более важные слова более акцентированы, нежели менее важные. В общем же интонация падает медленно к концу предложения. Таково правило для повествовательных предложений. Это правило имеет силу и для вопросительных предло-

жений, если они заканчиваются вопросительной частицей. Если же предложение имеет вопросительный характер, но не завершается вопросительной частицей, то голос резко повышается к концу фразы, причем последняя гласная имеет отчетливо высокий тон. Например, *нө өдэ канын я* (куда ты идешь? — с понижением к концу предложения), но *нө өдэ канын* или *нө өдэ ка* (ты куда идешь? — с резким подъемом тона на *a* в конце слова *ка*). Эта вопросительная интонация дает возможность дифференцировать употребление деепричастия прошедшего времени, которое, как увидим ниже, употребляется с тремя различными значениями: утвердительным, вопросительным и повелительным. Различная интонация, конечно, не может быть передана в транскрипции, но ясно слышится в речи.

75. Само собой разумеется, что фразовое ударение зависит, как и в других языках, от смысла всего предложения. Так, например, ясно, что интонация простого повествования резко отличается от интонации убеждающей речи, каковая иной раз, препятствуя падению тона к концу фразы, может вызвать его повышение. То же самое можно сказать о предложениях, выражающих приказание, просьбу. В целом же можно сказать, что в отношении музыкального и силового ударения корейский язык резко отличается от монотонного уровня акцентуации японского языка.

МОРФОЛОГИЯ**ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

76. Классификация слов. Вся совокупность слов корейского языка делится на три группы:

- 1) имена с их склонением и иного рода изменениями, свойственными имени;
- 2) глаголы с их спряжением и иного рода изменениями, свойственными глаголу;
- 3) частицы и вообще все неизменяемые слова.

В категорию имени входят существительные, местоимения, числительные и именные послелоги. В категорию глаголов входят глаголы в широком смысле этого слова и глагольные послелоги. Союзы в корейском языке отсутствуют. В категорию неизменяемых слов входят все в той или иной мере безударные частицы, междометия и, помимо того, такие самостоятельные формы имен и глаголов, которые не воспринимаются более как элемент той парадигмы, в составе которой они первоначально возникли.

77. Основа и окончание. Различие между именным и глагольным классом слов имеет исключительное значение. Именной класс слов имеет исходную, основную форму для каждого слова; эта его основа и одновременно его именительный падеж. (Нынешний именительный падеж не во всех словах точно совпадает с основой. Фонетическая разница между основой и именительным рассматривалась в главе, посвященной фонетике.)

Основа глагола как таковая не употребляется в качестве самостоятельного слова; иначе говоря, глагол всегда выступает вместе с окончаниями. Любая глагольная форма, например, *мэкта* (есть), *мэксо*, *мэгью* (ест), *мёнънында* (пребывает кушающим, ест; пишется *мэгнънда*), *мэгётта* (ел), *мэгин* (съеденный), *мэгинда*

(кормит) и т. д., при сравнении ее с любой другой формой того же слова ощущается как этимологически то же самое слово в различных формах. Этому „этимологическому слову“ (здесь *мөк-* или *мөг-*) следовало присвоить особое наименование; я назвал бы его глоссой в соответствии с предложением проф. Сетэлэ; всю же серию различных форм, каждая из которых представляет собой слово, я назвал бы парадигмой глоссы. Таким образом, в вышеприведенном случае *мөкта* (есть), *мөксэ* (ест) и т. д. являются словами. Одна и та же глосса всегда имеет одну и ту же основу, но эта основа может меняться фонетически в своем последнем звуке: *мөк-*, *мөг-*, *мөнъ-*. Если бы мы сказали вслед за корейскими и японскими грамматистами, что для понятия „есть“ в корейском языке существует слово *мөк*, то необходимо было бы прибавить, что такое слово в действительности не существует, являясь лишь абстракцией из всей парадигмы глоссы, то есть результатом, добывшим путем мысленного отбрасывания окончаний.

78. Окончания. Окончания имеют разное происхождение. Я полагаю, что есть все основания проводить различие между

а) суффиксами, то есть первоначальными окончаниями, которые тесно связаны с основой и являются абстракцией, полученной благодаря делению слова на две части — основу и окончание,

б) аффиксами, то есть энклитически присоединенными словами, скажем, частицами, или именами, или еще чем-либо иным, которые ныне употребляются вместе с предыдущим словом как его окончание, но исторически были, или возможно были, самостоятельными словами, ныне перешедшими на положение окончаний.

Окончание современного языка может иметь два или более суффикса, суффикс с аффиксом и т. д.

79. Связующие звуки. Если последним звуком основы изменяемого или способного изменяться слова является согласный, то мы говорим о консонантной, или согласной, основе. Если последним звуком основы

является гласный, то мы говорим о гласной основе. Окончания могут начинаться как на гласный, так и на согласный.

Если к согласной основе присоединяется окончание, начинающееся на согласный, то между этими двумя элементами слова в современном языке во многих случаях появляется „связующий“ гласный *ы*; например, причастие прошедшего времени имеет окончание *-н*, которое присоединяется к согласной основе через связующий гласный *ы*: *пэда* (видеть), *пён* (видевший), но *мёкта* (есть), *мёг-ы-н* (свящий); *пэт* (рис), *пэбыро* (рисом).

В старом языке были две связующие частицы: *и* в словах с гласным заднего ряда в основе и *ы* в словах с гласным переднего ряда в основе. Остатки этого сохранились кое-где и до сих пор.

Если к гласной основе присоединяется окончание, начинающееся на гласный, то между основой и окончанием может появиться *й*; например, *хада* (делать), *хаяттар* (сделал), *хая* (делая), но *када* (идти), *катта* (шел), *ка* (идя) (восходит к *каатта*, *каа*).

ИМЯ

80. Как и в других языках, имена бывают простые и составные. Простые имена могут быть либо непроизводными, либо производными.

В корейском языке изменению подвергается только последний, конечный член составного слова; остальные части остаются неизменными; они воспринимаются как элементы, ограничивающие или описывающие вторую, изменяемую часть слова: *сэ-джип* (новый дом) и *сэ-джип-б-e* (в новом доме), *сэ-джип-тыл* (новые дома), *чосён чип* (корейский дом), *чосён чип-тыл* (корейские дома), *чхогу сэ-джиптыр-e* (в новых корейских домах).

Что касается правописания составных слов, то это дело либо обычая, либо вкуса: можно писать и раздельно (*чосён чип*, *чип тыл*) и слитно (*сэ-джип*, *чип-тыл*). Сами корейцы не имеют правил на этот счет.

81. Отсутствие прилагательных. В силу корейской манеры образовывать составные слова, такие атрибуты, как „новый“, „корейский“, оказываются неизменяемыми. Стало быть, в корейском языке нет специальной флексии имен прилагательных. Наши прилагательные передаются либо атрибутивно, то есть посредством первой части составного слова, как в англ. *a stone wall*, либо причастиями, как в англ. *a dining room*, а при предикативном употреблении — качественными глаголами. Таким образом, в корейском языке нет имен прилагательных как особого разряда слов; корейский язык, как правило, предпочитает глаголы именам; например, *саram-и манхва* || *саram-и мансо* (люди многочисленны, то есть людей много), *саram-и манхатта* (люди были многочисленны, то есть людей было много), *манхын саram* (многие люди), *саramи манхын ттэ* (люди — много — время > когда было много людей; в то время, когда было много людей); *наму-га кхыда* (дерево большое), *кхын наму* (большое дерево).

82. Корейское имя выражает универсальную или общую идею соответствующей вещи; оно не имеет артикля, числа: *саram* означает и человек вообще, и некий человек, и люди вообще, и некие люди; *саram хана-хи* — один человек, *хан саram* — некий человек, *ту саram* — два человека, *саram тури* — человека два, *и саram* — этот человек, эти люди и т. д. и т. п. Корейский язык выражает множественное число только тогда, когда идея множественности акцентирована. Таким образом, можно присоединить в качестве последнего элемента *тыл* со значением „все, несколько, вместе“, а в речи о человеке также *не*: *саram* (человек, люди) имеет „множественное“ *сарамдыл* (человек — все), *сарамне и*, с еще большим акцентом, *сарамнедыл* или *сарамдылле*. Однако *чиш* (дом, домá) имеет только одну форму — *чиштыл* (сев.-кор. *чиштэл*, *чиштэр*), *мал* (лошадь, лошади) имеет только форму *малдыл* (сев.-кор. *мэрдэр*). Используемые таким образом *тыл* и *не* могут быть названы „знаками множественного числа“, но они

с таким же успехом могут рассматриваться и как самостоятельные слова. Известно, что корейцы также говорят *өллын дыл онёра* (идите скорее) при обращении к более чем одному человеку или имея в виду позвать всех, помимо более обычного *өллын онёра*, которое употребляется в речи, обращенной как к одному, так и ко многим лицам. Имя существительное *не* с первоначальным, этимологическим значением „человек“ (*най*) находим в составе *нампх'он-не* (мужчина — сторона — человек, то есть мужчина), *н'онпх'он-не* (женщина — сторона — человек, то есть женщина), *орын-не*, *орысип-не* (досточтимый человек, мой отец), *анхак-не* (*ананбне*) (женщина), *кы-но* (вы) и т. д.

83. Для выражения идеи множественности все раздельности используется прием редупликации, повтора: *чип чип* (каждый дом), *сэк сэк* (каждый цвет, цвета всех сортов, разный), *ком ком > кокком* (все места, всюду), *нанал* (из *нал нал*) (каждый день, ежедневно), *тадал* (из *тал дал*) (каждый месяц, ежемесячно). Многие редуплицированные слова употребляются только как наречия.

84. Корейский язык не проводит грамматического различия в отношении рода и пола; первостепенное значение имеет другое различие: в любом случае должно приниматься во внимание социальное положение лица, к которому обращена речь, и лица, о ком идет речь; говорящий обязан употреблять различные выражения и выбирать соответствующие слова, если он желает выразить в речи уважение, дружеское расположение и т. п. Простейшие формы являются наиболее грубыми, тогда как лицо, с которым разговаривают, должно оцениваться „выше“, а говорящий, как правило, должен рассматривать себя „ниже“ других. Уважение выражается особыми именами существительными и глаголами, а также, что чаще всего, — специальными окончаниями глаголов. Слово *ппп* (рис) является нейтральным, употребляясь в повседневной речи; когда же говорят уважительно, то употребляют *чинджи* (питание). Слово

чип (дом) замещается вежливым *тэк*. Слово *абаджи* (отец) является небрежным; это просто „мой отец“; когда же разговаривают с отцом или об отце при посторонних, употребляют *пучхин* или *чхумбужканъ*. Само собой разумеется, что все эти учтивые слова являются китайскими по происхождению.

СКЛОНЕНИЕ

85. В современном корейском языке имеются следующие падежи:

		Для лиц		Для вещей
Именительный	<i>сарам</i> —	<i>ахэ</i> —	<i>чиp</i> —	<i>наму</i> —
	человек	ребенок	дом	дерево
Родительный	<i>сарамы́й</i>	<i>ахэ́й</i>	<i>чибы́й</i>	<i>наму́й</i>
Дательный	<i>сарамы́гэ</i>	<i>ахэ́игэ</i>	—	—
Местный	—	—	<i>чибе</i>	<i>намуе</i>
Винительный	<i>сарамы́л</i>	<i>ахэ́рыл</i>	<i>чибы́л</i>	<i>наму́рыл</i>
Творительный	<i>сарамы́ро</i>	<i>ахэ́ро</i>	<i>чибы́ро</i>	<i>наму́ро</i>

Некоторые варианты окончаний, встречающиеся в диалектах, будут рассмотрены ниже.

86. Имеется ряд частиц, которые очень часто употребляются при падежах или аффигируются к имени. Из этих частиц первые три в грамматиках корейского языка рассматривались как падежные окончания.

1) *-и* после согласных и *-га* после гласных употребляются для выражения особой связи между подлежащим и сказуемым (ср. функцию *га* в японском). Эту форму во всех грамматиках называют именительным падежом, но в действительности *-и* является детерминативной (ограничительной) частицей вроде англ. *the*, а *-га* — связующей частицей со значением „и“.

2) *-нын* после гласных и ее вариант *-ын* после согласных употребляются для подчеркивания предшествующего слова (ср. яп. *ва*). Эту форму называли абсолютным падежом, но ее лучше было бы назвать эмфатической частицей.

3) *-с'ө* (юж.-кор. *-сө*, сев.-кор. *-ши*) восходит к *ис'ө* (будучи) и употребляется в настоящее время после именительного, дательного, местного и творительного падежей; назовем эту частицу эссивной. Например, *чиб-есө каттА* (будучи дома, он ушел > от ушел из дома), *чибыросө* (со стороны дома, из дома; что касается дома); *чосөн-сө иссо* (имеется в Корее, есть в Корее). Обычно *-сө* соответствует яп. *тэ*, а *-ши* — яп. *ни тэ*, ныне *дэ*.

4) *то* (*до*), сев.-кор. *ту* (*ду*) в значении „также“ является аугментативной, присоединительной частицей.

87. Разница в употреблении *-и* и *-нын*:

а) когда употребляется *-и* или *-га*, то это означает, что подлежащее предложения тесно связано со сказуемым и тем, что ему предшествует. Детерминативные частицы *-и* и *-га* употребляются при ограничении подлежащего или при вопросе, относящемся к подлежащему: *иу-га вассо* (кто пришел? кто-то пришел), *мас-и отто-йо* (иу, каков вкус?), *иэ-га* (или *иэ*) *кагессо* (я иду, я пойду), *илгоб-и моджарао* (семь [из какого-то большого количества] недостаточно), *ханах-и* (или *хана-га*) *намассо* (один [из них] остался);

б) когда употребляется *-нын* (или *-ын*), то говорящий, как кажется, в этом случае выбирает из контекста соответствующее слово в ожидании соответствующего, подходящего предиката, хорошего определения или возможного выражения, как, например, в следующих предложениях: *The prince, where is he? Charles, viendra-t-il?* *Moi, j'étais satisfait.* То же самое явление наблюдается и в английском языке, когда употребляются такие выражения, как *as to, talking about, if you mean*; все же в корейском языке этот оборот является более обычным.

Употребление этой эмфатической частицы в точности соответствует употреблению частицы *ва* в японском языке, где она также неправильно называется окончанием абсолютного падежа. Конечно, *нын* это совсем не падежное окончание, о чем свидетельствует его способность

соединяться с окончаниями именительного, дательного, местного и творительного падежей. Например, *и чиб-ын нэ чиб-ио* (этот дом мой), *кы ттэ-нын* (или *кы ттэ-ен-ын*) *иран* (или *ирхан*) *гөс-ын ептёра* (в те времена подобных вещей не бывало), *чосон-ын сибанъ-ын хаккёга мансо* (в Корее(=что касается Кореи, то здесь) сейчас много школ), *на-нын тон-и иссо* (у меня есть деньги). Обратите внимание на то, каким образом выражается в корейском языке понятие „иметь“!

Как было сказано выше, *-и* восходит к местоименному окончанию со значением „тот“, „он“ (третье лицо единственного числа);ср. *i* (он, она) в маньчжурском, *-in*, *-n* в тунгусском, *ini* в монгольском и *-i* (притяжательное местоимение — суффикс третьего лица) в турецком. Ср. также кор. *-ка* с *ka* многих тунгусских диалектов и в айнском языке в значении союзов „и“, „а“; в параллель кор. *нын* находим эмфатическое *нип* со значением „если“, „когда“ в ряде тунгусских диалектов.

88. Неправильности при образовании падежей. В корейском языке выступает отчетливая тенденция образования падежной парадигмы по одной и той же схеме, исходя из именительного падежа как основы имени существительного. Но именительный падеж во многих словах отличается от исконной основы своим конечным звуком; таким образом, с исторической точки зрения, верными оказываются падежи, образованные от исконной основы, которая, как сказано, не совпадает в ряде случаев с именительным падежом. Отсюда двойные формы и кажущиеся неправильности.

Как уже говорилось, конечное *t* развилось из *s*, *t*, *tx*, *ch*, *chx* (см. п. 8 и 14). Сочетания *ти* и *тхи* дали в южнокорейском *чи* и *чхи* (см. п. 16). Первоначальный характер основы явственнее всего обнаруживается в винительном и местном падежах.

с *кёт* (вещь), *кёс-и* (вещь), *кёс-е* (в вещи),
кат (шляпа), *кас-и* (шляпа), *кас-е* (в шляпе);

- m* *нат* (серп), *надж-и* (серп), *над-е* (у серпа),
кот (место), *кодж-и* (также *кохч-и* — место),
код-е (в (таком-то) месте),
мот (гвоздь), *модж-и* (гвоздь), *мод-ыро* (гвоздем);
- mx* *нат* (поле (суходольное)), *начх-и* (поле), *натх-е*
(на поле),
к'өт (соседство), *к'өтх-е* (возле),
нат (лицо), *начх-и* (лицо), *натх-е* (на лице);
- ч* *нат* (день), *надж-е* (днем), *надж-у* (после полудня),
ккот (цветок), *ккодж-и* (цветок), *ккодж-е* (в цветке);
- чх* *н'өт* (солнечный свет), *н'ө(m)чх-и* (солнечный свет), *н'ө(m)чх-е* (или *н'өтх-е* — в солнечном свете).

Помимо тех форм, которые могут быть названы подлинно историческими, в языке есть еще много неправильных и просто, так сказать, сконструированных образований. Так, например, литературный винительный падеж от слова *нат* (поле) будет *пл-ыл*, наряду с разговорным *натх-ыл*, но в обиходной речи встречаем также *на(m)чх-ыл* — форма, образованная по аналогии с *натх-и*.

Чтобы восстановить первоначальную форму ряда имен, требуется исследование всех ныне существующих диалектов. Так, известно, что слова с исконными *к* и *кх* в конце основы дали позже *к* как конечный звук основы в именительном; различие этих двух исконно различных слов едва ли может быть обнаружено в именной парадигме. Наоборот, основы с исконными *п* и *пх* в качестве конечных согласных до сих пор различаются при образовании падежей, хотя и тут возможны отступления и путаница по сравнению с первоначальной картиной. Так, например, различие основ имен существительных *чиp* (дом) и *чиp* (солома) обнаруживается в наличии двух разных парадигм: *чиб-и* (дом), *чиб-е* (в доме), но *чиpх-и* (солома), *чиpх-е* (в соломе) (*чиp* восходит к основе **тиpх* — солома). По присоединении детерми-

нативной частицы *-и* к имени *кап* (цена) обнаруживается основа *капх-* или, что более обычно, *капс-*: *капх-и* или *капс-и*. Присоединение этой же частицы к именам *сак* (вознаграждение), *сэк* (цвет), *чик* (момент) обнаруживает основы *сакс-*, *сэкс-*, *чикс-*: *сакс-и*, *сэкс-и*, *чик-и*; присоединение эмфатической частицы *-ын* дает *сакс-ын*, *сэкс-ын*, *чикс-ын* наряду с правильными *саг-ын*, *сэг-ын*, *чиг-ын*.

89. В силу раннего исчезновения и вокализации старого щелинного ү многие слова на *о*, *ү*, а также *е* попадают в разряд неправильно склоняемых. Так, например, от имен существительных *наму* (дерево), *кару* (мука), *чару* (ручка), *муу(мусу)* (редька) по присоединении детерминативной частицы образуются два ряда форм: формы, отражающие более древнее положение венец: *намг-и*, *калг-и*, *чалг-и*, *мукк-и*, и формы новые: *наму-га*, *кару-га* и т. д. Основой этих имен являются **найиг*, **кайрг*, **чарыг* и т. д. с конечным щелинным ү. К этому же разряду относятся имена *суре* (телега) (форма с детерминативом: *сург-и*, но также *суре-га*) и *ау* (младший брат) (форма с детерминативом: *акки*, сев.-кор. *экки*).

90. В ряде случаев трудно решить вопрос о конечном *и* основы. „Тигр“ по-корейски *хоранъи*; присоединение детерминатива дает *хоранъи-га*; но слово это, как кажется, первоначально имело вид *хо-ранъ*, без конечного *и*. Слово „лицо“ в одних словарях дается в форме *өлгол*, в других—в форме *өлгори*; соответствующие образования с детерминативной частицей будут тогда *өлгор-и* и *өлгори-га*. Имена лиц, занимающихся тем или иным ремеслом, как-то: *тэджанъи* (кузнец), *мокчанъи* (плотник) и т. д., были некогда сложносоставными со вторым элементом *чанъ*; ныне же прежняя форма *чанъ-и*, то есть основа + детерминативная частица, воспринимается как одно целое, то есть как форма именительного падежа. Выходит, таким образом, что это *-и* было понято как существенная часть самого слова, результатом чего было появление новой основы с конечным гласным. Чередующиеся варианты с *и* и без *и* встречаем также в таких

словах, как *палгу и паргүи* (сани), *мантху и мантхүп* (пирожок). Это зависит от того, что в древнем языке окончание *-и* употреблялось и после основ на гласный, не вполне совпадая к тому же по значению с окончанием *-га*. От местоимений *на* (я), *нө* (ты), *ну* (кто) обычными образованиями с детерминативной частицей будут *нэ-га* (из *наи га*), *не-га* (из *нөи га*) и *нуи-га*, то есть точно так же, как у многих других имен в старом языке, которые оканчивались на гласный.

91. Родительный падеж. Атрибутивные отношения между двумя именами существительными могут быть выражены либо простым соположением двух имен, как в английских сочетаниях *gold dust*, *roadside*, либо посредством родительного падежа. Последний имеет в корейском языке две формы: полную и краткую.

Полная форма — это окончание *-ый*. Как правило, этот родительный употребляется только в отношении живых существ и особо значительных вещей; в других случаях, если не возникает двусмысленности, достаточен иминительный падеж. Следовательно, сочетание *choson мал* означает „корейский язык“, *сөн-йөнъ-мунпеп* (корейско-английская грамматика), *ури чип* (наш дом), *сарам ах-е* (перед человеком, перед людьми) и т. д. И наряду с этим *ки конъ-ый прхым-и* (имя этого человека), *талг-ый ал* (куриное яйцо), *йөнъгук сарам* или *йонъгуг-ый сарам* (человек (из) Англии > англичанин). Окончание родительного падежа употребляется, таким образом, для того, чтобы особо подчеркнуть уже наличное, атрибутивное отношение.

Окончание *-ый* присоединяется как к основам на гласный, так и к основам на согласный. В ряде диалектов оно произносится либо как *-и*, либо, что чаще, как краткое *-ё*: *сарам-ё*, *ккё-ё*, *мар-ё*, *талг-ё* (человека, ящика, коня, курицы). Краткость гласного дифференцирует это окончание от долгого *-ё* дательного падежа. Вместо *канъ-ый мул* (речная вода) можно иногда слышать *канъ-о мул* и даже *канъ-а мул*; все же более обычным является *канъ мул* (особенно при наличии детерминативной частицы после *мур*: *канъ мур-и*).

Окончание *-ый* восходит к *-ай* после гласных заднего ряда и *-ий*—после гласных переднего ряда, о чем свидетельствуют памятники старолитературного языка. Эти окончания *-ай* и *-ий* содержат в себе связующий гласный *а* или *ы* и первоначальный суффикс родительного *-й*. Связующая гласная была необходима после основ на согласный. Если основа кончалась на гласный, то родительный падеж *-й* присоединялся непосредственно к основе без связующего гласного. Так, от *на* (я), *нө* (ты), *чө* (он, тот), *нү* (кто, некто) родительный падеж издревле был *нэ* (*на-й*), *не* (*нө-й*), *че* (*чө-й*) (мой, твой, его), *нүи* (*нү-й*) (чей, чей-то).

92. Краткий родительный. Согласный *и* как окончание родительного падежа восходит, видимо, к какому-то другому согласному. В старых книгах он изображался либо знаком $\wedge = c$, либо знаком $\Delta =$ назализованному *й*. Знак \wedge читается как *т*; поэтому в грамматикахходим указания на то, что *т* (пишется *с*) — это окончание родительного падежа; проблема заключается в том, как объяснить возникшую при этом геминацию согласного после конечного гласного предшествующего слова:

хуннал (следующий день) из *ху* (после) и *нал* (день),
твиннал (следующий день) из *тии* (после) и *нал* (день),
сөппадак (спилка языка) из *сө* (язык) и *падак* (дно, низ),
сомпадак, *сокпадак* (ладонь) из *сон* (рука) и *падак* (дно, низ),

палпадак, *палпидак* (подошва ноги) из *пал* (нога) и *падак*,

пэккаунде (внутренность судна, в судне) из *пэ* (судно) и *каунде* (середина),

унни (верхние зубы) из *у* (верх) и *(н)и* (зуб),
сэссори (пение птицы) из *сэ* (птица) и *сори* (звук).

Эта геминация начального согласного изображается в древних текстах знаком *с*, например: *моис-туис-ко-раи*, то есть *мё-тии-ккорэ* (долина за горой, лесом). Надо полагать, что первоначально здесь был либо *н'*, либо *с*; *нан* (мой), *ней* (твой), *нүн* (чей) дают все основания предполагать, что таким звуком было мягкое *н*, то есть **-н'* после основ на гласный и **-айн'*, **-ын'* после основ на согласный.

Это, пожалуй, может быть подтверждено старым правописанием: *нүнн'мул* (слеза) из *нүн* „глаз“ и *мул* (вода) и т. д. Ср. яп. *-но*, *-ну* из *-n, тунг. *-n*, монг. *-in*, *-jin*, турецк. *-iç* (из *in) как окончания родительного падежа. Однако наряду с этим мог существовать и другой родительный падеж — на *-с* или *-т*.

Родительный падеж в корейском языке может употребляться только как определение к имени существительному. Он никогда не находится в прямой связи со сказуемым-глаголом. Поэтому нельзя сказать „это его“, а только „это его вещь“: *и ғөс-и қы сарам-ый ғөс-ио*.

93. Местный падеж. Окончаниями местного падежа являются *-е* (долгое!) или, чаще всего после *л*, *-гё* (тоже с долгим *e*). Орфографически *-е* изображается графическим дифтонгом *əи*, но раньше вместо одного окончания употреблялось два: *-аи* или *-ай* после основ с гласным заднего ряда и *-өи* или *-ыи* после основ с гласным переднего ряда.

Местный падеж указывает на место, время или условие совершения действия (где, когда и как).

Окончание *-е* оказывается достаточным там, где сам глагол по своей семантике требует указания на определенное место; но там, где действие, выраженное глаголом, более независимо от места его совершения, к окончанию *-е* обычно присоединяется эссивная частица *-сө* (раньше писалась *-с'ө*). Например:

а) *kyge орэккане мугессо* — долго ли вы там оставались?

тонъг'өнъ-е сарассо — я жил в Токио,

чари-е чатта — он был в кровати,

санъ-е (или *санъ-у-е*) *нбара* — положи это на стол,

б) *чиб-есө тамбэ ан мөксо* — я не курю дома,

кага-есө сатта (или *саватта*) — я купил это в лавке (собственно: я купил это, будучи в лавке),

кы ттэ-е с'өнъ-есө п'өнъ-и тырессо — я заболел тогда, будучи в городе,

тонъг'өнъ-есө чугётчио — он, кажется, умер в Токио,

аджэмени-джиб-есө нёлго вассо — я провел хорошо время в доме моей невестки (и теперь вернулся домой).

Поэтому частица *-есө*, не будучи связана со значением глагола-сказуемого, часто переводится предлогом „из“: *кага-есө сассо* (я купил это в лавке), но *мар-есө ттөрөджәссо* (он упал с лошади; собственно: будучи на лошади, он упал), *иутшиб-есө пирәссо* (я взял это (в долг) из соседнего дома или в соседнем доме, у соседей). Вот почему во многих грамматиках эта частица называется знаком аблатива.

Местный падеж связан с глаголом, управляемся им. Во многих словах, которые по своему значению более или менее близки к наречиям, указанием на место может служить также именительный падеж. В ряде случаев в качестве именительного ныне употребляется древний дательный: *арэ* (под, внизу), *орэ* (давно) и т. д.

94. Дательный падеж. Формально дательный падеж представляет собой местный, образованный от родительного (краткого или полного). Он употребляется только при именах лиц или живых существ: *Пак сөбәнъ-ыйгә сао* (он живет у господина Пака), *кы сарам-ыйгә чүәссо* (вы дали это ему?), *нэ-ге онын чим инныня* (пришел ли мне груз? дословно: есть ли груз, пришедший мне?), *кы сарам-ыйгә өдөтта* (я получил это от него), *ури-ыйгә чө өпта* (за нами нет никакой провинности, мы ни в чем не виноваты), *йөнъгүк сарам-ыйгә* (или *сарам-кке*) *нүн-и пхурыда* (у англичан глаза голубые).

Эссивная частица *-сө* может присоединяться к дательному на тех же основаниях, что и к местному: *конъса-ыйгесө өдөтта* (я получил это у посланника), *пак сөбәнъ-ыйгесө пирәссо* (я занял это у господина Пака).

95. Краткий дательный имеет то же значение, что и полный. К нему тоже может быть присоединена эссивная частица *-сө*.

Идея, выражаемая дательным падежом, в основном не требует пояснений. Все же при переводе на другие языки он может передаваться самыми различными способами: *и анкхан-кке а туур-и иссо* (у этой женщины двое ребят), *и анкхан-ккесө адыр-и п'өнъ-и тырәссо* (дети этой женщины заболели). Если глагол имеет пассивное значение

или представляет собой такую форму, которая употребляется в учтивом разговоре, то дательный падеж служит указанием на логический субъект или действующее лицо пассивно выраженного действия. Авторы грамматических пособий по корейскому языку называют форму *-ккыйсө*, *-ккесө* именительным падежом, не указывая, однако, на то, что глагол в этом случае должен быть пассивным: *конъса-ккыйсе осёссо* (изволил прибыть посланник). Выходит, таким образом, что окончания *-ыйгесө*, *-ккесө* (-*ёгесө*, *-йгыйсө*, *-ккыйсө*) могут служить указанием как на действующее лицо, так и на дательный объекта: *конъсаккесө ѫдётта* (получил от посланника), но *конъса-ккесэ ѫдёссо* означает и „посланник изволил получить это“ и „я получил это от посланника“, тогда как *конъса-ккыйсө ѫдыс'ёссо* означает только „посланник изволил получить (принять) это“.

96. Творительный падеж. Этот падеж, который следовало бы скорее назвать лативным или виативным, выражает либо направление движения, либо способ действия, либо орудие и материал, из которого что-либо сделано, либо, наконец, точку зрения, с которой что-либо расценивается. Например:

а) направление: *сан-ыро кёрессо* (он шел лесом), *к'ёнъсон-ыро кассо* (он уехал в Сеул), *мулка-ро иссо* (это находится на берегу);

б) способ: *хим-ыро* (силой), *сэ-ро сиджак хао* (начинает снова), *мар ханын дэ-ро* (согласно тому, что он говорит);

в) орудие: *кхал-ло төхигессо* (вы можете обрезать это ножом), *кичха-ро ватта* (они приехали поездом), *кви-ро тыннында* (слушаем ушами), *кави-ро ссыда* (употреблять в качестве ножниц, употреблять как ножницы), *йёл вён-ыро сал тытхао* (вы можете, пожалуй, купить это за десять вон);

г) материал: *кым-ыро илхын* (сев.-кор., *кым-ыллы нипхүн* — покрытый золотом), *наму-ро мандын гёс-по* (венец, сделанный из дерева);

д) точка зрения: *соул-ло-нын тоупчи ансо* (для Сеула это не жарко), *сёяньин-ыро-нын мал чал ханда* (как европеец он говорит (по-корейски) хорошо).

В том случае, если творительный употребляется в значении орудного, после *-ро* иногда присоединяется частица *-ссе* (из *ссыда* — употреблять), особенно при переводах с китайского языка. Если же творительный падеж употреблен для выражения точки зрения, то его окончание часто сопровождается эссивной частицей *-сө*, которая к тому же распространена эмфатической частицей *-нын*: *са-рам-ыро-сө-нын* и *гөс-и мот тёнда* (для человека это невозможно), *чосён пёб-ыросө-нын* (согласно корейским законам).

Творительный падеж выражается окончанием *-ро* после основ на гласный, *-ыро* после основ на согласный, *-ло* после основ на *л*. В сев.-кор. диалектах окончаниями служат *-ру*, *-ры*, *-лу*, *-лы*, *-ыллу*, *-ыллы*. Окончания *-ро*, *-ыро* восходят к *-ро*, *-йро* после основ с гласным заднего ряда и *-ру*, *-ыру* после основ с гласным переднего ряда.

97. Присоединение окончания местного падежа *-е* к творительному, то есть *-ру-е* (из **-ру-ан*), дало *-ллэ*, *-лле* (см. п. 36). Это окончание широко распространено в севернокорейских диалектах в значениях „для“, „в интересах“, „из-за“: *аби-ллэ мандырэссо* (я сделал это для моего отца), *чхипки-ллэ оди мот хао* (он не может прийти из-за холода), *мусыгтэ-ллэ* (из *мусын гөс-ы-ллэ*) *хэннын я* (для чего он сделал это?). В южнокорейских диалектах это окончание встречается только после глагольных имен на *-ки*, *-ги* и означает „по причине“, „в силу того, что...“

98. Винительный падеж. Прямой объект выражается использованием либо именительного, либо винительного падежа; последнее более очевидным образом выражает связь объекта с его действием. Очень часто винительный указывает на определенный в данных условиях объект: *коги чабатта* (поймал рыбу) (как это и полагается рыболову), но *коги-рыл чабатта* (поймал (вот эту) рыбу).

Окончанием винительного падежа служат *-ыл* после основ на согласный и *-рыл* после основ на гласный.

В древнем языке гласный окончания менялся в зависимости от характера гласного основы: *-är после основ с гласным заднего ряда и *-yr после основ с гласным переднего ряда. От старого языка до нас дошли формы *нал* (меня), *нэл* (тебя) и *нул* (кого), которые не следует рассматривать как сокращенные варианты от *на-рыл*, *но-рыл*, *ну-рыл*. В севернокорейских диалектах конечный согласный окончания *r* либо отпал, либо вообще никогда не присоединялся. Гласный звук окончания в севернокорейских диалектах подвержен многочисленным ассимиляциям: *мун-у ѹөрөра* — юж.-кор. *мун-ыл ѹөрөра* (открый дверь), *пур-у мур-ыллы чугиги* (потушить огонь водой). В севернокорейских диалектах винительный имеет окончания *-ы* в положении после согласного (после губных: *-у*) и *-ры* (соответственно: *-ру*) в положении после гласного.

Во многих случаях винительный падеж употребляется также при глаголах движения, чтобы указать направление, и при местоимениях, чтобы указать дательный объект: *чхэг-ыл на-л чуёра* (сев.-кор. *чхэг-ы нэ-ге чуёра* — дай мне книгу).

99. Перечисленные выше падежи являются актуальными для современного языка и могут быть образованы от любого имени. Падежные окончания могут комбинироваться, о чем говорилось выше; хорошим примером может служить *сарам-ыйгерос*. Наряду с продуктивными падежами имеются пережитки редко употребляемых падежных образований. Так, например, окончание *-и*, употребляемое в наречных выражениях, бесспорно является остатком какого-то древнего падежа.

Инструментивный падеж. Этот падеж, выражаемый окончанием *-и*, встречается в следующих выражениях: *пандас-и* (конечно; от *пандат хада* — необходимый), *нёнджиси* (нежно; от *нёнджит нёнджит хада* — нежный), *өр'өмпхыс-и* (тускло; от *өр'өмпхит хада* — тусклый, пясаный), *нэ мёнънын дыс-и мөгёра* (ёинь так, как я ем; тыт, тыс — вид; *мёнънын тыс* — вид едения), *ури чиптами макк'ессо* (наши дом отгорожен стеной), *манхын тон-и ссаада* (стоит много денег).

Ср. с этим окончанием маньчж. *i* в том же значении — окончание, которое в маньчжурских грамматиках смешивается с родительным падежом. Этот падеж может быть отождествлен с турецк. -уп, -ин и монг. -ин, -йн.

МЕСТОИМЕНИЕ

100. Личные местоимения. Как правило, корейский язык не употребляет столь щедро, как европейские языки, те местоимения, которыми он обладает. Во многих случаях значение оказывается ясным и без специально выраженного местоимения или без непрестанного повторения таких слов, как „я“, „ты“, „он“, „мой“, „твой“, „его“ и т. д. Третье лицо, там где возникает необходимость, выражается указательными местоимениями.

на (я)

детерминативная форма *нэ* (из *наи*), род. п. *нэ* (из *най*, *наи*), вин. п. *нал* и *на-рыл*, твор. п. *на-лло*, реже *на-ро*; основа *на* (ср. монг. *намай* (меня), монг. и старое кашгарско-турецк. *наги* (ко мне, сюда).

ури (мы)

с показателями множественного: *уридыл*, *уридынъ*, *уримури* (кит. *тынь* и кор. *мури* — куча, масса). Очень часто употребляется и в смысле родительного со значением „наш, нашей семьи“: *ури чип* (мой дом), *ури агаджи* (мой отец); основа *ури* (из **вури*; ср. турецк. *biz* — мы).

нө (ты)

детерминативная форма *нө* (из *нөи*), род. п. *нө* (из *нөй*, *нөи*), вин. п. *нө-л* и *нө-рыл*, твор. п. *нө-лло* (сев.-кор. *нө-ллу*). Множественное число: *нөхый*, *нөдыл*, *нөхыйдыл*, *нөхыйдынъ* и т. д. или *нөдылле*, *нөнедыл*. Это местоимение считается очень грубым, почти оскорбительным. Вообще следует избегать местоимений в разговоре с незнакомым человеком, употребляя вместо них субституты, из которых некоторые приведены ниже. В дружеской и фамильярной беседе второе лицо может быть названо одним из

следующих слов-местоимений: *чане*, *кыне* (*кене*, *көне*), *ке*, *кыде*, *көдый*. Входящее в состав этих местоимений *-не* первоначально означало „человек“, *-де* (из *тai*) — „место“, *кы-*, *кө-* — „этот“ и *ча-* (в *чане*) либо кит. *чă* — „сам“, либо **ча* — „та сторона“, „другая сторона“. Подобным же образом избегают употреблять местоимение первого лица *на*; вместо него используют такие выражения, как *ин'өк* (эта сторона), *ином* (этот человек, вернее: эта личность), *ин'ө* (эта женщина) и др. (см. ниже). Очень часто в качестве местоимения первого лица используется *че* (из *t'өн* — младший брат; ср. монг. *дөгү* — младший брат, в письмах: я).

101. Как сказано выше, есть целый ряд имен существительных, которые употребляются как субституты личных местоимений.

Субституты местоимения второго лица:

х'өнъ — старший брат,

нох'өнъ — старый старший брат,

көнъ — князь,

танъсин — особа, находящаяся налицо; данная особа,

сөбянъ — секретарь, господин,

илх'өн — эта сторона,

тэк — дом, владелец дома,

сөнсөнъ (также *сысынъ*) — учитель,

нимджа (а также *нимдж'a*) — владелец (при фамильярном обращении) и т. д.

Субституты местоимения первого лица:

че — младший брат,

пөнин — данный человек,

соин — маленький человек,

госэнъ — маленький ученик,

соджа — маленькая личность,

сисэнъ — меньшой, младший,

лок — слуга, раб.

102. Если вместо местоимений *на* (я) и *нө* (ты) употреблен вежливый субститут, то все другие слова в предложении должны согласоваться с этим субститутом в от-

ношении учтивости, что сохраняет единство стиля; например, „сколько вам лет?“ передается по-корейски так:

- а) *нө на-и Өлмана тёні* (к ребенку, прислуге),
- б) *чане на-и Өлмана тёнын я* (к другу),
- в) *тэк на-и Өлмана тёё* (учтиво),
- г) *танъсин н'онсе-га Өлмана тёмникка* (наиболее учтиво).

Как правило, корейцы в разговоре с посторонними всегда испытывают беспокойство в поисках правильного „уровня“ или „стиля“ обращения, поскольку социальный момент в речи, согласно их представлениям, является признаком образованности. Здесь могут быть предложены следующие правила:

- а) не говорить слишком „грубо“ о себе, но достаточно „учтиво“ о других; б) употреблять парофразы и титулы, избегая „личностей“; в) в явно официальной беседе использовать указательные местоимения, которые вполне достаточны.

103. Указательные местоимения: *и* (*йө*, *ё* — этот, эта, это), *чө* (сев.-кор. *т'ө*, *тө*) с вариантом *чо* (тот дальний) и *кы* (*кө*, *ко* — тот близний). Эти местоимения употребляются обычно как определения, но иногда они могут быть использованы как имена существительные, если речь идет о лицах (см. выше). Гласная *о* в *ё*, *чо*, *ко* имеет уничижительно-пренебрежительный оттенок: *и ном* (эта личность), но *ё ном* (этот тип, эта каналья), *чо ном* (тот тип), *ко ном* (тот тип).

Очень часто указательные местоимения тесно сливаются с последующим именем существительным:

<i>и</i> — некто, личность	<i>иин, чоин (че), кыин</i> — эта (та) личность
<i>ча</i> — лицо, человек (кит.)	<i>иджа, чөджа, кыджа</i> — он <i>ёджа, чоджа, коджа</i> — он (пренебрежительно)
<i>ном</i> — тип	<i>ином, чоном, кыном</i> — он <i>ёном, чоном, коном</i> — он (пренебрежительно)

к ^{ом} — вещь	и ^{гөт} , ч ^{егөт} , кы ^{гөт} — это, то
к ^{от} — место	ё ^{гөт} , ч ^{огөт} , ког ^{өт} — это, то (пренебрежительно)
т ^{итэ} — время	и ^{гот} , ч ^{егот} , ког ^{от} — здесь, там
*п ^{ти}	(пренебрежительно)
пх'өн — сторона	и ^{ттэ} — теперь, ч ^{өттэ} , кы ^{ттэ} —
ч ^{ак} — половина	тогда
*п ^{чак}	и ^{ттэ} — теперь, ч ^{өттэ} (сев.-кор. т ^{өттэ}), кы ^{ттэ} — тогда
-ге (местн. суф.)	и ^{х'өн} — здесь, вы, я и т. д.
	и ^{ч^{ак}} — на этой стороне
	и ^{ч^{ак}} — здесь
	ё ^{ч^{ак}} — здесь (пренебрежительно)
	й ^{өге} , ё ^ё — здесь, ч ^{өге} , чё — там, кы ^{г^е} , кё — там.

Личные местоимения третьего лица „он“, „она“, „оно“, „они“, в случае необходимости выразить их, передаются по-корейски указательными местоимениями, обычно посредством *кы*, *кын*, *кы сарам* (он, она) (в отношении к лицам) и *кыгөт*, *чегөт* (он, она, оно) (в отношении к вещам).

104. От основы *кы* (тот), повидимому, произведена энклитически употребляемая частица *-ко* (-кко, -го), являющаяся знаком конца прямой речи:

чума-кко ханда — сказал: „дам“, обещал дать;
каря-кко ханда — сказал: „пойду“, намеревается пойти;
каря — позвольте пойти;

онда-го ханда — сказал, что они идут; сказали, что он идет; *онда* — он идет, они идут.

Это *-ко*, соответствующее нашему союзу „что“, нельзя смешивать с вопросительной частицей *-ко* (вариант *-ка*), которая тоже завершает предложение (см. п. 150, 294).

105. Возвратное местоимение. В корейском языке нет исконно корейских возвратных местоимений. Обычно употребляется китайское слово *чай* или *чаги* в значении „сам“. Помимо того, часто употребляют *чхинхи*

в значении „лично“, *хонджа* (сев.-кор. *хабунджса*) в значении „сам, один“, *чөлло* в значении „сам, само собой“.

106. Вопросительно-неопределенные местоимения. Одно и то же местоимение может быть то вопросительным, то неопределенным. Если оно имеет вопросительное значение, то на него падает определенное ударение; при этом интонация повышается к концу предложения, а сказуемое сопровождается вопросительными частицами *-ка*, *-я* (и их вариантами). То же самое местоимение с повествовательной интонацией имеет значение неопределенного. При отрицательном сказуемом эти же местоимения, сопровождаясь частицей *то*, принимают значение тотального отрицания (никто, ничто и т. д.).

1) *нү*, *нүгу* (кто, кто-то, некто); с детерминативной частицей *нүи*, *нүга*, *нүига*, род. п. *нүи*, дат. п. *нүиге*, твор. п. *нуро*, *нүлло*, вин. п. *нүл*, *нүрыл*; например: *нүга*, *вассо* или *нүга ванның я* (ванна, ванний — кто пришел?); *нүга вассо* или *нүга ватта* (ванне — кто-то пришел); *нүгу до ани вассо* (никто не приходил); *нүгу ани вассо* (некто не приходил); *пінъ-е нүга иссо* (есть ли кто-нибудь в комнате?); *нүгу-дөнджи* (кто угодно); *нүгурадо* (кто бы то ни был); *нүгул пого кырән мар-ыл хасио* (кому вы это сказали?); *нүиге сассо* (у кого вы это купили?); *чөгө калыч-и-га нүгу-н-джи морыгессо* (я не знаю, кто это [тот, который] там идет); *нүга нэ пх'өнджи каджиго ванна* (кто-нибудь приносил мне письмо?);

2) *муөт* (что, что-то); восходит к *му-гөс* (что за вещь, какая вещь?); детерминативная форма *муөси*, *мүе*, *муө*, вин. п. *муөсыл*, *муөл*, *муыл*; твор. п. *муөсыро*, *муөлло*; например: *игөс-и муөлло мандың гөс-ио* (из чего это сделано?); *муөт то ани мөгөссүни мүөра до мөкко капсида* (я ничего не ел, давайте поедим чего-нибудь и потом пойдем); *муөсидөнджи* (что угодно); *ирым-и муөс-ио* (как это называется?);

3) *мусөн*, *мусын*, *мусым* (что [употребляется атрибутивно], что-то); восходит к *муөс хан* или *муөс ин*; например: *мусын пр-ио* (в чем дело?); *мусым сарам-ио* (что это за человек?); *мусын гөс-идөнджи чал хая-я ссыгессо*

(что бы это ни было, все нужно делать хорошо); *мусын сэг-инга* (что это за цвет?);

4) *м'өт* (*м'ет, мет*) — (сколько; несколько); основа **м'өчх*; вин. п. *м'өчхыл*, твор. п. *м'өтчхыро*. Конечный согласный этого местоимения обычно ассимилируется последующим согласным (см. п. 14 о конечном *т*); например: *м'өтчх-ио* (сколько вам лет?); *м'өтхэ-га тайвессо* (сколько лет прошло с тех пор?); *м'өтчхил мане осессо* (за сколько дней вы приехали?); *модо м'өнни-о* (сколько всего верст?); *м'өн-сарам-ый тон-и тырессо* (деньги какого количества людей ушли на это? или: на это были потрачены деньги большого количества людей); *м'өк-кэ каджэ вассо* (сколько штук вы принесли? или: они принесли некоторое количество штук (того-то и того-то)); *м'өс-си-о* (который час?);

5) *вэ, ве* — почему (наречие); орфография: *ваи*; атрибутивная форма *вэн, вен*, восходящая к **ваи-ин*; например: *вэ-э, ве-да* (почему?); *ве кыри хасио* (почему вы говорите так?); *вэй ккадалг-ио* (каковы причины?); *вен ил-ло катта* (он пошел по какому-то делу); *вен ил-ло канна* (по какому делу он пошел?);

6) *өдэ, өде, өдий* (*өды*), сев.-кор. *вөде, вөды* (где); восходит к *вө* (что) — *тэ* (из *тии* — место=что за место); например: *мур-ын өдэ-га чөил кипсо* (где вода глубже всего?); *өдэл* (*өдэро, мусын деро*) *катта* (они куда-то ушли); *өдьрыл куг'өнъ хасессо* (что (какое место) вы смотрели?); *өдэ-м-мар-ыл пэхвассо* (какой язык вы изучали?); *өдьи-н-нара-ый сарам-ио* (какой он национальности (страны?)); или: он из какой-то (другой) но какой, не знаю) страны); *өдэ дөнджи иссо* (это есть где угодно); *өдымэ* (где);

7) *өна, өнэ* (*өны, өн-*), сев.-кор. *вөна-, вөн-* (какой; один из двух или более), употребляется только атрибутивно или в форме род. п. *өнын*; например: *өнын нара-га игигессо* (какая страна победит?); *кы сарам чиб-и өнэ чиб-ио* (какой из этих домов его?); *өндже* (сев.-кор. *вөндже* — когда, когда-то, как-нибудь); *өна ттэ, өны ттэ* (когда, когда-то); *өлма, өнма* (сколько; ман — сумма, размер); *индже өлма мот пёл тут хао* (я, видимо, не увижу вас некоторое время); *өлма кидар'өккетчи манын, амо до ани вассо* (мы некоторое время ждали, но никто не пришел);

8) *өттө* (как, каким образом; какой-нибудь); в таком виде употребляется только как наречие; в предложении обычно сопровождается глаголом *хада* (быть, делать): *өттө хада* (как поступить, как быть) или сокращенно *өттөхта*; *өттө хан* или сокращенно *өттөн*; *өттөхаге* или сокращенно *өттөкхе*; *өттөхао* или сокращенно *өттөо* и т. д.; например: *өттөн ири-о* (что это такое? в чем тут дело? тут что-то есть); *жас-и өттөо* (ну, каков вкус?); *памсэ-га өттө-сио* (или *өттө хасио*) (как вы провели ночь? — в смысле: доброе утро); *өттөн ттэ-е тбмнида, өттөн ттэ-е танъчхо-е ани тбмнида* (иногда это выходит, но иногда ничего не получается); *и-га өттөкхе чокхессо* (как будет лучше это сделать? или: так или иначе — все будет хорошо);

9) *өтчи* (как, почему; до некоторой степени); сев.-кор. *өтти*; встречается только в сочетании с *хада*, сокращаясь в *өтчөда*, *өтчэда*; например, *өтчи хая чө өвлөх-кочх-ыл ттассо* (почему вы сорвали ту розу?); *өтчин* (*өтчөн*, *өтчинхан*) *ккадалг-ио* (в чем тут причина?); *өтчи хаджа-нын* (или *хаджа ханын*) *малсам-ио* (можете ли вы сказать, как лучше сделать это?).

Во всех этих словах, как прилагательных, так и наречиях, имеется общий корень *ө*, восходящий к *вө*, который в производном *вэ* представляет собой, видимо, местный падеж. Словосочетания *өттө хада* и *өтчи хада* имеют соответствия в таких выражениях, как *кырө хада* (такой), *чөрө хада* (такой), *ирө хада* (такой).

107. Есть еще ряд местоимений, которые, однако, употребляются только в неопределенном значении:

10) *амо* (*ам-*), сев.-кор. *аму* употребляется как в смысле существительного, так и в смысле прилагательного: *амо-з ванын я* (кто-нибудь пришел?); *амодыр-ый чиби* (чын-то дома); *амогэ-га вассо* (пришел какой-то человек); *амо дэро катта го хао* (он куда-то, говорят, ушел); *амо дэро до катта* (он был везде); *ам-ман хайв до* (во что бы то ни стало); *амо год-е итчио* (думаю, что где-нибудь есть); *амо сарым-и на* (кто бы это ни был); *амо-дөнджи оракко* (скажи, чтобы кто угодношел сюда!); *амори хаяссө-до* (как бы то ни было);

аморөхагөна (так или иначе); *амо-джоро-ок* (любыми средствами); *амо-ттэ-е до тта-е ани чатта* (я никогда не спал на земле); *амо-ттэ-е* (когда-то); *амо-ттэ-е до* (в любое время, всегда).

Неопределенные числительные

108. Прежде чем перейти к числительным, необходимо привести ряд имен со значением суммарного счета, тем более, что многие из них употребляются как неопределенные местоимения. Наиболее употребительными являются: *йөрө* (прилагательное), *йөрөс* (существительное: многие, разный, различный); *йөрөгаджи* (различного рода), *йөрө-гөс-и иссо* (есть разные вещи), *йөрө-бөн* (часто), *йөрө-дэ* (во многих местах, почти всюду), *йөрө-бүн* (все вы). Это слово восходит, повидимому, к *йөл* (десять); с в *йөрөс*, повидимому, восходит к *көс* (вещь).

төрө (немного); *төро...*, *төрө...*, (некоторые..., некоторые...);

хок (некоторые; возможно); *хокси* (иногда), *хоги карадэ* (некто сказал);

ханә (существительное), сев.-кор. *ханна*; *хан* (прилагательное: один, некто; тот же самый); *хан сымул* (двадцать); *хана-нын...*, *хана-нын...* (один..., другой...); *хан год-е каджа* (пойдем в одно и то же место); *та хан тонъхянь сарам-ио* (вы все из одной и той же местности?) (см. числительные);

хён, сев.-кор. *хабун* (один, одинокий); *хонджа*, сев.-кор. *хабунджа* (один, всего лишь один); *холло*, сев.-кор. *хабуллу* (сам один);

тә (все);

чö, сев.-кор. *чохи* (все), *чö да* (все);

то (кит.— все вместе); *томоджи* (все); *тә ватта* (все пришли), *та тойөссо* (все готово), *чёда кагетти* (они пойдут все), *туул та чхви хайөссо* (оба они пьяны);

тыл, сев.-кор. *төр* (в старом языке также *төн* — различные, все); употребляется также как знак множест-

венности: *индже дыл чиб-е га* (ну, теперь идите все домой);

модын (прилагательное), *модо*, *мода* (прилагательное и существительное; от глагола — *мотта* собирать); *модын нара* (вся страна); *нара-га модо* (вся страна), *сарам-и модо* (все человечество, все люди);

мут (толпа — существительное), *мури* (толпа, стая); *сэ мури* (стая птиц);

он, сев.-кор. *обун* (все), *онджа* (в сумме, в целом); сев.-кор. *обун шешанъ-е* (во всем мире), *он гат* или *он гаджи* (всякого рода), *он гас-сарам* (всякого рода люди);

мада, сев.-кор. *маданъ* (каждый — существительное);

май > *мэ* (кит.) (каждый — прилагательное); *сарам мада* (каждый человек), но также *мэин*; *нал мада* (ежедневно, каждый день), но также *мэил* (сев.-кор. *мэ-эл*); *мэси* (каждый час); *нара мада* (каждая страна), но также *мэгук*;

как (кит.) (каждый): *как каджи* (каждый, разного рода), *как сэги* — с тем же значением, *как сарам* (каждый человек), *какки* (каждый из них).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

109. Корейцы употребляют двоякого рода числительные: одни являются исконно корейскими, другие заимствованы из китайского языка.

Чисто корейские числительные употребляются в сочетании с исконно корейскими именами существительными; с китайскими же именами существительными употребляются китайские числительные. Корейская система числительных включает наименования чисел до ста; два слова *он* (сто) и *чымын* (тысяча) некогда существовали, но теперь не употребляются. Для чисел свыше двадцати предпочтитаются китайские числительные.

Некоторые корейские числительные имеют две формы: одна употребляется в значении существительного и как таковая может склоняться; другая употребляется в значении прилагательного, являясь, таким образом, синтаксически атрибутом.

Количественные числительные

Корейские числительные существительные	прилагательные	Китайские числительные
1 хана	хан	и
2 түл, туул, тувул	ту	и
сев.-кор. түүр		
3 сет (детерм. сес-и)	се (сөк, сө)	сан
4 нет (детерм. нес-и)	не (нөк, нө)	са
5 тасыт (детерм. тасыс-и)	тасөт, тат	о
6 йөсыйт (детерм. йөсис-и)	йөсөт, йөт	юк (нюк)
7 илгоп (из нилгон)	илгоп	чхил
8 йөдөлл	йөдөлл, йөдөл	пхал
9 ахон (ахун)	ахон	ку
10 йөл (йөри)	йөл	сип
сев.-кор. йөр, яр		
11 йөрхана	йөрхан	сибил
12 иөлдүл	йөлду	сиби (симни)
20 сымул	сымул, сыму	исип
30 сөрхын		самисип
40 махын		сасип
50 сүин		осип
60 йөсүин, йөсун		юксип
70 ирхын		чхилсип
80 йөдьин		пхалсип
90 ахын		кусип
100 (арх. он)		пэк
101 пэкхана	пэкхан	пэгил
120 илбэксымул	илбэксыму	илбэгисип

Далее: 200 ибэк, 300 самбэк, 400 сабэк, 500 обэк,
 600 юкпэк, 700 чхилбэк, 800 пхалбэк, 900 кубэк, 1000
 чхөн и 10 000 ман.

Атрибутивные формы сөк, нөк употребляются перед некоторыми словами, начинающимися на звонкий согласный; например: санъ (стол), ссанъ (пара), сөм (мешок),

там (месяц), чанъ (лист), чим (груз) и т. д. Что касается употребления *тасыт*, *йөсүт*, с одной стороны, и *тат*, *йөт*, с другой, то на этот счет, как кажется, нет определенных правил; формы *сө*, *нө*, *тат*, *йөт* обычно употребляются с такими существительными, как *тоң* (деньги), *мал* (маль; мера сыпучих тел).

Именные формы *сес-и*, *нес-и* (три из них, четыре из них), видимо, составлены из *се* (или *сө*), *не* (или *нө*) и *гөс*, *көс* (вещь); *с* является остатком этого слова (*с* < *т*). Таким же образом, очевидно, разъясняется и *с* в *тасаc*, *йесыс* и в имени существительном *йөрөс-и* (многие из них) (< *йөрө* *гөс-и*); ср. прилагательное *йөрө* (многий, различный) из *йөл* (десять).

Что касается происхождения этих числительных, то здесь могут быть предложены следующие догадки: существительное *хана*, *ханна* восходит, очевидно, к *хан* (один) и *на* (вещь? лицо?); *туvур* (ср. тунг. *зүг*, маньчж. *зүе*) содержит некий элемент **бур*, **бер*; ср. айнские *с'и-не* (один), *ту* (два), *ту-отне* (сорок); в числительных **тā-сāс* (пять) и **йө-сыс* (шесть) содержится, видимо, элемент *сā-с*, очевидно, со значением „рука, кулак“, слово, родственное существовавшему ныне *сон* (рука; ср. маньчж. *sun-за* — пять, тунг. *so-lto* — кулак, гольдское *sosī* — пятьдесят, кор. *sun* — пятьдесят, маньчж. *susai* — пятьдесят). Весьма возможно, что *та* в *тā-сāс* родственно монгольскому киданьскому *ta-bin* (пять), корейскому *та* (весь, все), а *йө* в *йө-сыс* родственно *йөл* (десять). Числительное *йөл* (десять) находится в связи с глаголом *йөлда* (открывать), так же как маньчж. *зиап* (десять) соотносится с маньчж. же *зиап-ка* (открытый; ср. *зиамби* — открывает); в кор. **нилкоп* (семь) можно выделить **нил*, родственное тунг. *ilan* (три), и *коп* (сгибать; выходит, таким образом, что *нил-коп* значит дословно „[с] тремя загнутыми [пальцами]“); слово *йөдөлл*, *йөдүлл* (восемь) можно толковать как сложное, состоящее из *йөл* (десять) и **туул* (без двух); *ахоп* (девять), видимо, состоит из вышеупомянутого *-коп* (согнутый) и *а-* (? маленький, ребенок), (ср. маньчж. *цип* — девять, тунг. *цип* — маленький; выходит, таким образом, что *ахоп* дословно означало „маленький палец [загнутый]“; кор. *он* (сто)

родственно турецкому *on* (десять), древнеяпонскому *o* (сто), тогда как кор. *чымын* (тысяча) родственно монгольскому, турецкому *tümän* (десять тысяч).

110. В корейском языке есть ряд сложносоставных числительных для приблизительного счета. В состав этих слов обычно входят *пён* (раз), *сарам* (человек), *кэ* (штука) и др.

Точный счет

ханбён — раз, однажды
тубён — два раза, дважды
себён — три раза, трижды
небён — четыре раза

тасөппөн — пять раз

йөсөппөн — шесть раз

пигоппөн — семь раз

иёдөлбөн — восемь раз

ахоппөн, *ахуппөн* — девять раз

иёлбөн — десять раз

иёл-ламын (*йёнамын*) — свыше десяти

(я.-ламун — свыше десяти, по крайней мере десять).

111. Есть ряд специальных слов, указывающих возраст животных (короб, волов, диких животных).

хароп, *харып* — одногодок

турып, *туруп* — (животное) двух лет

сароп, *сарып* — (животное) трех лет

нарып — (животное) четырех лет

тасоп, *тасып* — (животное) пяти лет

Приблизительный счет

хандубён — раз или два
тусёбён — два-три раза,
туёбён — несколько раз
(туё — немного)
сөнёбён — три-четыре раза
нёдёлпөн — четыре-пять раз

нёдёдэппөн — раз пять
тэйюппөн, *тэйюёппөн* — примерно раз шесть

йёнилкоппөн — по крайней мере раз шесть
приёдёлпөн — около семи раз

иёдахоппөн, *иёдахуппөн* — раз восемь
айёрёбён — раз девять
йёрёбён — раз десять
(йёрё — несколько)

йөсүп — (животное) шести лет
ирап — (животное) семи лет
йөдүп — (животное) восьми лет
асоп или *курып* — (животное) девяти лет
тамбул, *тамхул* — (животное) десяти лет

В этом последнем слове содержится, очевидно, имя существительное *пхул* (трава), что подтверждается тем, что паряду с приведенными выше словами встречаем *ханнхул* (одна трава — для одногодки), *туулхул* (две травы — для животного двух лет) и т. д.

112. В корейском языке имеется также ряд особых слов для выражения числа дней и чисел месяца

харо или *хару* — один день

итхыл — два дня

сахыл — три дня

нахыл — четыре дня

тассэ — пять дней

йессэ — шесть дней

ирхе — семь дней, неделя

йөдьрэ — восемь дней

ахырэ — девять дней

йөрхыл — десять дней

йөрхаро — одиннадцать дней

йөритхыл — двенадцать дней

порум, *порым* — пятнадцать дней

суму, *сыму* — двадцать дней

харо нал — первое число

итхын нал — второе число

сахын нал — третье число

нахын нал — четвертое число

тассэ нал — пятое число

йессэ нал — шестое число

ирхе нал — седьмое число

йөдьрэ нал — восьмое число

ахырэ нал — девятое число

йөрхыл-нал — десятое число

йөлхаро — одиннадцатое число

йөритхын нал — двенадцатое число

порым нал — день полнолуния

суму нал, *сымул-нал* — двадцатое число

кымым, *кымым нал* — последний день месяца

Аналогичным образом имеем следующие слова для счета лет: *ит-хэ* (два года; *хэ* — год, солнце, день), *сэт-хэ* (три года) и т. д.

Оналивлсыму-итхыр-по (сегодня 22 февраля), *йөсс-ху-е таси осно* (пожалуйста, приходите снова через шесть дней), *харо ғённө чанънар-по* (каждый второй день бывает базар), *итхыл көннө* (каждый третий день), *кымылкке* (в конце месяца), *порумкке* (числа пятнадцатого).

113. Порядковые числительные

корейские	китайско-корейские
первый — <i>чхөт</i> , <i>чхөтчэ</i>	<i>че-и.1</i>
второй — <i>тулджэ</i>	<i>че-и</i>
третий — <i>сётчэ</i>	<i>че-сан</i>
четвертый — <i>нётчэ</i>	<i>че-са</i>
пятый — <i>масотчэ</i> , <i>тассотчэ</i>	<i>че-о</i> , <i>чо-о</i>
шестой — <i>йөсётчэ</i> , <i>йөссётчэ</i>	<i>че-рюк</i>
седьмой — <i>илготчэ</i>	<i>че-чхи</i>
восьмой — <i>йөдөлджэ</i> , <i>йөдөтчэ</i>	<i>че-пхал</i>
девятый — <i>ахотчэ</i>	<i>че-гу</i>
десятый — <i>йөлджэ</i>	<i>че-сип</i>
одиннадцатый — <i>йөрханджэ</i>	<i>че-сиб-и.1</i>
двадцатый — <i>сымулджэ</i> , <i>сымуджэ</i>	<i>че-исип</i>
пятидесятий — <i>свинджэ</i>	<i>че-осип</i>
сотый — <i>пэкчэ</i>	<i>че-илбэк</i>
тысячный — <i>чхөнджэ</i>	<i>че-илчхөн</i>
десятитысячный — <i>манджэ</i>	<i>че-илман</i>

114. Классификаторы

Корейские числительные, как известно, имеют две формы: именную и адъективную. Адъективная форма употребляется в том случае, когда за ней следует имя существительное: *хан сарам* (один человек). Однако не всякое существительное может следовать непосредственно за числительным. Что касается китайских числительных, то они предшествуют китайскому имени суще-

ствительному, к которому относятся и с которым составляют одно сложносоставное слово.

Подобно китайскому, японскому, гиляцкому и многим другим языкам, корейский имеет специальные имена, которые, соединяясь с числительными, служат как бы счетной единицей. Классификаторы китайского происхождения соединяются с китайскими числительными, а корейские — с корейскими. Используя термин, предложенный Ундервудом, мы называем такие имена классификаторами, а не служебными числительными. Как в русском языке говорим пять голов скота, три листа бумаги, так и в корейском говорят не пять лошадей, а лошадей пять голов, людей три имени и т. д. Ниже перечисляем наиболее употребительные классификаторы: *м'өнъ* (кит.) — имя, *нат* (кор.) — лицо (при счете лиц) *пун*, *ви* — персона (при счете особо уважаемых лиц) например:

ыйвөн ханбун-и — один врач,

мари (кор.) — голова; при счете животных,

пхил — при счете крупных животных (коны, коровы, обезьяны и т. д.),

ип (кит.) — при счете шляп, матрацев и т. д.,

чхэ — фундамент, основа; при счете домов, повозок и т. д.,

чва — сидение; при счете домов, орудий и т. д.,

санъ — стол; при счете столов, стульев, стоячих предметов утвари,

ч'у — ствол; при счете деревьев, бревен,

пөл — комплект; при счете платья, горшков,

чаро (кор.), *п'өнъ* (кит.) — ручка; при счете мечей, ножей, вееров, пишущих ручек, вообще всех предметов, которые держат в руках,

тонъ — связка; при счете грузов, увязанных венцей,

төнъи — при счете длинных и круглых предметов,

тте — стая; при счете стай птиц, стад и т. п.,

кх'өри — пара; при счете вещей, предметов, которые существуют парами,

ссанъ — пара; при счете животных и венцей, которые существуют парами,

кил, квон (кит.) — том; при счете книг,

ал — зерно; при счете всякого рода маленьких предметов;

пх'он — сторона; при счете кусочков чего-либо съедобного,

мадэ — при счете слов, предложений, песен и т. п.,

чхок — корабль; при счете кораблей, пароходов, лодок,

ччок, ччак — половина; при счете вещей, которые обычно существуют парами или, будучи взятыми в большем числе, представляют одно целое,

кэ — штука; при счете предметов, которым не присвоено особого классификатора.

ГЛАГОЛ

Общие замечания о спряжении

115. Глагол в корейском языке выражает либо нечто происходящее, то есть какое-либо событие или действие, субъектом которого является деятель, либо то, что нечто является тем-то и тем-то или таким-то и таким-то, иначе говоря, суждение, тождество, высказанное относительно субъекта.

Глаголами действия мы называем в этой книге все активные глаголы (переходные и непереходные по значению); они соответствуют глаголам наших европейских языков. Все прочие глаголы, которые названы здесь качественными, передаются в европейских языках прилагательными, реже глаголами; например, *пачх-и пхурыда* (поле зеленое), *хоранъи-га мусонта* (тигр страшен), *кы-га мар-ида* (это есть лошадь), *и-га наму-да* (< *наму-ида*) (это есть дерево).

Лишь в некоторых формах или временах обнаруживается разница между этими двумя классами глаголов; разница между ними грамматически явственна лишь в некоторых формообразованиях настоящего времени да в причастиях, как это будет показано дальше. Оба класса

глаголов следуют одному и тому же спряжению, единственному в корейском языке.

116. Парадигма спряжения корейского глагола обнаруживает исключительно большое число самых различных форм; однако ни одна из них не имеет специальных окончаний, которые указывали бы на то, одно или большее число лиц или вещей участвуют в действии или обладают тем или иным качеством; грамматические „лица“ (я, ты, он, она, оно, мы, вы, они) не имеют грамматического выражения в языке: все глагольные формы безразличны к лицу и числу. Вместо этого выбор той или другой формы зависит от того, какую степень вежливости, фамильярности или учтивости желает выразить говорящий. Во многих формах глагола мы находим явное указание на социальный аспект или отношение к лицу или лицам, в чьем присутствии произнесены те или иные слова, к кому они обращены или о ком они высказаны. Во многих положениях в предложении глагол может иметь простую форму, но в конечном положении (соответствующем сказуемому предложения) социальный аспект не может быть оставлен без внимания. Разговаривая, кореец различает речь, обращенную к вышестоящему лицу, речь, обращенную к равному, речь, обращенную к нижестоящему лицу, и речь монологическую. Формы, выражающие речь, обращенную к нижестоящим, являются наиболее древними и панпростейшими. В разговоре с равными употребляются формы, которые первоначально принадлежали незаконченным предложениям. В разговоре с вышестоящими различаются различные степени учтивости; существует много вежливых глагольных выражений, которые по своему происхождению являются сложными образованиями, составленными из причастий с вспомогательным глаголом *тида* (быть). Выбор правильной формы для главного глагола предложения является в корейском языке более значительным делом, нежели в каком-либо другом языке мира, за исключением, быть может, лишь японского. Употребление слишком скромного или слишком учтивого выражения в обыденной речи, в обыденном разговоре друзей или равных по положению лиц может поставить

говорящего в смешное положение; равным образом употребление слишком простой или слишком вульгарной, неучтивой формы глагола-сказуемого в разговоре со старшим или более высоким по положению лицом или в присутствии этого лица было бы непростительным оскорблением. Часто различные степени учтивости указывают также на субъект глагола-сказуемого (*онда* — я пришел, мы пришли, он пришел, они пришли; но *оо* — ты пришел; в фамильярной речи).

Отсюда следует, что все глагольные формы, которые употребляются в конце предложения, должны быть усвоены особо тщательно тем иностранцем, который собирается сказать что-либо по-корейски. Следует отметить, что степени вежливости являются одними и теми же как в случае, когда речь обращена непосредственно к слушающему, так и в случае, когда она произносится в его присутствии, не касаясь его непосредственно; например, *сан-и ноптта* (гора высока — как монологическое высказывание или в разговоре с детьми, слугами), *сан-и нопсо* (гора высока — если я говорю это другу или лицу, положение и возраст которого не слишком отличаются от моего); *сан-и нопхымнида* (гора высока — когда я говорю с уважаемым мною лицом); *сан-и ноптода* (гора высока — так говорится только для себя самого).

117. Как было сказано выше, есть только одно спряжение; все глаголы спрягаются одинаковым образом; всюду используются одни и те же окончания; но при этом наблюдаются значительные фонетические изменения на стыке между основой (ее последним или последними звуками) и суффиксом (его начальным звуком и его гласным).

118. С точки зрения последнего звука основы все глаголы могут быть подразделены на две основные группы; глаголы делятся на а) группу с гласной основой и б) группу с согласной основой.

В следующих примерах следует обратить внимание на характер основы и на видоизменение суффикса.

I. Группа с гласной основой

а) один гласный

<i>подा</i> — видеть	<i>поа</i> — увидя	<i>пон</i> — видевший
<i>ода</i> — приходить	<i>ва</i> — прия	<i>он</i> — пришедший
<i>чуда</i> — давать	<i>чуθ</i> — дав	<i>чун</i> — давший
<i>нда</i> — становиться	<i>чθ</i>	<i>чин</i>
<i>кхыда</i> — большой	<i>кхθ</i>	<i>кхын</i>
<i>ссыда</i> — писать	<i>ссθ</i>	<i>ссын</i>
<i>сөда</i> — стоять	<i>сθ</i>	<i>сөн</i>
<i>када</i> — идти, ухо- дить	<i>ка</i>	<i>кан</i>
<i>ида</i> — быть	<i>ийθ, иθ</i>	<i>ин</i>
<i>хада</i> — делать, гово- рить	<i>хая, хайθ</i> (<i>хэйθ, хэ</i>)	<i>хан</i>
<i>кённода</i> — перехо- дить (реку)	<i>кённө</i>	<i>кённөн</i>
<i>пэхода</i> — учиться	<i>пэхва</i>	<i>пэхон</i> или
<i>пэхуда</i> — учиться	<i>пэхва</i>	<i>пэхун</i>
<i>киппуда</i> — рад	<i>киппθ</i>	<i>киппун</i>
<i>апхыда</i> — испыты- вать боль	<i>апхα</i>	<i>апхын</i>
<i>писсада</i> — дорогой	<i>писса</i>	<i>писсан</i>
<i>толлида</i> — вращать	<i>толл'θ</i>	<i>толлин</i>
<i>мөгида</i> — кормить	<i>мөг'θ</i>	<i>мөгин</i>
<i>сеуда</i> — строить, воз- двигать	<i>севθ</i>	<i>сеун</i>
<i>толчхида</i> — оборачи- ваться	<i>толчхθ</i>	<i>толчхин</i>

(в Северной Корее последний глагол имеет следую-
щий вид:*тортхида* — оборачиваться *тортх'θ* *тортхин*)

б) дифтонги (на -и)

<i>(наида) нэда</i> — выни- мать	<i>нэйθ</i>	<i>нэн</i>
<i>нида</i> — пустой	<i>ниθ</i>	<i>нин</i>
<i>игьда</i> (из <i>игыйда</i>) — победить	<i>игийθ</i>	<i>игин</i>

(сөида) седа — креп-	сейθ	сен
кий (тоида) тобда — ста-	тойθ	тён

новиться

(в Северной Корее последний глагол имеет следующий вид:

тведа твейθ твен)

в) глаголы с конечным слогом -ру-, -ры-

(оруда) орыда — под-	олла	(орун) орын
ниматься		
пурьда — звать	пулθ	пурын
хырьда — течь	хылθ	хырын
(нирыда) ирыда —	илθ	ирын
называть		
аорьда — присоеди-	аолла	аорын
нять		

2. Группа с согласной основой

г) основа с конечным л (это л исчезло перед зубными; см. Фонетика, п. 30)

(алда) ада — знать	ара	ан
(мөлда) мёда — да-	мөрθ	мөн
лекий		
(мөлда) мёда —	мёра	мөн'
гнать		
(пхулда) пхұда —	пхурθ	пхұн
развязывать		

Особая подгруппа:

ирыда — достигать	ирыθ	ирын
пхурида — зеленый	пхуриθ	пхурин

д) основы типа:

тытта — слушать	тырθ	тырын
көтта — шагать	көрθ	көрын
нүтта — прожечь	курθ	нүрын
татта — бежать	тарθ	тарын
мүтта — спраши-	турθ	мүрын
вать		

Основы этого рода имели, видимо, первоначально фрикативного типа *ð*.

е) основы с этимологическим * <i>ñ</i> или * <i>n'</i> в исходе:		
читта — делать	чи ^т θ	чиын (чиñ)
натта — выздоров- ливать	наа	наын
путта — наливать	пуθ	пуын (пуñ)
китта — линовать	ки ^т θ (кийθ)	киын
чотта — обвязывать	чоа	чоын

ж) основы с конечным *x*, следующим за гласным, *ар* или *и*:

натха — родиться	наха (наа)	нахын (наын)
чотха — хороший	choxa (чоа)	choхын (чоын)
илтха — потерять	ирхθ (ирө)	ирхын (ирын)
олтха — правильный	орха (ора)	орхын (орын)
нотха — класть	нöха (нöа)	нöхын (нöын)
ттултха — просвер- ливать	ттурхθ (ттуурө)	ттуурхын (тту- рын)
мантха — многочис- ленный	манха (мана)	манхын (манын)
татха — касаться; приставать	тха (таа)	тахын (тадын)

Необходимо иметь в виду, что взрывной согласный окончания благодаря метатезе всегда произносится как придыхательный; исключение представляют глаголы, основа которых имеет конечное *px*, *tx* или *chx* (см. ниже).

з) основы с конечным полугласным *v* (в Северной Корее до сих пор *b*):

тöпта — помогать	тöба (тöва)	тöын (сев.-кор. тöба, тöбун)
нүпта — лежать	нүθ (нүвө)	нүүн (сев.-кор. ныбθ, ныбун)
чхипта — холодный	чхи ^п θ	чхиун (чхивын) (сев.-кор. чхибун)
каккапта — близкий	каккава	каккаон
туккөпта — тол- стый	туккөвө	туккөун

<i>мүгөпта</i> — тяжелый	<i>мүгөвө</i>	<i>мүгөүн</i>
<i>төүпта</i> — жаркий	<i>төүвө (төвө)</i>	<i>төүн</i>
<i>купта</i> — печь	<i>кувө (куө)</i>	<i>куын (куун) (сев.-кор.)</i> <i>купти, кубө, кубун)</i>
<i>сарамдапта</i> — чело- вечный	<i>сарамдава</i>	<i>сарамдаон</i>
<i>хэропта</i> — вредный	<i>хэрова</i>	<i>хэрроон</i>

и) основы с прочими конечными согласными:

<i>-к-</i>	<i>мөкта</i> — есть <i>сокта</i> — быть обма- нутым	<i>мөгө</i> <i>сога</i>	<i>мөгүн</i> <i>согын</i>
<i>-кк-</i>	<i>покта</i> — жарить <i>ккөкта</i> — сломать	<i>покки</i> <i>ккөккө</i>	<i>поккын</i> <i>ккөккын</i>
<i>-лк-</i>	<i>пулкта</i> — красный <i>калкта</i> — скрести, чесать	<i>пулгө</i> <i>калга</i>	<i>пулгын</i> <i>калгын</i>
<i>-т-</i>	<i>натта</i> — получать <i>өттә</i> — получать	<i>нада</i> <i>өдө</i>	<i>надын</i> <i>өдүн</i>
<i>-тх-</i>	<i>аттә</i> — выбросить <i>пүттә</i> — присоеди- няться	<i>атха</i> <i>пүтхө</i>	<i>атхын</i> <i>пүтхын</i>
<i>-халтх-</i>	<i>халтта</i> — лизать <i>хултта</i> — обдирать	<i>халтха</i> <i>хултхө</i>	<i>халтхын</i> <i>хултхын</i>
<i>-с-</i>	<i>үттә</i> — смеяться <i>пээттә</i> — отобрать силой	<i>үсө</i> <i>пэаса</i>	<i>үсын</i> <i>пэасын</i>
<i>-сс-</i>	<i>иттә</i> — быть	<i>иссө</i>	<i>иссын</i>
<i>-п-</i>	<i>чапта</i> — поймать <i>иипта</i> — надеть	<i>чаба</i> <i>ибө</i>	<i>чабын</i> <i>ибын</i>
<i>-тх-</i>	<i>төптә</i> — покрывать <i>каптә</i> — (от) платить	<i>төпхө</i> <i>капха</i>	<i>төпхын</i> <i>капхын</i>
<i>-пс-</i>	<i>өптә</i> — перевернуть <i>өптә</i> — не быть, от- сутствовать	<i>өплө</i> <i>өпсө</i>	<i>өпхын</i> <i>өпсын</i>
<i>-лп-</i>	<i>нөлпта</i> — широкий <i>палпта</i> — наступать	<i>нөлбө</i> <i>палба</i>	<i>нөлбүн</i> <i>палбүн</i>
<i>-ц-</i>	<i>матта</i> — встречать <i>чөттә</i> — влажный	<i>маджа</i> <i>чөдже</i>	<i>маджын</i> <i>чөджын</i>

-нч-	читта — лаять аннта — садиться өннта — высоко класть	чиджэ анджи өндже	чиджын анджын өнджын
-чх-	ччотта — гнать, спугнуть матта — попадать в цель	ччочха	ччочхын
-н-	сынта — сметывать синда — обувать анда — держать в руках	ссычхэ синө ана	сычхын синын анын
-м-	камда — закрывать глаза	кама	камын
-лм-	көмда — черный салмда — варить чөлмда — молодой	көмө салма чөлмө	көмын салмын чөлмын

119. Глаголы *итта* и *өннта* являются единственными в своем роде, вероятно потому, что они восходят к более полным формам *иси-* и *өб-иси-* (ср. тунгусское *bisi* и *abul bisi-*); все прочие основы глаголов встречаются более чем в одном слове. Каждый глагол, в том числе и те, которые предположительно восходят к древним сложносоставным словам (*сон-дэда* — дотрагиваться, трогать, *пүтчапта* — поймать, схватить), принадлежит к тому типу, на который указывает один последний или два последних звука его основы. Таким образом, решающим фактором оказывается качество звуков, а не деление на активные и качественные глаголы.

120. Помимо первичных, существует большое число глаголов, образованных присоединением *хада* к предшествующему имени существительному. Глагол *хада* имеет два значения: активное („делать то-то и то-то“) и описательное или качественное („быть таким-то и таким-то“); отсюда *ир хада* (делать работу, работать), но *мё хада* (быть восхитительным). Этот глагол присоединяется как к корейским, так и к китайским словам или выражениям, даже к целым китайским предложениям для того, чтобы

образовать различного рода производные глаголы точно так же, как это делает глагол *суро* в японском, *se-mbi* в маньчжурском, *etmek* в турецком. Например, *кар хада* (жаждать; юж.-кор. *кал* — жажда), *камгым хада* (заключать в тюрьму; юж.-кор. *камгым* — заключение в тюрьму), *калханъ чилханъ хада* (носиться туда-сюда; от *ка-* — уходить и *чи-* — приходить), *надыри хада* (совершать прогулку, выходить из дома; от *на-дыри* — выход; ср. *на-дыда* — *на-дыро* — *на-дын* — входить и выходить), *панджир хада* (шить; от *паныджил* — шитье; ср. *паныл* — игла) и т. д.

121. Многие из наиболее употребительных сложных слов, образованных с помощью *хада*, подверглись в настоящее время сокращению, результатом чего является до некоторой степени неправильная парадигма. После долгого гласного начальное *х* в слове *хада* выпало, а коренной гласный *а* слился с предшествующим гласным в долгое *а*; однако после краткого гласного начальное *х* в слове *хада* не исчезло бесследно, а повлияло на начальный согласный окончания, сделав его придыхательным. Таким образом, имеем:

Полные формы	Сокращенные формы
<i>ирө хада</i> — такой (<i>ирө [хайо]</i> , <i>ирө ханъ</i>)	<i>ирөтха</i> <i>ирө ирөн</i>
<i>kyрө хада</i> — такой (<i>kyрө, kyрө</i> <i>ханъ</i>)	<i>kyрөтха</i> <i>kyрө kyрөн</i>
<i>өттө хада</i> — какой (<i>өттө, өт-</i> <i>тө ханъ</i>)	<i>өттөтха</i> <i>өттө өттөн</i>
<i>көмө хада</i> — темный (<i>көмө, кө-</i> <i>мө ханъ</i>)	<i>көмөтха</i> <i>көмө көмөн</i>
<i>кама хада</i> — черный (<i>кама, ка-</i> <i>ма ханъ</i>)	<i>каматха</i> <i>кама каман</i>
<i>ккама хада</i> — черный, как смоль (<i>ккама, ккама ханъ</i>)	<i>ккаматха</i> <i>ккама кка-</i> <i>ман</i>
<i>пуйө хада</i> — серый (<i>пуйө, пуйө</i> <i>ханъ</i>)	<i>пуйөтха</i> <i>пуйө пуйөн</i>
<i>ппоя хада</i> — очень серый (<i>ппоя,</i> <i>ппоя ханъ</i>)	<i>ппоятха</i> <i>ппоя ппоян</i>

<i>хыийθ хада</i> - белый (<i>хыийθ</i> , <i>хыийθ хан</i>)	<i>хыйтха хыийθ</i> - <i>хыи-</i> <i>йтн</i>
<i>хэйθ хада</i> - белым-белый (<i>хэйθ</i> , <i>хэйθ хан</i>)	<i>хэйтха хэйθ</i> <i>хэйθ</i>
<i>пулθ хада</i> - красный (<i>пу.лθ</i> , <i>хэйθ, пу.лθ хан</i>)	<i>пулгтха пу.лθ пу.лθ</i>
<i>пполга хада</i> - огненно-красный (<i>пполга хэйθ, пполга хан</i>)	<i>пполгаха пполга</i>
<i>ани хада</i> - не быть (<i>ани, ани</i> <i>хан</i>)	<i>аниха ани ани</i>
<i>наму-ра хада</i> - говорить: «ты - бревно» (<i>наму-ра хайθ,</i> <i>наму-ра хан</i>)	<i>намурада намура</i> (<i>на-</i> <i>мурэйэ</i>) <i>намурин</i> бранить.

Древним сложносоставным словом этого же рода является глагол *комапта* (*комава, комао, комаон*) — благодарить, первоначально *кома хапча* (дословно: сказать „похвалю вас“).

122. Так как основа глагола редко выделяется по одной единственной форме, то в хороших грамматиках и словарях даются обычно три формы. Первая из них является простым настоящим временем во всех лицах единственного и множественного чисел; она же одновременно является „неопределенным наклонением“. Эта форма часто является единственной, которую приводят грамматики и словари корейского языка, написанные европейцами. Вторая форма называется нами деепричастием прошедшего времени (перфективным деепричастием); этот термин будет объяснен нами позже. Третья форма — это причастие прошедшего времени.

Эти три формы в совокупности дают полное представление о всей парадигме и дают возможность образовать безошибочно любую другую форму того же самого глагола. Сами корейцы в своих китайско-корейских словарях дают причастие будущего времени (окончания *-л*, *-ыл*) как „исходную“ форму глагола. Однако три формы, используемые европейскими учеными, являются более подходящими, как ключевые формы корейского спряже-

ния; поэтому их можно назвать „тремя базами“ или „исходными“ формами глагола.

123. Формы корейского языка в процессе его исторического развития подверглись многообразным стяжениям; это относится и к глагольной парадигме. Форма, которая ныне кажется простой, то есть состоящей из основы и окончания, на деле часто является (не говоря уже о других возможностях) сложным образованием, состоящим из простого глагола (в какой-либо первичной форме) и какой-либо формы вспомогательного глагола *итта* (есть, естьн — быть, иметься), или *хада* (*хад*, *хан* — делать, говорить, быть), или *ида* (*иθ*, *ин* — быть (связка!)).

Даже оставаясь в пределах простых форм глагольной парадигмы, нельзя пройти мимо некоторых из наиболее употребительных сложных образований, как это будет показано в последующих таблицах времен.

124. Мы вынуждены отказаться от обычной классификации глагольной флексии, то есть от таких понятий, как изъявительное, сослагательное наклонения, неопределенное наклонение и т. д.; принимая во внимание прежде всего синтаксические функции глагольных форм, мы классифицируем все глагольные образования, которые имеются в корейском языке, следующим образом:

1) Такие глагольные формы, которые указывают своими окончаниями, что предложение закончено; это так называемые *verba finita*, то есть формы законченной предикации;

2) такие глагольные формы, которые употребляются как указание на следующий, главный глагол; это так называемые деепричастия (*converbia*), или формы незаконченной предикации;

3) такие глагольные формы, которые более или менее соответствуют прилагательным и существительным и являются, следовательно, именными или адъективными формами глагола (подобно причастиям и отглагольным именам других языков); это так называемые глагольные имена.

125. Формы законченной предикации употребляются в предложении как сказуемые; нужно, однако, заметить, что предложение в этом случае является констатацией факта, положительной или отрицательной. Если предложение является вопросительным и если в предложении использованы вопросительные частицы, тогда имеются иные формы глагола; вопросительные формы глагола будут приведены позже, вместе с предварительным рассмотрением причастий и вопросительных частиц.

Формы законченной предикации могут быть подразделены на две группы:

а) такие, которые выражают идею действия или качества объективно, без какого бы то ни было намека на волю говорящего. Эта группа соответствует изъявительному наклонению европейских языков;

б) такие, которые содержат указание на волю, желание или намерение говорящего. Здесь можно найти формы, которые соответствуют сослагательному и повелительному наклонениям европейских языков. Следуя Ундервуду, мы называем их формами воления (волеизъявления).

126. Все глагольные формы, которые употребляются для выражения предикации, указывают также на социальный аспект; иными словами, они выражают одновременно отношение между говорящим и слушающим. Необходимо выделить по крайней мере три степени: 1) форма „простецкой“ речи, 2) фамильярная форма и 3) учтивая или вежливая форма. Обычно они называются „низкой“, „средней“ и „высокой“.

Простейшей и более древней является так называемая форма „простецкой“ речи; прочие образованы путем комбинации простых форм или же являются эллипсисами, как это будет ясно из дальнейшего. Ниже мы пытаемся анализировать и объяснить прежде всего простые формы законченной предикации, как действительно исходные для всей системы спряжения. Такими простыми формами в социальном плане являются формы „простецкой“ речи.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЗАКОНЧЕННОЙ ПРЕДИКАЦИИ

А. Утвердительное изъявительное

Простые образования

127. Изъявительное наклонение, то есть группа форм, употребляющихся в качестве законченного сказуемого в „простецкой“ речи, содержит три основные формы. Эти три основные формы следующие:

1) декларативная, выражаемая окончанием *-та* (соответственно *-да*, *-тха*, *-тта*): *пода*, *чуда*, *мөкта*, *патта*, *мантха*, *көмтта*. Это — так называемое общее настоящее время, передающее значение глагола без каких бы то ни было скрытых модификаций; это первая из основных форм;

2) регressiveвая, выражаемая суффиксом *-тө* (соответственно *-дө*, *-тхө* и *-ттө*): *подө*, *чудө*, *мөктө*, *паттө*, *мантхө*, *көмтө* и т. д. Она содержит в себе идею „там“ или „тогда“, указывая на то, что нечто совершается или имеется налицо, но не тут или теперь и не в связи со „мною“ или с „тобою“. Она выражает действие, в некотором отношении отдаленное во времени или пространстве и являющееся в одно и то же время и настоящим и прошедшим. Вот почему мы называем ее регressiveвой;

3) индекссивная (неопределенная, недостоверная), выражаемая суффиксом *-чи* (соответственно *-джи*, *-чхи*, *-чи*), который в севернокорейских диалектах произносится *-ти* (соответственно *-ди*, *-тхи*). Эта форма содержит в себе идею некоторой неуверенности или просто фамильярности со стороны говорящего; первоначально она, согласно примерам из некоторых тунгусских диалектов, содержала незначительное указание на будущее, потенциальность (как в немецком *es wird so sein* или английском *it may be so*). Она употребляется в том случае, если говорящий не желает выразиться вполне определенно; в социальном аспекте ее можно встретить часто в дружеской речи.

128. Регрессивная форма в своем первоначальном, простом виде как форма сказуемого не употребительна. К ней должны быть прибавлены:

а) или *-и*, которое вместе с *ə* даст *e*; таким образом, имеем: *поде*, *чуде*, *мэкте*, *патте*, *манхе* и т. п.; это окончание весьмаично для современного языка и расценивается в социальном плане как „низкое“;

б) или частица *-ра* (*-ира*), несколько более учитывая: *подра*, *чудра*, *мэктра*, *патра*, *манхра* и т. д.

Первоначальная форма *-тə* встречается еще и до сих пор в составе сложных образований (*подə ида*; *чудə ида*; *подə ин*, сокращенно *подəн*, *подыин*; *чудəн*, *чудыин*, *чудын*).

Все три формы вместе, как простые, могут быть названы формами настоящего времени.

129. Составные времена. Глагол *итта* (быть; его основные формы *итта*, *иссə*, *иссын*) является позднейшим развитием глагола *исида* (его основные формы: *исида*, *ис'ə*, *исин*); вместо формы *иссə* встречаем также *исиə*, вместо формы *иссын* встречаем также *иссин*.

Этот глагол, будучи присоединенным к деепричастию прошедшего времени основного глагола (окончания *-а* или *-ə*), потерял свой гласный первого слога; в результате образовались такие формы, как современные *поатта* (видел), *чуəтта* (дал) и т. д. Они восходят к более ранним *поа итта* (увидев, пребывать в таком состоянии), *чуə итта* (быть давшим). Это генетически сложное образование в современном корейском является простой формой прошедшего времени, соответствующей либо имперфекту, либо перфекту европейских языков.

130. Помимо образований типа *поатта*, *чуəтта*, в корейском языке употребляются формы типа *поассётта*, *чуəссётта*, *мэгессётта* и т. д. Этимологически они представляют собой соединение деепричастия прошедшего времени на *-а* или *-ə* с *иссə* (от *итта* — быть), после которого еще раз повторен глагол *итта*: *поа + иссə + итта*. Это двойной перфект или перфект в прошедшем

шем: „он уже видел“. Ср. *манхатта* (было много), но *манхассётта* (раньше было много).

131. Глагол *итта*, присоединенный к деепричастию будущего времени на *-ке* (соответственно *-ге*, *-кхе*, *-кке*) со значением „для того, чтобы...“, дает формы типа *погетта*, *чугетта*, *мёккетта*, *манкхетта*, которые соответствуют формально английским конструкциям типа *I am to go* и которые ныне являются формами будущего времени: *погетта* (я увижу, я посмотрю; или ты увидишь, ты посмотришь и т. д. для всех лиц). Если после деепричастия будущего времени на *-ке* (соответственно *-ге*, *-кхе*, *-кке*) следует *иссётта* (был), то получается прошедшее в будущем: *погессётта* (должен был видеть, должно быть, видел), *чугессётта* (должен был дать) и т. д.

132. *Икке* является деепричастием будущего времени от глагола *итта*. Присоединяя это деепричастие после деепричастия прошедшего времени основного глагола, получаем формы типа *поакке* (чтобы увидеть), *чуёкке* (чтобы дать). Если к возникшей таким образом форме присоединить *итта*, получаются новые образования типа *мёгёккетта*, *поаккетта*, *чуёккетта* — он, должно быть, поел (видел, дал), он должен был поесть (видеть, дать и т. д.).

133. Времена в изъявительном наклонении

Декларативные формы

Настоящее	<i>пода</i> — он видит
Прошедшее	<i>мёкта</i> — он ест
Будущее	<i>поатта</i> — он видел
Давнопрошедшее	<i>мёгётта</i> — он ел
Прошедшебудущее	<i>погетта</i> — он увидит
Будущепрошедшее	<i>мёккетти</i> — он будет есть
	<i>поассётта</i> — он видел
	<i>мёгессётта</i> — он ел
	<i>поаккетта</i> — он, должно быть, видел
	<i>мёгёккетта</i> — он, должно быть, ел
	<i>погессётта</i> — он должен был видеть
	<i>мёккессётта</i> — он должен был есть

Регрессивные формы

Настоящее	<i>поде</i> — он там видит
Прошедшее	<i>мækте</i> — он там ест
Будущее	<i>поатте</i> — он там видел
Давнопрошедшее	<i>мæгøтте</i> — он там ел
Прошедшебудущее	<i>погетте</i> — он там увидит
	<i>мækкетте</i> — он там будет есть
Будуще-прошедшее	<i>поассøтте</i> — он там видел
	<i>мæгøссøтте</i> — он там ел
	<i>поаккетте</i> — он там, должно быть, видел
	<i>мæгøккетте</i> — он там, должно быть, ел
	<i>погессøтте</i> — он должен был видеть тогда (там)
	<i>мæгøссøтте</i> — он, должно быть, [*] ел там (тогда)

Индексивные формы

Настоящее	<i>поджи</i> — он, кажется, видит
Прошедшее	<i>мækчи</i> — он, кажется (возможно), ест
Будущее	<i>поатчи</i> — он, кажется, видел
Давнопрошедшее	<i>мæгøтчи</i> — он, я полагаю, ел
	<i>погетчи</i> — он, я полагаю, увидит
	<i>мækкетчи</i> — он, я полагаю, поест
	<i>поассøтчи</i> — он, я полагаю, видел
	<i>мæгøссøтчи</i> — он, я полагаю, ел
Прошедшебудущее	<i>поаккетчи</i> — он, видимо, смотрел
	<i>мæгøккетчи</i> — он, возможно, ел
Будуще-прошедшее	<i>погессøтчи</i> — он, возможно, видел
	<i>мæгøссøтчи</i> — я полагаю, что он ел

Примечание I. Само собой разумеется, что глагол *итта* может иметь на себе логическое ударение. В этом случае гласный основы не теряется: *паб-и мækкетта* (каша готова для того, чтобы ее есть), *поаб-ыл мækкетта* (будет есть кашу); *та анджатте* (все сели), *но та анджа итте* (все сидели (были сидящими)); *св итта* (он стоит (пребывает стоящим)), *по сөтте* (он встал).

Примечание 2. В древних памятниках находим такие написания, как *по-аи-са* (видел), а в современных диалектах такие формы, как *пээсси-, чабэсси-* вместо обычных литературных *поассы-, чабассы-*. Будущее время в некоторых южных диалектах имеет окончания *-кэтта, -каттэра, -катти*, или *-кэтта, -кэтте, -кэтти*, как это засвидетельствовано Россом. Таким образом, здесь возобладал вариант с гласным заднего ряда (*-каи*), тогда как в других диалектах — вариант с гласным переднего ряда (*-кви*).

Примечание 3. Окончание *-та* восходит к двум окончаниям: *-тā* после основ с гласной заднего ряда и *-тө* после основ с гласной переднего ряда (например, *мектө, исидө, -идө* и т. д.); гласный в этом окончании был долгим. Ср. тунг. *-däwi, -däwi, däi, -däi* — окончания неопределенного наклонения и супина, и старотурецк. *-ta, -tä* в таких образованиях, как *boltaсу, bältäci*.

Примечание 4. Окончание регressiveвой формы имело краткий гласный, то есть краткое *ə* и краткое *a*, которые до сих пор находим в некоторых диалектах: *кадан маннассу* (я встретил его по дороге), *кадара* (пошел, ушел), но *иттөра* (был). Это соответствует тунгусскому прошедшему, на *-te, -de* (*-dre, -te*) и турецк. *-tu, -dy*, монг. *-či, -ži* — окончаниям определенного прошедшего.

Примечание 5. Окончание **-ти* имеет краткий гласный и, видимо, тождественно тунгусскому показателю будущего времени *-ti* (ламутское *bak-t'i-m* — я найду, *äm-d'i-m* — я приду); ср. этот же элемент в уйгурском *källi* (будущее).

Прочие образования изъявительного наклонения

134. Прежде чем перейти к дальнейшему, необходимо предварительно объяснить разницу между глаголами действия и качественными глаголами.

Глаголы действия имеют три причастия:

1) причастие настоящего времени; его признак — окончания *-нан, -нын;*

2) причастие прошедшего времени; его признак — окончания *-н, -ын;*

3) причастие будущего времени; его признак — окончания *-л, -ыл.*

Качественные глаголы имеют только два причастия: причастие прошедшего времени и причастие будущего времени. Таким образом, например, от качественных глаголов *ида* (быть — связка), *чотха* (хороший), *каккапта* (близкий), *чхипта* (холодный), *акхада* (плохой) имеем *ин* (тот, который; то, что есть), *чохын* (хороший), *каккаон* (близкий), *чхинун* (холодный), *акхан* (плохой). Здесь причастие на *-н(||-ын)* в действительности не имеет зна-

чения прошедшего времени; это — атрибутивная (adjectival) форма глагола, соответствующая ближайшим образом причастию настоящего времени глаголов действия.

135. Причастия широко используются в качестве скажемых предложения, обычно, однако, в сопровождении соответствующей частицы. Такой частицей является, например, утвердительное *-ра* || *-ира* (положительное убеждение или уверение). Отсюда возможны такие „временные образования“, как:

1) *понын-ира* (есть видящий), *иннын-ира* (есть существующий), *мөнъын-ира* (есть купающий), *канын-ира* (есть идущий), *канын-ира* (есть копающий);

2) *пон-ира* (есть видевший), *иссын-ира* (есть существовавший), *мөгүн-ира* (есть евший), *кан-ира* (есть шедший), *кән-ира* (есть рывший);

3) *пор-ира* (есть в будущем видящий > увидит), *ис-цир-ира* (есть в будущем сущий > будет) и т. д.

От качественных глаголов имеем аналогичные образования:

2) *чохын-ира* (есть хороший), *каккаон-ира* (есть близкий), *чхцун-ира* (есть холодный);

3) *чохыр-ира* (есть в будущем хороший > будет хороший), *каккаор-ира* (есть в будущем близкий > будет близкий).

136. Глаголы действия образовали от причастия настоящего времени две очень употребительные формы с временным значением декларативного характера:

А. Глагол *ида* в соединении с предшествующим причастием настоящего времени дал декларативную форму „низкого стиля“ речи: *-нанда*, *-нында* после согласного корня, *-нда* после гласного корня. По значению эта форма соответствует настоящему длительному. В сложных временах она не встречается.

иннында (сейчас есть), *мөнъында* (сейчас ест), *ан-нында* (сейчас сидит), *уннында* (сейчас смеется), *тыннында* (сейчас слушает), *кыллында* (сейчас кипит), *өмнинда* (сейчас отсутствует, сейчас нет) (основы: *исс-*, *мөк-*, *анч-*, *ус-*, *тыт-*, *кырх-*, *өңс-*).

понда (сейчас глядит), *канда* (сейчас идет), *санда* (сейчас покупает), *сандында* (сейчас живет), *кыллинда* (сейчас кипятит) (основы *по-*, *ка-*, *са-*, *сал-*, *кылли-*).

Соответствующими формами качественных глаголов являются: *чохын-ира* (есть хороший), *каккаон-ира* (есть близкий), *мөн-ира* (есть далекий), *акхан-ира* (есть плохой).

Б. Другое образование характеризуется окончанием *-не* (пишется *-наи*, *-най*, *-нөи*), которое, возможно, восходит к сокращенному *-нэн* в сочетании с каким-то (дектическим?) элементом (*-и* или *-е?*). Этого рода временная форма употребляется во всех образованиях, в том числе и сложных, изъявительного наклонения: *поне* (смотрит), *поанне* (видел, смотрел), *погенне* (посмотрит), *поаккенне* (пожалуй, увидит) и т. д. Употребляется эта форма в функционально форме *-не* глаголов действия.

137. Качественные глаголы также имеют аналогичного типа настоящее время; признаком его является *-е*, по всей видимости, возникшее по усечении конечного *-н* причастия прошедшего времени; эта форма соответствует функционально форме *-не* глаголов действия.

Глаголы действия

- понда* — смотрит
- мөнъында* — кушает
- канда* — идет
- чиннында* — делает
- йнда* — знает
- иннында* — существует,
- есть
- ир ханда* — работает
- чөнъында* — записывает
- поне* — смотрит
- ане* — знает (основа *ал-*)
- төмне* — помогает (основа *төп-*)

Качественные глаголы

- поды* — кажется
- кипта* — глубокий
- каккапта* — близкий
- чхипта* — холодный
- килда* (|| *кида*) — длинный
- ида* — есть (связка)
- акхада* — плохой
- чөкта* — немногочисленный
- кхые* — большой
- кие* — длинный (основа *кил-*)
- чхиве* — холодный (основа *чхип-*)

камнē — платит (основа
капх-)
нённē — кладет (основа
нôх-)

кипхē — глубокий (основа
кипх-)
чохē — хороший (основа
чох-)

138. Что касается времен, в которых употребляются приведенные формы, то здесь мы находим следующие: Настоящее *понē*, *мёнънē*, *канē* и т. д.

Прошедшее *поаннē*, *мэгённē*, *каннē* и т. д.

Будущее *погеннē*, *мэkkеннē*, *кагеннē* и т. д.

Давнопрошедшее *поассённē*, *мэгессённē*, *кассённē* и т. д.

Прошедшебудущее *поаккеннē*, *мэгэkkеннē*, *каккеннē* и т. д.

Будуще-прошедшее *погессённē*, *мэkkессённē*, *кагессённē* и т. д.

139. В официальном языке широко используется в качестве декларативного изъявительного наклонения глагольное имя на *-м*, которое представляет собой именную форму глагола, означающую само действие или даже его результат и обладающую, таким образом, вполне конкретным смыслом. Например, *ир хам* (работает), *кам* (идет), *иссым* (есть), *катхым* (подобен, похож), *чэгым* (незначителен (численно) и т. д.

140. От этого глагольного имени образованы:

А. изъявительное на *-му*, встречающееся во многих диалектах, но недостаточно корректное для литературного языка,

Б. изъявительное на *-ме* (первоначально *-май*), которое проникло в литературный язык.

Форма *-му* широко распространена в северокорейских диалектах и большей частью употребляется там в конструкциях устной речи, таковыми являются пассивные основы на *-б*, например: *каму*, *камму* (идет), *иссимму*

есть), *хайөссимму* (сказал, сделал). Помимо того, эта же форма часто употребляется в соединении с вспомогательным глаголом *ида*: *каммуда* (идет), *иссиммуда* (есть), *хайөссиммуда* (сказал) и т. д. Форму *хаму*, от глагола *хада* (говорить), мы встречаем в грубом повелительном наклонении на *-рамуна* (= *-ра хаму-на*) в диалектах: *карамуна* (говорю тебе, иди!).

Более частыми являются формы типа *камме* (идет), *(ка)ссимме* (шел), *кагөссимме*, *кагассимме* (пойдет), *хамме* (говорит), *хайөссимме* (сказал), *хагессимме*, *хагассимме* (скажет) и т. д.

Вежливые (учтивые) формы сказуемого

141. До сих пор мы рассматривали формы простой речи, которые ныне употребляются главным образом в обращении к детям, слугам и т. п. Более учтивые формы имеют много степеней вежливости; мы вынуждены, однако, ограничиться различением только двух степеней: средней, употребляемой среди образованной части населения, в беседе с друзьями и равными по положению, и высокой, употребляемой в обращении к старшим, высшим по положению или просто уважаемым лицам.

Эти формы учтивости этимологически не являются обычным изъявительным наклонением; они восходят либо к деепричастиям, либо к сложным образованиям из причастия и какой-либо формы вспомогательного глагола *ида* (быть).

142. Средняя степень учтивости. Формой выражения этой степени учтивости служит окончание *-о*, если основа глагола имеет конечную гласную или *л* (которое исчезло перед любым окончанием с начальным зубным, а также перед окончанием *-о*); если основа оканчивается на любой другой согласный, кроме *-л*, то вместо *-о* употребляется *-ью* или *-со*.

Исходной формой для образования с *-о*, *-ью* служит деепричастие прошедшего времени от пассивной основы на *-б-*, *-бу-*; какое-нибудь **кава* (от *-ка-б-*) дало *као*, какое-нибудь **мөгывө* (от *мөгы-б-*) дало *мөгүу*, *мөгью*;

подобным же образом *ава* (от **алва* из глагола *ал-бу-* — быть известным) дало *ао*, *исивө* (от *иси-б-* — быть) дало **исиу*, *иссу*, ныне *иссо*.

Форма *-со*, видимо, является образованной от вторичной основы на *-сä-б-*, *-сы-б-*: *мөксывө* сократилось впоследствии в *мөксу*, ныне юж.-кор. *мөксо*; *чапсава* (от *чап-сä-б-*) дало *чапсо*; *төх-сäва* дало *чоссо*. Ныне синонимичные типы форм *мөгью*, *choхью* и *мөксо*, *чоссо* являются, таким образом, различными по происхождению.

143. Различные времена, в которых встречаем среднюю форму учитивости:

Настоящее: *поо*, *мөксо* (*мөгью*), *иссо*, *чоссо* (*choхью*), *ао* (*арью*).

Прошедшее: *поассо*, *мөгэссо*, *исссосо*, *чохассо* (*чоассо*), *арассо*.

Будущее: *погессо*, *мөккессо*, *иккессо*, *чокхессо*, *алгессо*.

Давнопрошедшее: *поассёссо*, *мөгэссёссо*, *исссёссо*, *чоассёссо*.

Прошедшее-будущее: *поаккессо*, *мөгөккессо*, *иссёккессо*, *чоаккессо*.

Будуще-прошедшее: *погессёссо*, *мөккессёссо*, *иккесёссо*, *чоаккессёссо*.

144. Как уже было сказано, эти формы средней учитивости постоянно употребляются в повседневной речи; этим объясняется то, что во многих грамматиках они рассматриваются как подлинно изъявительные формы.

Эти формы на *-о*, *-со* могут употребляться и в вопросительных предложениях, что невозможно для прочих форм, рассмотренных до сих пор. Они же используются для выражения вежливого повелительного (см. п. 160). Вопросительные формы будут рассмотрены ниже (см. п. 150—154).

145. К образованиям на *-о*, *-со* часто присоединяется служебный глагол *ида*. Отсюда такие выражения в литературном языке, как *пооида* (читать *поо*), *мөгьюида*

(читать *мəгыбда*), *иссоида* (читать *иссöдда*) и т. д. Эти образования, видимо, принадлежат литературному языку и не употребительны в повседневной речи.

В результате фонетической аббревиации диалекты обладают формами типа *иссуда*, *иссудө* (из *иссу* *ида* — есть, имеется), *кассудө* (ушел) и т. д. В сочетании с декларативным *ида*, *идө* (-да, -дө) и регressiveным *идө* (-дө), *ирө* (-рө) построены диалектальные формы типа *са ваннидө* (= *са ваннан ида* — купил), *са ваннирөра* (< *са ваннан идөра* — купил).

146. Высокая степень учтивости. Причастие настоящего времени на *-най*, *-нын* от пассивной основы на *-б-*, *-бу-* соединено с *-и* (см. послепричастные имена); к этому присоединен служебный глагол *ида*. Это сочетание дает в результате *-мнида* (пишется *-пнида*, *-пнайда*, *-пныида*), которое в Сеуле считается самой учткой формой изъявительного наклонения. Та же самая форма встречается также без *ида*, как *-мни*, *-мнэ*, *-мне*, но она является диалектной. Помимо *-мнида*, имеется еще вполне корректная форма *-мнэда*, *-мнэнда*, которая употребляется в речи простонародья, имея целью выразить убежденность говорящего.

147. Различные времена, в которых встречается высокая степень учтивости:

Настоящее: *помнида*, *мəгымнида*, *иссымнида*,
чохымнида, *амнида*.

Прошедшее: *поассымнида*, *мəгəссымнида*, *иссөссымнида*,
чохассымнида (*чаассымнида*), *арассымнида*.

Будущее: *погессымнида*, *мəккессымнида*, *иккессымнида*,
чохкессымнида.

Давнопрошедшее: *поассөссымнида*, *мəгəссөссымнида*,
иссөссөссымнида, *чохассөссымнида*.

Прошедшее-будущее: *погессөссымнида*, *мəккессөссымнида*,
иккессөссымнида, *чохкессөссымнида*.

Будущее-прошедшее: *поаккессымнида*, *мəгəккессымнида*,
иссөккессымнида, *чоаккессымнида*.

Образования на *-мнэда*, *-мнэнда* тоже употребляется во всех временах. Все известные примеры относятся к декларативным формам; соответствующие регрессивные и индекиссивные формы возможны, но употребляются редко.

148. Учтивые регрессивные и индекиссивные формы обычно образуются либо присоединением *ида* к соответствующему образованию от пассивной основы, либо присоединением *ио* (средняя степень учтивости от *ида*) к регрессивной и индекиссивной форме первичного корня-основы, иногда даже к пассивной основе. Таким образом, имеем следующие образования в порядке повышения учтивости:

регрессивные: *поде*, *подвра*, *подыида*, *попте*, *попвра*,
поптыида.

индекиссивные: *поджи*, *поджио*, *поджи ио*, *поджи ида*
(*поджида*), *поп:ио* (*попчи ио*), *попчида*
(*попчи ида*).

149. Таблица степеней учтивости в настоящем времени изъявительного наклонения.

Глаголы действия

Качественные
глаголы

к слугам и маленьким детям:

понда, *мөнъында*

кипта

к пожилым слугам, близким друзьям:

поне, *мөнъне*

кипхе

к равным — фамильярно, небрежно:

поджи, *мөкчи*

кипчи

к равным — более учтиво:

поджио, *мөкчио*

кипчио

к незнакомым, знакомым:

поо, *мөксо* (*мөгью*), *попчио*, *мөгипчио*

кипсо (*кипхью*),
кипхыпчио

к незнакомым — с учтивостью:

<i>поонда, мөксонда</i>	<i>кипсоонда</i>
<i>поопчио, мөксынчио (мөгынчио)</i>	<i>кипсынчио (кипхынчио)</i>

к уважаемым лицам, социально более высоким:

<i>(понда), помнида, мөгымнида,</i>	<i>кипхымнида</i>
<i>поомнида, мөксымнида</i>	<i>кипсымнида</i>

к уважаемым лицам с оттенком определенной уверенности, убежденности:

<i>помнэнда, мөгымнэнда</i>	<i>кипсымнэнда</i>
<i>(мөксымнэнда)</i>	

в письменном стиле:

<i>поннира, мөнъынира</i>	<i>кипхынира</i>
<i>иом, мөгым</i>	<i>кипхым</i>

в официальном стиле:

<i>иом, мөгым</i>	<i>кипхым</i>
<i>подода, меクトода</i>	<i>кинтода</i>

В поэзии или в восклицательных выражениях:

<i>подода, меクトода</i>	<i>кинтода</i>

Следует учесть, что то выражение, которое считается в одной части Кореи достаточно учтивым выражением, может в другой части ее быть дурным провинциализмом. Правила и формы учтивости, принятые в Сеуле, естественно, рассматриваются как норма.

Б. Глагол в вопросительных предложениях

150. Язык имеет три вопросительные частицы: *ка (ко)*, *я (ё)* и *чи* (в Северной Корее *ти*). Они присоединяются к причастию, никаким образом не к формам изъявительного наклонения. Они отмечают в одно и то же время и вопросительный характер предложения и его конец.

Частица *ка (га)* имеет вариант *ко (го)*. Частица *я*, придающая, как кажется, вопросу более фамильярный и дружеский характер, имеет ряд вариантов: *ё, йи, и*. Наряду с этим имеются сложные вопросительные частицы:

кая, каё, кайи, кэ. Третья частица, *чи*, первоначально *ти, ди*, является скорее знаком сомнения, неуверенности, нежели знаком непосредственного вопроса. Этимологически эта *ти*, видимо, является именем существительным, означающим „чечто вроде „факт“.

151. Все причастия любого глагола могут сочетаться с этими вопросительными частицами. Качественный глагол *ида* (связка) имеет два причастия: *ин* (после имени с конечным гласным: *-н*) и *ил* (будущее время) (в севернокорейских диалектах *ир*). В соединении с вопросительными частицами этот качественный глагол имеет следующие формы: *ин га, ин я, ин ё, ин и* в настоящем времени, *илкка, икка* в будущем времени.

152. В речи средней степени учивости в качестве вопросительной формы употребляется *-о* и *-со* — окончания, о которых уже шла речь выше. Эти же формы, как увидим дальше, употребляются и как повелительные.

153. Соответствия между утвердительными¹⁵¹ вопросительными формами глаголов видны из следующей таблицы:

Утвердительные формы	
<i>понда, поне</i> — видит	
<i>поатта</i> — видел	
<i>погетта</i> — увидит	
<i>кипта, кипхе</i> — глубокий	
<i>кипхётта</i> — был глубоким	
<i>поде</i> — видит	
<i>поо, посио</i> — видит	
<i>кипсо</i> — глубокий	

Вопросительные формы	
<i>понынга, понынго</i>	
<i>поныня, понынё, понынӣ,</i>	
<i>понӣ</i>	
<i>поаннынга, поаннынго</i>	
<i>поаннныя, поаннӣ</i>	
<i>погенныня, погеннӣ</i>	
<i>кипхынга, кипхыня, кипхынӣ</i>	
<i>кипхённнынга, кипхённныя</i>	
<i>подө икка, подыкка, подө</i>	
<i>иня, подыня (подөния)</i>	
<i>поо, посио</i>	
<i>кипсо</i>	

<i>поптөра</i> — видит	<i>поптө инга, поптө икка</i>
<i>поаттөра</i> — видел	<i>поаттө инга, поаттынга,</i> <i>поаттыкка</i>
<i>кипхөттөра</i> — был глубо- ким	<i>кипхөттө инга, кипхөт- тө икка, кипхөттыкка</i>
<i>помнида</i> — видит (= <i>помнан-и-ида</i>)	<i>помника</i> (= <i>помнын-и-икка</i>)
<i>помнэнда</i> — видит	<i>помнэкка</i>

154. В беседе вопросы и ответы, естественно, часто формулируются в совершенно противоположном по характеру учтивости стиле. Так, если один спрашивает: „Он из Сеула?“, а другой отвечает: „Он из Сеула“, то этот диалог в разговоре между лицами, занимающими неравное положение в обществе, выглядит так:

Вопрос низшего по положению	Ответ высшего по положению
<i>Сөул сарам имникка?</i>	<i>Сөул сарам ида</i>
Вопрос высшего по положению	Ответ низшего по положению
<i>Сөул сарам иня?</i>	<i>Сөул сарам имнида</i> или <i>Сөул сарам иомнинда</i>

В. Формы воления (волеизъявления)

155. Корейский язык имеет специальные формы, соответствующие повелительному и сослагательному наклонениям наших языков; эти формы трудно классифицировать иначе, нежели поместив их все под указанным выше заголовком, поскольку все они выражают желание или волю говорящего.

156. 1) Повеление. Повелительное наклонение по своему значению представляет решительное приказание, исходящее от высшего по положению к низшему; это значит, что такая форма должна по мере возможности избегаться, если только не имеется в виду действительное повеление, приказание, команда.

а) Повелительное наклонение без окончания. Всего лишь два или три слова употребляются в такой форме при обращении с приказанием к детям: *ири о* (иди сюда!), *шиб-е га* (иди домой!), *йө бо* (эй!; дословно: гляди сюда!), *чү* (дай!).

б) Деепричастие прошедшего времени. Эта форма функционально соответствует немецким оборотам типа *aufgestanden*. Эта форма служит для выражения сильного приказания: *поа* (гляди!), *ва* (иди (сюда)!, приходи!), *хайв* (делай!).

в) Деепричастие прошедшего времени, осложненное утвердительной частицей *-ра*: *поара*, *вара*, *хайвра*, *мөгвра*, *тырвра* и т. д.

г) Деепричастие будущего времени на *-ке*, в сокращенной форме *-кө*, осложненное упомянутым выше *-ра*: *хагвра* (делай!), *кагвра* (иди!), *икквра* (будь!), *чагвра* (спи!).

Наиболее употребительной является третья из перечисленных выше форм.

Повелительное наклонение типа *онара*, *онора* [приходи!, иди (сюда)!] является по способу образования единственным в своем роде.

157. 2) Просьба (прекатив). Прекатив по своей форме тождествен деепричастию будущего времени; так как он не заключает в себе значения приказания, команды, а лишь просьбу, то и употребляется гораздо чаще, чем повелительное наклонение: *ир хаге* (пожалуйста, делайте это), *тон-ыл чуге* (пожалуйста, дайте денег), *мун-ыл йөлге* (пожалуйста, закройте дверь), *каге* (пожалуйста, идите).

158. 3) Предписание (прескриптив). Прескриптив выражает совет, обращенный к собеседнику. Эта форма образуется посредством окончания *-лкке* или, сокращенно, *-кке*. Окончание *-лкке* образовано от причастия будущего времени на *-л*, на которое наращено *иге* — прекатив от глагола *ида*: *мөгылкке*, *мөгыкке* (вам следует поесть; пожалуйста, ешьте), *калкке* (вам следовало бы пойти; пожалуйста, идите), *халкке* (вам следовало бы де-

лать; пожалуйста, делайте). Форма прескриптива употребляется также в том случае, если приказание направлено на первое лицо, то есть как повелительное наклонение первого лица.

159. 4) Желание (оптатив). а) Оптатив всегда содержит идею, выраженную словосочетанием „я хочу, чтобы...“ Субъектом действия может быть любое лицо. Окончанием оптатива является *-се*, которое прежде писалось *-сай*: *мәксе* (я хочу, чтобы вы ели; он может есть; я хочу есть), *касе*, *капсе* (давайте пойдем), *ири хасе*, *ири хасисе* (я хочу, чтобы вы сделали это так). Более учитывая форму образуется от пассива на *-б-*, *-бу-*; *капсе* более учитыво, нежели *касе*, *мәгылсе* — нежели *мәксе*, и т. д. Еще более вежливым и более сдержаным является сочетание описанной выше формы с *ида*: *-се ида*, которое произносится *сйда* (редко *сёда*): *касе ида*, *касйда* (я хочу, чтобы мы пошли), *капсе ида*, *капсйда* (давайте, пожалуйста, пойдем), *хасйда*, *хансйда* (будем это делать; давайте, пожалуйста, делать это), *хасисйда* (давайте это делать вместе, прошу вас).

б) Оптатив будущего времени образуется посредством *-се*, сокращенной формы от *исе*, наращиваемого на причастие будущего времени: *калсе* (он может идти), *мәгылсе* (вы можете есть), *халсе* (я, возможно, сделаю это), *нуга олсера хая* (полагаю, что кто-нибудь может прийти).

Эта форма выражает скорее согласие на действие в будущем, нежели подлинное желание.

в) То же самое *-се* (из *исе*) может присоединяться к глагольному имени на *-м*: *хамсе* (хам *исе* — делание может быть; я, вероятно, сделаю; мне сдается, что вы сделаете; он, возможно, сделает, и т. д.). Как кажется, это образование употребляется иногда в том же смысле, что и индекссив на *-чи*: *каджи* (думаю, что пойду; возможно, пойду; возможно, пойдет), *камсе* — в том же значении или же в значении „вам (нам) лучше было бы пойти“.

160. 5) Предложение (пропозитив). Деепричастие прошедшего времени на *-о*, *-со*, которое рассматривалось выше, среди изъявительных и вопросительных

форм, употребляется обычно так же, как волятивная форма в речи средней степени учтивости, среди равных, а также для того, чтобы придать смягченный характер приказанию. Лучше всего было бы назвать эту форму пропозитивом: *мækсо* (пожалуйста, ешьте), *иссо* (пожалуйста, будьте), *хао* (пожалуйста, делайте). К этой форме может быть присоединено *ио* (от *ида*): *хао ио* (пожалуйста, делайте). Форма *ио* может наращиваться и на индециссив: *хаджи ио* (пожалуйста, делайте), *мækчио* (пожалуйста, ешьте) и т. д.

Для большей учтивости вместо описанной выше формы можно употреблять вторичную основу на *-си-*, или пассивную основу на *-б-*, или обе вместе, дважды или даже трижды: *хао, хасио, хасисио, хасисисио* (пожалуйста, делайте).

Как уже сказано, форма на *-о* этимологически является деепричастием прошедшего времени от основы на *-б-*. *Хао* восходит к **хъва*, *хасио* — к **хъсива*. Такое употребление деепричастия соответствует, стало быть, употреблению деепричастия прошедшего времени в качестве повелительного наклонения.

161. 6) Просьба, мольба (бенедиктив). Некогда существовала вторичная основа на *-съ*; деепричастие прошедшего времени от ее пассивной формы оканчивалось на *-со*. Это *-со* употребляется как окончание глагола со значением просьбы, мольбы: *чусо* (прошу вас, дайте), *хасо* (прошу вас, сделайте), *осо* (прошу вас, приходите), *сэгук чоный-е ссысо* (прошу вас, пишите на бумаге европейского образца).

Присоединение к *-со* эссивной частицы *-с[и]θ*, которая будет рассмотрена ниже, в главе о деепричастиях, и которая, кроме того, рассматривалась уже в главе о падежах, придает речи еще более уничтожительный оттенок: *ососийθ* (молю, приди! да придет — в молитвах), *чусосийθ* (молю, дай! вернее: «даждь нам»), *тыссосийθ* (молю, выслушай!).

162. 7) Призыв, приглашение (когортатив). Когортатив выражает призыв, приглашение к действию.

адресованное либо к самому себе, либо ко всем присутствующим. Окончание, которое выражает это значение, *-ча*: *мəкча* (давайте есть), *каджа* (давайте пойдем), *төнъыл чуджы* (давайте дадим деньги), *холло каджа* (давайте я пойду один), *хамккый каджа* (давайте пойдем вместе), *комбу хаджа* (давайте заниматься), *тытча* (давайте слушать).

Иногда когортатив образуется от пассивной основы, и тогда он имеет значение большей учтивости: *мəгыпчыл* (давайте есть), *капча* (давайте пойдем). Все же это окончание призыва, приглашения не считается очень учтивым.

Предпочитается форма пропозитива (-о, -со) примерно в той же функции, но гораздо более вежливая.

163. 8) Обещание (промиссив). Глагольное имя на *-м* с восклицательной частицей *а* дает очень употребительную форму *-ма*, которая выражает обещание, исходящее со стороны самого говорящего: *мəгымā* (я буду есть это, я обещаю есть это), *чума* (я обещаю дать это), *кама* (я обещаю пойти), *и иръыл хамā* (я обещаю сделать это), *кыл ссыма* (я обещаю написать), *ома хадөни* (>*омадөни*) *ани еассо* (обещал прийти, а не пришел).

Промиссив как форма, относящаяся к первому лицу, может употребляться во всех случаях, без опасения показаться неучтивым.

Иногда *-ма* (сокращение от *тма*) присоединяется к деепричастию будущего времени на *-ке*: *и иръыл погөмма* (или *погөмма* — я обещаю потом посмотреть это).

164. 9) Предупреждение (превентив). Это название может быть дано особым образованиям на *-ллā*, *-ллē*, куда входит какой-то элемент *-а* (я или *на?*), присоединенный к причастию будущего времени на *-л*. Эта форма выражает опасение, что что-либо может случиться, и, таким образом, содержит в себе значение примерно следующего словосочетания: „будьте осторожны (остерегайтесь), чтобы это не случилось“: *нəмə джиллē* (падает! упадет!), *мəгыллē* (он хочет съесть это; пожа-

луйста, предупредите это), *каллā* (не позволяйте ему идти), *тораоллā* (он возвращается, прошу вас, не позволяйте ему возвращаться; боюсь, что он вернется).

165. 10) Желание (дезидератив). Эта форма выражает намерение что-либо сделать; как правило, она сопровождается глаголом *хада* (говорить). Между формой дезидератива и глаголом *хада* часто вставляется частица *ко* (так). Окончание дезидератива *-ллā* или *лā* (с долгой гласной *ä*): *каллā*, *калā*, *карā* (я иду), *чуллā*, *чуллā*, *чурā* (я собираюсь дать, я хочу дать), *поллā*, *поллā*, *порā* (я собираюсь посмотреть), *калла-кко ханда* (он говорит: я пойду=он собирается пойти, он решил пойти), *мөгүрья-кко* (я хочу поесть), *мөгүрья-кко хайөссо* (я собираюсь поесть), *чаря-кко хайөтте* (он собирается спать).

166. Очень часто этого рода конструкция употребляется в оборотах с глаголом *малда* (избегать, не делать); такой оборот означает нерешительность, колебание: *мөгүрякко маллакко хайөттэ* (он прямо не знал, что ему делать: кушать или не кушать; он прямо не знал, как ему быть насчет еды), *каллакко маллакко ханда* (он колеблется, пойти ему или нет). В таких оборотах окончания *-ллакко*, *-рякко* обычно сокращаются до *-лак*, *-ряк*: *каллакко маллакко* или *каллак маллак* (пойти или не пойти). Согласно Ундервуду, *каллак маллак хада* означает „пройти немного и постоять немного“; употребление двойного дезидератива в такой конструкции указывает на отсутствие интереса; здесь, таким образом, дело идет о внезапных переменах в настроении.

167. Частица *ко*, употребляемая после дезидеративной формы глагола, генетически является вариантом указательного местоимения *кы* (тот) и значит „так“, „таким образом“. Здесь, после дезидератива, она усиливается в *-кко*. Если *-ко* не употребляется и глагол *хада*, таким образом, следует непосредственно за дезидеративом, то звук *х-* обычно не артикулируется и образуются конструкции типа *каллāада* > *каллāда* (намереваться идти),

мəгыллāда > *мəгыллāда* (намереваться поесть). Глаголы этого рода, примером которых является словарное *таллāда* (просить, требовать), являются, как разъяснено выше, сокращениями полного типа *таллā хада* (говорить: хочу получить). Аналогичным образом сокращается *хада* после промиссива на *-мā*, сливаясь в одно целое: *чумāда* (обещать дать), *чуллāда* (намереваться дать) и *чурāда* (приказать дать); ср. *онда го ханда* > *онда ханда* > *онданда* (он говорит, что они придут) и т. д.

168. 11) Косвенное повелительное. Повелительное наклонение, о котором шла речь выше, выражает приказание, отдаваемое непосредственно второму лицу. Оно не может употребляться, если приказание относится к третьему лицу (он, она, они). В этих целях язык употребляет образования с окончанием *-ра*, то есть междометием *а* после причастия будущего времени.

Как промиссив и дезидератив, косвенное повелительное наклонение сопровождается *-ко хада* или только *хада*, которое в данном случае имеет значение „говорить“, „сказать“: *мəгырā-кко хайвра* (скажи ему, чтобы он ел), *чуракко хайвётта* (я сказал ему, чтобы он дал). Эта форма должна различаться от прямого повелительного наклонения; например, непосредственное приказание — *мəгвəра* (ешь), но косвенное приказание — *мəгыра-кко хайвра* (скажи ему, чтобы он ел); *иккəра* (будь), но *иссыра-кко хаге* (скажи ему, чтобы он был); *онвəра* (приходи), но *ора-кко хао* (скажите ему, пожалуйста, чтобы он приходил). Если глагол *хада* безударен, то он сливается с окончанием косвенного повелительного наклонения: *мəгырāда* (сказать (приказать), чтобы ел), *орāда* (сказать (приказать), чтобы пришел) и т. д. Сложные глаголы подобного рода могут иметь прошедшее, будущее и прочие времена: *чура хайвётта* > *чурайвётта* (сказал, чтобы дал), *мəгыра хагетта* > *мəгырāгетта* (скажу, чтобы ел), *кы сарам-и ссыранын* (*ссыра ханын*) *гөс-ыл ссыю* (он пишет то, что ему приказывают писать), но *ссыллāнын* *гөс-ыл* (то, что он сам собирается (хочет) написать).

169. Промиссив, дезидератив и косвенное повелительное очень часто употребляются с сокращенным глаголом *хада*. Все три типа форм, быть может, следовало бы включить в состав тех конструкций, которые будут рассматриваться ниже; все же в силу употребления частицы *ко*, которая выделяет предшествующее ей, как прямую речь, эти формы приходится признать особыми вариантами волятивных. Спряжение глагола *хада*, когда он, по сокращению, включается в состав предшествующей формы, является правильным: *калла хао = каллао*, *каряо* (намереваетесь ли вы пойти?), *кама хао = камао* (вы обещаете пойти?), *кара хао = карао* (скажете ли вы ему, чтобы он пошел?), *мэгыллао* (намереваетесь ли вы есть?), *мэгылладе* (он намеревается есть), *чумадора* (он обещает дать), *чумайёттёра* (он обещал дать) и т. д.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

170. Под этим названием мы объединяем все глагольные образования, которые своими окончаниями и значением указывают на то, что предложение не закончено и что основной глагол, завершающий высказывание, следует дальше. В европейских языках два глагола связываются между собою обычно союзами; в корейском же языке, где нет союзов, как и в других алтайских языках, имеются специальные глагольные формообразования, которые служат для связи одного действия с другим, одного признака с другим. Одни из этих деепричастий представляют собой простые формы, состоящие из окончания и глагольной основы; другие составлены из тех же элементов, осложненных служебным глаголом или именем. В соответствии с этим деепричастия можно разделить на два класса: а) простые; б) сложные. Простые в формальном отношении деепричастия немногочисленны; их всего пять (см. ниже: 1, 2, 3, 15, 16).

Нелегко найти подходящий латинский или иной термин для различного рода деепричастий. Основная трудность состоит в том, что постоянно ощущается некоторое отклонение в употреблении той или другой формы от того, что подсказывает ее наименование.

Термины, предложенные здесь, даны нами в виде опыта; мы просим читателя этой книги усвоить прежде всего значение каждой формы, исходя из приводимых каждый раз примеров.

171. 1) Деепричастие настоящего времени (converbum presentis). Окончание этого деепричастия -ко: *мөкко*, *манкхо*, *каго*, в прошедшем времени *хайөкко* (= *хайө икко*). Этим окончанием снабжается первый из двух глаголов в том случае, когда оба глагола находятся в сочинительной связи, то есть, когда они выражают два действия или качества, сопровождающие одно другое, подразумевая под этим либо одновременность, либо равнозначность их с точки зрения говорящего. Например, *со молго катта* (они поехали, погоняя вола), *мул иго онда* (она пришла, неся (ведерко) воду на голове), *чиго кагенне* (мы думаем пойти, неся (это) на спине), *кипко малгын мул* (глубокая и чистая вода), *малкко кипхын мул* (чистая и глубокая вода), *чокко пулгын ккот* (красивый красный цветок), *пулкко чохын ккот* (красный красивый цветок), *ни ого парам пунда* (идет дождь и дует ветер), *парам пулго ни онда* (дует ветер и идет дождь), *на хаго* (я и ...), *нө хаго* (ты и ...), (краткие варианты: *на-го*, *нө-го*). Деепричастие от *ида* обычно имеет вид *ио* (<*иго*).

Во многих случаях при переводе этой формы можно использовать союз „и“; однако между двумя одновременными действиями возможна и противительная связь; в этом случае при переводе приходится выбирать союз „но“.

Если два действия не одновременны, как в приведенных выше примерах, то употребление данного деепричастия имеет в виду отметить одинаковую важность этих действий: *мөкко кагенне* (мы поедим и пойдем). В этом случае часто используется дополнительно окончание -сө: *мөккосө кагенне* (мы поедим и потом пойдем).

172. Присоединение частицы -нын после этого деепричастия отмечает противопоставление двух действий; такая

форма обычно переводится с помощью союза „если“: *нэил Сеул-ло кагонын, йөгө-нын мот огессо* (если вы едете в Сеул, то вы не сможете зайти ко мне; вы едете завтра в Сеул и, таким образом, не сможете зайти ко мне), *улгонын, йөгө иссыл су ёпта* (вы не можете быть [оставаться] здесь, когда вы так плачете), *өсө хаго до нытта* (все равно поздно, если бы я даже торопился), *чал мотхаго до, чал хайётта го хани* (сделано плохо, а говорит, что хорошо).

Что касается времен, то деепричастие это большей частью употребляется в настоящем: *хаго, икко, мёкко* и т. д.; *хайёкко, хагекко* и т. д. возможны, но необходимость в этих формах незначительна.

По присоединении *-на* деепричастие настоящего времени употребляется в восклицательных предложениях без последующего основного глагола: *чокхана* (как хорошо! в самом деле, хорошо!), *мёхагона* (как прекрасно!); ср. *чокхена, иккена* и императивные *карамуна, карамона* (*кара хамуна*) (говорю тебе, иди) с тем же окончанием *-на*.

В деепричастии, функционирующем с частицей *-на* как восклицание, возможны все времена: *чохак-ына* (ах, как было хорошо!).

173. 2) Деепричастие прошедшего времени (*converbum perfecti*). Окончание этого деепричастия *-а, -ө*. Это вторая „исходная“ форма, которая уже рассматривалась как первая часть формы прошедшего времени, где она соединена с глаголом *итта* (быть, существовать). Эту форму можно было бы назвать деепричастием *предшествования*. Она выражает идею предшествования действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом. Эта же форма служит для выражения того, что действие, обозначенное первым глаголом, менее существенно для говорящего, нежели второе действие. *Ка поара* (пойди и посмотри), *ка поа я аллессо* (я смогу узнать это, только сходив и посмотрев), *пулло ил сиг'ера* (позови его и заставь работать), *панъ-е ка мёгёра* (иди в комнату и поешь), *пл'онджи-рылссөнэйёра* (напиши письмо и пошли).

174. Чтобы подчеркнуть различие во времени, употребляется частица *-сө*; чтобы подчеркнуть противопоставление двух действий, употребляется частица *-нын*. Таким образом, между *мəгə*, *мəгес'ө* (*мəгесө*), *мəгəнын*, *мəгес'өнын* имеется различие в оттенках. Присоединение частицы *то* (*до*) придает предложению подчеркнуто уступительное значение: *мəгə до ани чхатта* (ел, а не насытился), *мəвəс'ө до мəккессо* (я все же съем, хотя это и горько), *цр хагинын хайв до, чал мот хандა* (работать-то он работает, но плохо), *амори поассө до молласо* (сколько ни глядел, не понял), *чосим хайессө до чал мот тойвессо* (хотя я сделал все от меня зависящее, но ничего хорошего не получилось), *мар хагессө до, мот хайётта* (должен был сказать, но не сделал этого).

175. Очень часто после этого деепричастия употребляется частица *я* (только; этимологически *-а*, *-ха* < * *ca*); в этом случае ее удобнее всего переводить посредством „должно“: *поа-я алгенне* (я должен посмотреть это, чтобы знать; дословно: только посмотрев, я буду знать это), *кочхə-я тёгессо* (или *кочхəсө-я тёгессо*) (только по исправлении будет как надо — это следует исправить).

176. Уже с очень давних пор деепричастие прошедшего времени употреблялось также самостоятельно, без последующего глагола; в этом случае оно функционировало 1) как настоящее время: *мəгə*, *мəгə ё* (ест), *хая* (или *хайв*, или *хэ*), *хэ ё* (делает, говорит); 2) как повелительное наклонение; 3) как сказуемое незаконченного предложения.

Такое эллиптическое употребление деепричастия оказывается иногда необходимым для того, чтобы избежать форм законченной предикации, которые выражают различия в общественном положении лиц.

Деепричастие от пассивной основы, которая сама по себе более безлична и потому более утивива, дало ныне употребительную среднюю форму утивости *-о*, сев.-кор. *-о*, *-у* (из *-äva* > *-о*, а ранее из *-ывв* > *-у*).

В силу частого употребления рассматриваемое деепричастие получило наименование у Ундервуда „глаголь-

ного причастия“, у Экардта „глагольной формы“ (=основы), — термины, не отражающие реального значения формы. Она легче всего отождествима с формой *-a*, *-e* турецких языков, называемой там герундием.

177. Глагол *хада* после деепричастия прошедшего времени качественных глаголов образует конструкцию со значением „считать, что это есть то-то“; *чотха* (хороший), но *чоха хада* (любить, одобрять); *мусөнта* (страшный), но *мусөвө хада* (бояться); *пангата* (милый, очаровательный), но *пангава хада* (находить это милым, очаровательным). Такое употребление глагола *хада* делает качественный глагол в некотором смысле переходным: *кы сарам-и сөро чоха хао* (они любят друг друга), *нар-и төвөсө комбу-рыл мот хагессо* (так жарко, что мы не можем заниматься); *ср² однако, нар-и төвө хайөсө комбу-рыл мот хагессо* (мне жарко, и потому мы не будем заниматься).

178. Некоторые глаголы в настоящее время употребляются только в этой форме: *ирө нада* (встать, подняться; дословно: встав, выйти), *ирө ода* (встав, прийти); глагол *илада* || *ирө* || *ин* (вставать) ныне не употребляется самостоятельно. Деепричастиями же являются наречия *ирө* (так), *чөрө* (так), *kyрө* (так), *аморө* (как, каким образом), которые употребляются только в сочетании с глаголом *хада*: *ирө хада*, *чөрө хада*, *kyрө хада* или сокращенно: *ирөтха*, *чөрөтха*, *kyрөтха* (такой).

179. 3) Деепричастие будущего времени (*converbum futuri*). Окончание этого деепричастия *-ке*: *мөкке*, *оге*, *чокхе*. Оно рассматривалось нами как первичная форма глагола при образовании будущего изъявительного наклонения в сочетании с глаголом *итта* (быть). Это деепричастие может быть также названо деепричастием последования. Оно выражает идею последования (во времени или в мысли говорящего) действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом: *парам-и оге мун-ыл йөрөтта* (я открыл дверь, чтобы шел ветер), *осыл нике мандырө чусио*

(пожалуйста, сделайте платье так, чтобы оно было впору), *иэ-га паб-ыл мёкке иссо* (я здесь, чтобы есть кашу), *циб-ыл нопке ханда* (он строит дом, чтобы тот был высоким = он строит дом высоким), *кырø-кхе хаджа* (давайте сделаем так), *кэ-рыл чукке ханда* (он делает с собакой так, чтобы она умерла = он убивает собаку), *паб-ын мёкке иссо* (каша (пища) есть налицо, чтобы ее есть = пища готова (для еды)).

Все глаголы могут иметь перифрастический, описательный фактитив или транзитив путем использования этого деепричастия с последующим *хада*: *чуккэ хада* (убить), *мёкке хада* (заставлять есть, кормить), *мар хаге хада* (заставлять говорить), *мандылгэ хада* (заставить сделать), *нопке хада* (сделать что-либо высоким), *чокхе хада* (сделать что-либо хорошим, улучшить), *пулкке хада* (сделать красивым), *мусёнкэ хада* (путать, страшить) и т. д. Это, очевидно, наипростейший для корейцев путь образования фактитива и транзитива; поэтому многие из старых транзитивных образований ныне, видимо, выходят из употребления.

180. Подобно деепричастию прошедшего времени деепричастие будущего может употребляться в конце предложения; и здесь опущение конечного глагола законченной предикации делает предложение более учивым. Поэтому эта форма указана также в числе волитивных, где она названа прекативом. Иногда после окончания *-ке* употребляется частица *-на*: *чал иккена* (вы будете вести себя хорошо). Это же самое *-на* встречается после деепричастия настоящего времени на *-ко*: *чал иккона* (как это хорошо! — восклицание), *чокхона* (это, право, хорошо!), *чокхена* (все будет хорошо!).

181. Деепричастие будущего времени от глагола *ида* (быть) — *иге*, которое встречается в сочетании с причастием будущего времени на *-л*: *калкке* (я пойду), *мёгылкке*, *мёгыкке* (вам следует поесть), рассматривалось выше как форма прескриптива. Обычно она употребляется в обращении ко второму лицу: *жёгыкке*

(пожалуйста, ешьте; этимологически: пожалуйста, будьте тем, кто ест).

182. В литературе после этого деепричастия встречаем слово *сири*. Это *сири* представляет собой сокращение **исир-и*, которое состоит из причастия будущего времени *исир* от глагола **исида* (быть; современное произношение *итта*) и частицы *-и*: *ири хаге сири ватта* (он пришел, чтобы работать), *иоге сири каттэра* (он пришел, чтобы посмотреть). Употребление *сири*, как кажется, подчеркивает семантику будущего времени. Происхождение окончания *-и* в *сири* будет объяснено позже, в разделе, посвященном деепричастию предпосылки.

183. 4) Деепричастие цели (*converbum destinationis*). Окончание этого деепричастия — *-ря*, *-р'ө*, *ро*, которое в обыденной речи произносится как *-ра*, *-рө*, а во многих диалектах *-ро*. Это окончание представляет собой сочетание причастия будущего времени на *-л(-р)* и деепричастия прошедшего времени *иө*, *ийө* от глагола *ида* (быть): *кар'ө* (чтобы идти) (*карө*, *каро* — сокращения первоначального *кар-ийө*), *мөгүрийө*, *мөгүр'ө*, *мөгүре*, *мөгүро* (чтобы есть), *нап мөгүро* (или *мөгүро*) *ватта* (пришел, чтобы поесть), *муөс-ыл хар'ө онын я* (зачем он пришел?), *тоныл падыря каттэ* (он пошел, чтобы получить деньги), *ттөнар'ө хайётта* (он сделал (все), чтобы отправиться, он готов отправиться), *ттөнар'ө хайёттени пи-га еасө мот ттөнассо* (я собирался (намеревался) отправиться, но пошел дождь, и я не поехал).

Данная деепричастная форма большей частью встречается при глаголах движения (идти, приходить, покинуть, отправляться и т. д.), обозначая цель движения. Также часто она употребляется и с последующим глаголом *ида*, коренной гласный которого *и* в этом случае теряется: *ттөнар'ө ини* > *ттөнар'өни* (так как он намеревается отправиться), *чар'өни* (так как он намеревается (собирается) спать), *чар'өде* (он собирался спать), *choхыр'өн гөт* (это было бы хорошо), *п'өнб-и сокхи наассым'өн чохыр'өн гөл* (было бы хорошо, если бы мое здоровье пошло скорее на поправку),

чхэксанъ чхаджыро кал ттэ-е тон-ыл каджиго камсе (или *кагенне*) (когда мы пойдем брать стол, мы возьмем (принесем) с собою деньги).

184. 5) Деепричастие предпосылки (*converbum premissi*). Окончание этого деепричастия *-ни* образовано присоединением к причастным формам (*-нын*, *-н*, *-л*) элемента *-и*, первоначально неопределенного местоимения со значением „нечто“ (вопросительно „что?“). В литературном языке употребляются *ханыни*, *хани* и *хари*. Из этих трех форм причастие прошедшего времени *-н* с элементом *-и*, то есть *-ни*, в современном языке является наиболее употребительной формой соединения двух действий там, где между ними имеется какая-либо логическая связь; там, где первое действие является посылкой, второе — следствием. Эта связь может быть причиной, временной или какой-либо иной. При переводе допускается использование различного рода союзов; последние, впрочем, могут быть с успехом опущены. Сравнительно с деепричастием прошедшего времени деепричастие предпосылки связывает глаголы и предложения более свободным образом. Например: *онал нар-и чохыни, сопхунъ харяна кагессо* (сегодня чудесная погода; пойдем прогуляться); *мог-и марыни, нэнъсу-рыл мёккессо* (во рту пересохло; я выпил бы холодной воды); *ури чиб-е сонним-и вассыни, ир хаги ёр'ёнсо* (так как у нас в доме гости, то работать трудно); *сонним-и огессыни, нагаджи мот хао* (я не могу уйти, так как придут гости); *нэил комбу хагессыни, илджиги осио* (завтра мы будем заниматься; приходите рано).

185. Глагол *ида* имеет в этой форме вид *ини*, а с потерей гласного основы после предшествующего гласного — *ни*: *со-ни, хим-иссо* (это бык, он сильный; так как это бык, то он силен); *свур-ыл онал кагеттени, пи-га вассо* (или *оны*, или *вассыни*) *мот кассо* (я должен был сегодня ехать в Сеул, но пошел дождь, и я не поехал); *чиб-ыл чал чиёттени, хваджэ-рыл маннассо* (он построил хороший дом, но тот сгорел; дословно: случился пожар); *комбу чал хадени, юм'ёнъ хан сёмби-га тойёссо* (он

упорно занимался и стал известным ученым); *хадөни* (так как он делал), *хайөссыни*, *хайөттөни* (так как он сделал); *комбу ханда го хадөни, чханънан хайөккона* (сказал, что занимался, а на самом деле шалил).

Вместо *идөни* после гласного, само собою разумеется, должно быть *дөни*: *со-дөни, хим-итти* (так как это был бык, то он был силен).

186. Для подчеркивания причинного отношения между глаголами, помимо рассмотренного выше деепричастия, употребляется более длинная форма его — *-никка*, где окончание *-ни* соединено с **кка* (первоначально имя со значением „случай“). Еще более полным является окончание *-никкандөрө, -никкандөрө*, состоящее из *-никка*, причастия *-н* (из *-ин*) и *дөрө* от *төрө, төр'ө, тар'ө* „к“: *нар-и тоуникка* (или *тоуниккани, тоуниккандөрө*), *пакке каджи мот хао* (так как сегодня жарко, то мы не можем (никуда) пойти); *ттарөджисниккандөрө кыййөджессо* (упало и потому разбилось); *мур-и кипхыникка мот көннө кагессо* (не сможем перейти, так как вода глубока); *кви-никка, тыннын чикпун-ио* (раз это ухо, то оно должно слышать); *кым-никка кен хада* (это ценная вещь, так как это золото); *ома кко хайөттөникка кыдар'ессо* (я его ждал, так как он обещал прийти); *нэ чугыр'өни, м'өнъый-рыл мянна сарассо* (я был почти при смерти, но, напав на знаменитого врача, ожил) (вместо *мянна* можно сказать *мяннасыникка* или *мяннаниккани, мяннаниккан-дорө* — с явно выраженным причинным отношением).

187. Присоединение *ини* к деепричастию будущего времени *-ке* дает сложное окончание *-кени*; значение будущего времени для современного языка едва уловимо. Эта форма будет рассмотрена в п. 190—191.

188. 6) Деепричастие допущения (*converbium admissi*). Окончание этого деепричастия *-на* является, повидимому, соединением причастия прошедшего времени *-н* с каким-то междометием *ā* (ср. образование промиссива, п. 163). Эта форма служит для выражения некоторой беззаботности, являясь, таким образом, разновидностью

уступительного наклонения: *чүгынā сāнā кагессо* (кончится это плохо (<смертью) или нет, я все равно пойду); *мур-и кипхына кённө кагессо* (пусть вода глубока, мы все равно перейдем [должны перейти]); *choхына, капс-и мансо* (возможно, что это хорошая вещь, но цена ее высока); *чана мана маым дэро хао* (будете вы спать или нет, мне все равно, поступайте как вам угодно); *со-на мар-ина кеанъге хаджи ансо* (корова это или лошадь, это не составляет разницы); *онал нар-и чохына на ани кагессо* (как бы ни был хороши сегодня день, я не пойду); *пэ-га копхыни паб-ина коги-на амо гөс-ина чусио* (я голоден; пожалуйста, дайте мне (все что угодно), будь это рис, или мясо, или еще что).

От глагола *ида* соответствующая форма будет *инā* или, после гласного, *на*. Это *на* || *инā* может во многих случаях переводиться через „и“, „также“: *и э на кагессо* (я также пойду); *паб-ина, коги-на, амо гөс-ыл мөкке чусио* (дайте мне поесть чего-нибудь: риса, мяса или еще чего); *натчам-ина полкка* (не попробовать ли мне соснуть днем?!); *чха-на часио* (выпейте хотя бы чаю).

Часто эта форма заключает в себе значение нерешительности, колебания и встречается в выражениях, относящихся к времени или количеству, соответствующим идеям, выраженной словом „примерно“: *өндже огессо* (когда он придет?), *өндже-на огессо* (когда он примерно придет?), *хан-на туур-ина* (примерно один или два?); *өлманā* (примерно сколько?).

189. Очень часто приходится слышать вместо *-нā* более длинное окончание *-нämä*. Оно, повидимому, является соединением *амä* „возможно“ с окончанием *-на*. Такое окончание подчеркивает противоположность двух действий. Одновременно в окончании содержится значение, передаваемое русским оборотом „это не имеет значения“: *анä мал ани хагессо* (он знает, но не говорит); *анämä мал ани хагессо* (он, возможно, знает, но [это не имеет значения, ибо он] не скажет); *choхынämä капс-и мансо* (возможно, что это хорошая вещь, [но это не имеет значения, все равно] цена ее высока).

Желая подчеркнуть противоположность двух мыслей, выраженных глаголами, предпочитают, как кажется, все же деепричастие на *-а* || *-ө* с *то: чохадо капс-и мансо* (весь-то хорошая, но цена высока).

190. Деепричастие допущения и деепричастие предпосылки в будущем времени. Формы *ини* и *инә* после деепричастия будущего времени на *-ке* дали окончания *-көни* и *-кена*, которые, как кажется, употребляются одно вместо другого, без какого бы то ни было отличия в значении: *салғона чүккөна индже кагессо* (буду жив я или нет (все равно), я сейчас иду); *кхыгөна чөккөна са өө* (большое это или маленькое, все равно, пойди и купи); *кы сарам-и ир хагөна тамбэ-рыл мөнъынгона* (казалось бы, что он должен работать, а он все курит); *ир хагөна нолгөна тамбэ-рыл мөнъында* (из за работой и во время отдыха он курит || работает он или отдыхает, все равно, в любое время он курит).

Как видно из приведенных примеров, форма *-көна* употребляется большей частью в альтернативных конструкциях. То же относится и к окончанию *-көни*. *Ирөкхөни чөрөкхөни* (= *ирө хагөни чөрө хагөни*) *не-ге саньгван-и мүөс-ин я* (а тебе-то какое дело до того, делаю я это так или иначе?); *мөккөни күмгөни* (*кулмгөни*) *сэнъзак тэро хао* (ешьте или умирайте с голода, это как вам угодно); *нам-и-я ир-ыл хагөни малгөни* (или *хагөна малгөна*) *чане-нын пуджырөнхи хал ккөс-по* (он может работать, может не работать, это касается только его; ты же должен быть прилежным).

Обе формы могут употребляться также вне альтернативных конструкций; при этом форма *-көни* часто используется в конце незаконченного предложения: *кы ир-и чхам кырө хагөни* (это на самом деле так [и все же...]).

191. Та же самая форма *-көни* встречается с последованием *ва* (*ква* или *ва* в значении „с“, „вместе с“); придаточное в этом случае выражает положение уступительного характера; главное содержит критическое замечание или возражение на содержание, высказанное в придаточ-

ном: *нох'өнъ-ын* *кыри хагөни ва, на-нын* *кыри ани хагессо* (вы можете делать это так, но я-то не сделаю этого); *и сэнъсөн-ыл* *мөккөни ва ирхым-ын* *моллассо* (ем эту рыбу, а как ее название, не знаю); *чхонъ-ын* *нохаккөни ва норо-нын* *мот чабассо* (выстрелил, но оленя не убил; дословно: не поймал); *мөкки-нын* *чокхөни ва нэамсэ-нын* *хюнъ хао* (есть вкусно, но запах неприятный); *и бөн-ын* *ёнъсө хагөни ва таси-нын* *ёнъсө хаджи ани хагессо* (на этот раз я вас прощаю, но больше не прощу).

192. 7) Деепричастие противоположения (converbum contrapositi). В корейском языке имеется деепричастное образование с окончанием *-көныл*, которое, видимо, формально и функционально является винительным падежом (*-ыл*) от причастия *ин*, присоединенного к деепричастию будущего времени, как и в окончаниях *-көни*, *-кёна*, разъясненных выше. В современном языке причастия употребляются только атрибутивно и, таким образом, не склоняются; однако в старой литературе находим такие формы, как *хананыро*, твор. п. от *ханан*; *ханыл*, вин. п. от *хан*, и некоторые другие формы склонения причастия. Винительный падеж еще и теперь иногда употребляют в функции accusativus absolutus, чтобы подчеркнуть противоположение тому, что будет сказано дальше. Винительный *иныл* (*ин-ыл*), как кажется, встречается также после деепричастия прошедшего времени (*хайөныл*, *иөныл*), но примеры подобного рода принадлежат старому литературному языку, и только *хаге-иныл* в качестве пережитка сохранился и в современном языке. Надо при этом заметить, что главное предложение в этом случае содержит либо отрицание, либо вопрос с оттенком изумления: *чхинъгу-га чуккеттэ го хагөныл, өтчи ани кал су-га иссыр-ио* (как я смею не идти, после того как (если, когда) мне сказали, что мой друг умирает); *кы сарим-и мусын ир хагөныл, нэ-га нэги хаджи мот хайөссо* (когда он делал какое-нибудь дело, я не мог разговаривать с ним); *илккөныл, өтчи ттыс-ыл морыр-ио* (если он может читать, как же он не понимает смысла (прочитанного)?!); *чхэг-ыл киджө кагөныл, мусын кванъгег-*

га иссо (что бы это значило, что он унес книгу?); *кквэга мүгөткөныл, вэ мот каджё као* (неужели яицк так тяжел, что вы не можете унести его?).

193. 8) Деепричастие в незалпной перемены (*converbum mutationis*). Окончание этого деепричастия *-тага* состоит из частицы *га* и декларативной формы *-та*. Окончание содержит указание на перерыв или перемену действия; но оно же может указывать на внезапную перемену мысли во время разговора о чем-либо. Частица *га* может быть опущена; но в этом случае контекст становится несколько неясным. Согласно Уйдервуду, *-тага* означает „в то время, когда“; однако, несмотря на это, в окончании явно противопоставление двух глаголов: *чадага иро натта* (заснул было, но встал), *одага катта* (пришел было, но (тут же) ушел; шел было сюда, но повернул назад); *ахэ ўдага ккиөджётта* (ребенок было плакал, но, наконец, заснул); *кадага поатта* (я шел и (неожиданно) увидел); *чугыр'ө хадага саранаатта* (умирал было, но все же ожил); *чабаттага чыкси нбатта* (поймал было, но тут же отпустил); *нёму сарамыл согидага чэ-га соксо* (обманывал других — и вот сам обманут).

К этому же *-тага* восходит *тага* в наречии *иттага* (скоро, скоро): *иттага камнида* (скоро пойду).

Следует заметить, что *идага* от глагола *ида* (быть—связка) сокращается в *-дага*, точно так же как упомянутые в свое время окончания *ини*, *ина*, *иге* и др. сокращались в *-на*, *-ни*, *-ге* и т. д. Это *-дага* встречаем после многих деепричастий другого рода; например: *поадага* (увидел, но ...); *пор'өдага* (собирался было увидеть, но ...); *Чосён карядага* (< *карядага*) *ани кассо* (собирался было поехать в Корею, но не поехал); *Илбон-е сарадага* и *п'өнъ-ыл өдэссо* (схватил эту болезнь в Японии; словно: жил в Японии и вот — схватил эту болезнь); *пхум пхарадага санды* (живу случайным заработком; словно: нанимаюсь на поденную работу и вот — этим живу); *оныл конъса-рыл порядага мот поассо* (хотел было повидать сегодня посланника, но так и не смог этого сделать).

194. Как было сказано выше, конечный слог *га* в окончании *-тага* может быть опущен: *тон-ыл чхаджыр'ө катта вассо* (ходил искать деньги). Конечный слог опускается там, где два глагола связаны между собой как выразители альтернативных действий. В этом случае очень часто глагол оформлен прошедшним временем: *ода када хайётта* (он то уходил, то приходил); *ватта катта хада* (то уходить, то приходить); *оллатта нар'отта хада* (то подниматься, то опускаться); *удага ут-тага катта* (ушли, то плача, то смеясь); *урёттага усёттага* (или *урёттага усёттага*) *катта* (они ушли и плача и смеясь).

195. Среди слов, в составе которых обнаруживается то же *та(га)*, помимо вышеуказанного *итта(га)* (скоро, вскоре, спустя некоторое время), надо отметить еще очень употребительное *пода* от глагола *пода* (смотреть, видеть), которое употребляется для передачи сравнительной степени, соответствующая нашему „чем“: *чосён пода* (или *пода-нын*) *илбон-ын ли-га чаджо онда* (в Японии дожди идут чаще, чем в Корее; дословно: глядя на Корею ...); *носэ-га мал пода сео* (мул сильнее, чем лошадь). Вместо *пода* в сравнении может употребляться *пого*.

196. 9) Деепричастие цитации (*converbium citationis*). Окончание этого деепричастия — *-та-и*, ныне *-тэ*. Оно употребляется перед прямой речью; этимологически представляет собой соединение декларативной формы *-та* с древним *casus instructivus -и* (см. п. 99). Не совсем ясно, в какой мере оно употребляется в повседневной речи, но в книгах и эпистолярном языке оно вполне обычно: *шиб-е иссөсө сэнъгак хадэ „ачхым ол ттэ-е мурьци ида“ хайёттэра* (он сидел у себя дома и думал: „спрошу его завтра, когда он придет“); *нэ ахэ-рыл муттэ не Ѹдэ санын я хайётта* (я спросил ребенка: „где ты живешь?“); *сөнъг'өнъ-е иллюссидэ* (в библии сказано ...); *паксө карадэ* или *карасядэ* (учитель сказал ...).

Окончание *-тэ*, являющееся знаком начала прямой речи, соотносительно с глаголом *хада* (говорить) или *ко хада* (так говорить), который обязательно завершает

прямую речь. Этих двух элементов вполне достаточно, чтобы выделить предложение как прямую речь.

197. 10) Деепричастие уступительное (converbum respectus). Окончание этого деепричастия — *-тои* (произносится *-тö* или *-те*). В древних памятниках окончанием этого деепричастия было *-отои* или *-утуи*; объяснить его этимологию очень трудно; возможно, что гласный *о* (или *у*) перед *тои* является каким-то древним суффиксом, а не частью основы. Значение формы: „принимая в соображение то-то и то-то, все же надо сказать, что ...“: *мусик хадö чохын сарам ида* (это прекрасный человек, хотя он и необразован); *кхи-нын кхыде пар-ын чөксо* (ростом он высок, а ноги маленькие); *кояньи-нын манхыдö чви-нын ани чапта* (кошек много, а мышцей они не ловят); *пи-га оллынджи морыдö* (или *молла^{аддо}*, или *морына*) *нага я хагессо* (может быть, дождь и пойдет, но я все равно должен ехать); *чугын ху-е яг-ыл каджө вассыдö мует хагеннын я* (какая польза от того, что принесли лекарство, после того как человек умер?!).

Во многих случаях смысл этого деепричастия оказывается тождественным значению деепричастия⁴ допущения и деепричастия прошедшего времени, когда оно оформлено частицей *до*. Все же между формами *она*, *ва до*, *одö*, *оджи манын*, *огоманын*, *онама*, *вассö до*, *онджира до*, *олчира до* (хотя он придет), несмотря на общее значение, есть различие в оттенках. Так, форма на *-тö* и *-те* отчетливо указывает на наличие точки зрения (принимая во внимание то-то и то-то) и, таким образом, до некоторой степени является формой сравнения.

198. 11) Деепричастие результата (converbum efficiendi). Окончание этого деепричастия *-торок* объясняется как творительный падеж (*-ро*) от декларативной формы *-та* (возможно, что и от регрессивной *-тö*, *-тä?*); к этому сочетанию прибавлена частица *ок*(ук): *тä-ро-ок*. В результате ассимиляции и сокращения *тä-ро-ок* дало *-торбк*. Значение формы: „(делать что-либо) до тех пор, пока то-то и то-то не будет достигнуто“ или „(делать) так, чтобы оказалось то-то и то-то“: *чхадорок*

мəкта (есть, пока не насытишься); *адорок* (или *алдорок*) *комбу хайттера* (до тех пор занимались, пока не усвоили это); *комбу рыл чал хадорок квонхао* (пожалуйста, убедите его, чтобы он хорошо занимался; пожалуйста, уговорите его хорошо заниматься); *ос-ыл ишторок ман-дыра чусио* (сделайте платье так, чтобы оно было мне впору); *кы ир-и чал тəдорок хим ссəра* (старайтесь так, чтобы это дело кончилось успешно); *хэ чидорок ани онда* (они не возвращаются до тех пор, пока не заходит солнце); *өйтторок чхаджа* (инните до тех пор, пока не найдете).

В том же значении может употребляться *-торо* (без *ок*): *турыдайро хэра* (вели его позвать).

199. 12) Деепричастие одновременности (converbium dumtemporale). Окончание этого деепричастия *-м'ө* образовано присоединением к глагольному имени на *-и* деепричастия прошедшего времени от глагола *ида*. Здесь, как и в следующем ниже деепричастии, основы глагола на *-л-* теряют соединительный гласный. Связующие гласные (восходящие к *ä*, *ы*) лабиализовались, дав *о* и *ө*. Значение деепричастия: „тем временем“, „пока“, „в то время, как“; оно указывает на то, что действие, выраженное деепричастной формой, длится в течение того времени, которое необходимо для действия, выраженного следующим, главным глаголом. Обычно это деепричастие употребляется только в настоящем времени; однако иногда встречаем и прошедшее время.

Паб-ыл мəгым'ө симмун понда (я читаю газету за едой; пока ем, читаю газету); *на-нын чам'ө* (или *чам'өнсө*) *конан пəрунд-и иссо* (у меня привычка храпеть, пока я сплю); *чанънан хам'ө комбу-рыл өйтөкхе хао* (как вы можете в одно и то же время заниматься и развлекаться?); *кил кам'ө иэги мот хао* (разве мы не можем рассказывать что-нибудь, пока идем?); *мулғон-ыл манхи пхалм'ө до* (или *пхалм'өнсө до*) *тон-и өппа хао* (покупает столько вещей и, вместе с тем, говорит, что у него нет денег!); *өндже кассым'ө өндже ваннын ё* (когда вы уходили и когда вы пришли?).

Вместо *-м'ө* можно употребить *-м'өнсө* без заметного различия в значении. Частица *-сө* присоединяется в этом случае к *-м'өн*, о котором речь будет ниже (см. п. 200).

Им'ө — деепричастие одновременности от глагола *ида* — теряет гласный основы, присоединяясь к глаголам с коченным гласным: *Ким сөбанъ икком'ө ёпта го хайвессо* (господин Ким был там, а они сказали, что его нет).

200. 13) Деепричастие условное (*converbium conditionale*). Окончание этого деепричастия *-м'өн* восходит к *-м'ө* (см. выше п. 199) + аффикс *-нын*, обычно сокращаемый до *-н*, но иногда встречающийся и в полной форме. В севернокорейских диалектах это окончание в ряде мест произносится *-м'өнъ*, *-мян* или *мянъ*. Деепричастие имеет условное и временное значения, употребляется во всех временах.

Пи-га ом'өн мот кагессо (если пойдет дождь, то я, пожалуй, не смогу пойти); *каря кко хам'өн касио* (если вы собираетесь идти, идите); *морынын мар-ыл алла хам'өн окп'өнне чаджа пом'өн свипке алгессо* (если хочешь узнать незнакомое слово, то легче всего сделать это, заглянув в словарь); *ки ир-и чал тём'өнын чал салге тогессо* (если это дело удастся, то жить будет лучше); *п'өчх-е нэйө нёхым'өн кот марыгессо* (если вы положите это на солнце, оно немедленно высохнет); *пом-и тём'өн ккочх-и пхио* (когда наступает весна, расцветают цветы).

201. *Им'өн* — это условное деепричастие от глагола *ида*; после основы на гласный вместо *им'өн* употребляют *-м'өн*, которое не следует смешивать с подлинным и первичным окончанием деепричастия *-м'өн*: *төүн тарам-им'өн пи-га огессо* (если ветер теплый, то, видимо, пойдет дождь); *каджө ваттөм'өн чоссо* (хорошо, если бы он принес это); *со-м'өн ссыгессо* (если это вол, то хорошо); *и сэнъсэнъ-им'өн алгетчи* (этот-то учитель, должно быть, знает; дословно: если этот учитель, то он, должно быть, знает); *нэ сэнъгаг-е-нын панси-м'өн кал чул арассо* (я думал, что (этот путь) я смогу пройти за полчаса).

202. 14) Деепричастие гипотетическое (*converbum hypotheticum*). Рассмотренное выше деепричастие выражает условие так, как если бы оно существовало реально, как если бы оно было налицо. В противоположность этому, гипотетическое деепричастие выражает предполагаемое или возможное условие, не решая вопроса о его реальности. Окончанием такого деепричастия является *-көдөн*, *-көдүн*, которое состоит из деепричастия будущего времени + регрессивная форма *идө* + *нын*. Значение: „если бы это было так-то и так-то“: *ни-га оғөдүн мун-ыл тадара* (если (в мое отсутствие) случится дождь, закрой дверь); *не х'өнб-и оғөдүн нэ-ге алгे хайәра* (если придет ваш старший брат, дайте мне знать); *и/л вөн-ә пхаджи ани хагөдүн тө чуәра* (если он не продаст это за один вон, дай ему больше [прибавь ему]); *силхөдүн коман туцио* (если вам это не нравится, оставьте); *ни-га кәгөдүн чоссо* (или *чокхессо*) (было бы хорошо, если бы дождь перестал); *ну-га оғөдүн чом кыдар'ө иссыра го хайәра* (если кто-нибудь придет, скажи ему, чтобы он подождал немного); *тә свийәккөдүн комбу сиджак хасио* (поскольку вы порядком отдохнули, приступайте к занятиям); *кырәм'өн* (или *кырә хам'өн*) (если это так), но *кырәкхөдүн* (если бы это было так); *кырәхонын* (или *кырә хагонын*) (так как это действительно так); *кхын кир-е иккөдүн кот чхаджыл су иккессо* (если бы это было на большой дороге (но это не так), то мы бы сразу нашли это); *со-м'өн чотхага нагви иөдүн* (или *иғәдүн*) *мот ссыгетта* (если это вол, то все хорошо, но если бы это была обезьяна, то это никуда бы не годилось); *пх'өчх-е нэйө ноаккөдүн кот маллаккессо* (если бы вы положили это на солнце, то оно немедленно бы высохло).

203. Это деепричастие очень часто встречается без последующего главного глагола; в этом случае оно выражает заинтересованность в том, чтобы „то-то и то-то было бы таким-то и таким-то“: *чокхөдүн* (если бы это было так хорошо). Иногда за этим кроется дополнительное значение: „вот тогда все было бы в порядке“: *ни-га оғөдүн* (о, если бы пошел дождь!). В употреблении

подобного рода восклицательных выражений как сказуемых незаконченного предложения корейский язык совпадает со многими другими.

Следует также отметить окончание *-к'өдөм'өн*, которое представляет собой сложение двух окончаний: *ни-га огөдөм'өн уран-е-нын ппаллэ-га та к'өлдан хагессо* (если случится дождь, то все белье (стиранное) на дворе попортится).

От глагола *ида* гипотетическое деепричастие образуется неправильно: вместо *игөдын* или *игөдөн* говорят обычно *иёдын* или даже *идён*. В древних литературных памятниках часто находим *-дөнын*, сокращенную форму от *идёнын*, присоединяемую к деепричастию прошедшего времени основного глагола; ныне эта форма употребляется в виде исключения.

204. В условных и гипотетических предложениях могут употребляться так называемые „вступительные“ слова, которые указывают на начало уступительного или гипотетического предложения. Таковыми являются: *хок* (возможно); *манил* (если); *нирок* (хотя, если даже, если бы даже).

Эти слова могут употребляться и в уступительных предложениях.

205. 15) Деепричастие мгновенности (*converbum momentaneum*). Признаком этого деепричастия является окончание *-ча*. Возможно, что оно тождественно имени результата (признак *-са*) в монгольском и имени совершенному в тунгусских диалектах (признак *-са*, ср. турецк. *-ş*).

Это деепричастие указывает на то, что последующее главное действие следует немедленно за первым действием: *нэ-га каджа ахэдыр-и тарагатта* (я вышел, и немедленно за мной выбежали дети); *яг-ыл мёкча тхо хайессо* (не успел я принять лекарство, как меня вырвало); *паб-ыл мёгётча сарам-и ватта* (как раз в тот момент, как я поел, пришел он); *нэ-га чёнъёчанъ-е тадатча кычха-га ттённатта* (поезд отошел как раз в тот самый момент, как я пришел на станцию); *кы сарам-и*

тырөоджса нэ-га нагатта (он вошел в тот самый момент, как я выходил); *ни-га оджа маджса кынчхөтта* (немного покапало и вдруг перестало); *нупча чам-ын тырөтта* (не успел я лечь, как заснул).

206. 16) Деепричастие отрицания (converbis negationis). Это название мы присваиваем тому самому глагольному имени на -чи (сев.-кор. -ти), которое рассматривалось нами как индециссив. Это — глагольное имя; оно сопровождается глаголом *хада* в том случае, если действие отрицается. Так же как в английском языке надо употребить глагол *to do* при отрицании (ср. I do not go в противоположность I go), так и в корейском говорят *каджи мот ханда* или *каджи ани ханда* (я не иду), подчеркивая тем самым отрижение. Говорят также *мот ханда* (не могу идти) и *ани ханда* (не иду, не пойду). Все же конструкция *каджи мот* (или *ани*) *ханда* выражает более энергичное отрижение.

К окончанию -чи (-джи, -чхи), сев.-кор. -ти (-ди, -тих) можно присоединить, как и к другим глагольным именам, частицы *нын* и *то*. Сочетание *-ти* (ныне -чи) с *то*, как кажется, уже довольно давно дало сокращенную форму *-то*: *мөкти то* дало *мөкто*, *мантхи то* дало *мантхо*, *оди то* дало *одо*, *отто* и т. д. Вместо *-ти *нын* (ныне -чи *нын*) иногда употребляют сокращение *-тын*, *-чин*. Наряду с -чи (именительный падеж глагольного имени) употребляют иногда -чи-рыл, -чи-л — винительный падеж: *аджи мот хао* (я не знаю), *аджи нын мот хао* (я вовсе не знаю, я действительно не знаю); *аджи-рыл мот хао* (не знаю я); *аджи до мот хао* (он даже не знает этого); *кы сарам-и сал ка подын* (=поди *нын*) *анкхо чугыл ка пода* (он, по всей видимости, не выздоравливает, а умрет); *чукчи до ани хаго натчи до ани ханда* или *чукто анкхо натто ани ханда* (он и не умирает и не выздоравливает).

207. Та же самая именная форма употребляется с глаголом *мада*, *малда* (основа *мар-*) (избегать, не делать); сочетание -чи *малда* употребляется для выражения запрещения. И в данном случае возможен винительный

-чи-рыл: каджи мара (не ходи), *каджи марара* или *каджи малгера* (не ходи), *оджи малге* (пожалуйста, не ходите сюда), *мун-ыл ӈэрө ночхи* (или *ночхи-рыл*) *малла кко хайөтте* (он сказал: не оставляйте дверь открытой), *мөкчи мара* или *мөкчи нын мара* (не ешь этого).

208. Две формы очень часто употребляются в условиях, аналогичных приведенным выше деепричастиям. Одно окончание — *-ме, мэ: помэ, поме* (так как видит), *хамэ* (так как делает), *мөгөссымэ* (так как ел) и т. д. Это не что иное, как местный падеж от глагольного имени на *-м* (см. п. 235). Другое окончание — *-киллэ*, то есть сочетание глагольного имени на *-ки* с падежным окончанием *-ллэ*; для севернокорейских диалектов это — правильное образование, возможное и в собственно именах существительных; лишь в южнокорейских диалектах данный падеж употребляется при глагольных именах, а не при собственно именах (см. п. 233).

209. Деепричастные формы некоторых глаголов, особенно деепричастие прошедшего времени, употребляются как эквиваленты наших предлогов; их можно назвать глагольными послелогами: *сөул путхө вассо* (он приехал из Сеула; первоначально: он прибыл, будучи приданным (прикрепленным) к Сеулу).

Наиболее употребительные послелоги глагольного типа будут рассмотрены ниже (см. п. 285).

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА (ПРИЧАСТИЯ)

210. Глагольные имена корейского языка делятся на два разряда: глагольные прилагательные и глагольные существительные.

1. Глагольные прилагательные

211. Глагольные прилагательные, подобно другим атрибутивно употребляемым словам, несклоняемы. Они

предшествуют непосредственно тому имени существительному, определением которого они являются. Они могут употребляться так же, как сказуемые; однако в этом случае они сопровождаются так называемой конечной частицей, утвердительной или вопросительной. Мы уже частично рассмотрели этот разряд глагольных имен в разделах, посвященных формам утвивости, глаголу в вопросительных предложениях и различным формообразованиям изъявительного наклонения. В дальнейшем эти глагольные прилагательные ради краткости мы будем называть причастиями.

Ундервуд и другие исследователи корейского языка называют эти формы относительными причастиями. Это объясняется тем, что термин «причастие» применялся исследователями также к тем формам, которые здесь именуются деепричастиями. Относительными эти причастия названы потому, что при переводе на европейские языки они часто соответствуют сказуемым придаточных определительных предложений.

212. 1) Причастие настоящего времени имеет окончание *-нān*, *-нын*. Конечный согласный основы глагола во многих словах при присоединении этого окончания ассимилируется, то есть уподобляется начальному согласному окончания: *и́тта* (быть) ~ *иннān* (*иннын*) (сущий, который есть); *аннта* (сидеть) ~ *аннān* (*аннын*) (сидящий, который сидит); *мёкта* (есть, кушать) ~ *мөннъын* (кушающий, который ест); *хайётта* (сделал) ~ *хайённъын* (*хайённān*) (сделавший, который сделал). Глаголы с конечным *л* теряют это *л* перед окончанием причастия настоящего времени: *алда* (знать) ~ *аннān* (*анын*) (знающий, который знает); *тылда* (поднимать) ~ *тынын* (поднимающий, который поднимает) и т. д. У глаголов с конечным согласным *-лх-* по присоединении окончания причастия настоящего времени на стыке образуется долгое *лл:* *ккылхта* (произносится *ккылтхा* — кипеть) ~ *ккыллын* (кипящий, который кипит); *ттулхта* (произносится *ттултхा* — протыкать) ~ *ттуллын* (протыкающий, который протыкает) и т. д.

213. Как уже говорилось, качественные глаголы этой формы не образуют. Мы полагаем, что архаической формой причастия было не *-нын*, а *-н*, нынешнее причастие прошедшего времени; с этой точки зрения нынешнее *-нын*, *-нан* есть не что иное, как причастие *-н*, присоединенное к так называемому вторичному глаголу, признаком которого является суффикс *-най-*, *-ны-*. Остатки этого суффикса прослеживаются и до сих пор в таких словах, как *кхънайды* (увеличиваться, становиться большим; ср. *кхъда* — быть большим), откуда атрибутивная форма *кхънын* (становящийся большим, который становится большим; ср. *кхын* — большой). См. п. 246.

214. 2) Причастие прошедшего времени имеет окончание *-н*. Такое значение это окончание имеет только у глаголов действия; у качественных же глаголов это окончание имеет чисто адъективное значение; ср. английское *aged man* (пожилой человек); например: *нылгын сарам* (старый человек; от *нылкта* — быть старым); ср. другой оборот с тем же значением: *нахи* (произносится *наи*) *манхын сарам*.

215. 3) Причастие будущего времени имеет окончание *-л*, *-р*, в севернокорейских диалектах *-р*. Это — форма, в которой все корейские словари до сих пор давали глаголы. Окончание может означать как будущее время, так и действие не детерминированное временем, то есть действие как такое (см. п. 221).

216. При атрибутивном употреблении причастия конкретный характер отношения действия к имени грамматически не выражается; единственным средством уточнения отношения остается контекст: *ир ханын сарам* (человек, который работает, работающий человек); *сарам ханын ил* (работа, которую выполняет человек); *ир хан сарам* (человек, который работал); *сарам хан ил* (работа, которую выполнял человек); *ир хал сарам* (человек, который должен работать, человек, который будет работать); *сарам хал ил* (работа, которую должен сделать человек); *кил канын сарам* (работа, которую выполнит человек); *кил канын сарам*

(человек, который идет по дороге); *сарам канын кил* (дорога, по которой идет человек); *инса хан сарам-и нугу-но* (кто это, с кем вы поздоровались?).

В этом отношении корейский язык гораздо свободнее, нежели английский, где говорят *sleeping room, eating room, dining room, closing hour* и т. д.

Не санын чиб-и өна чиб-но (в каком доме вы живете? дословно: дом, в котором вы живете, который дом?); *иэ мөнъын сур-и тан сур-но* (вино, которое я пью, сладкое); *и гөс-и нугу-га понын чхэг-но* (кто читает эту книгу? дословно: это кем читаемая книга есть?); *ури канын кир-и мөо* (дорога, по которой мы идем, длинная [далекая]); *се чунын чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы снимаете?); *се чун чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы сняли?); *се чул чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы будете снимать?); *көннөн пань-и пинын я* есть ли тут проходная комната?).

217. Производными от причастия настоящего времени являются форма изъявительного наклонения на *-не* (*инне* — есть, *поне* — смотрит, видит, *мөнъне* — ест, *хайённе* — сделал, *хагенне* — сделает) и настоящее длительное на *-нында*, *-нда* (*иннында* — есть, *мөнънында* — ест, *пэнда* — смотрит, *ханда* — делает). Окончание *-не* восходит к причастию + частица *и*; окончание *-нында*, *-нда* восходит к *-нан ида*. Точно так же формы типа *иннаида*, *мөгымнида* представляют собой причастия с последующей связкой *ида*. В литературном языке причастия очень часто употребляются перед заключительной частицей *-ира*: *ханайира* (делает), *ханира* (делал), *харира* (будет делать), *кыпхынира* (глубокий), *кыпхырира* (видимо, глубокий), *кинира* (длинный), *кйрира* (видимо, длинный; от *килда* — быть длинным).

218. Качественные глаголы имеют окончание изъявительного наклонения *-е* (иногда *-а*, *-э*), которое является аналогом указанного выше *-не*, употребляемого при глаголах действия: *кипхе* (глубокий), *кие* (длинный), *чохе*, (хороший; также *чоха*, *чохэ*). Эта форма, как кажется,

не является корректной с точки зрения литературного языка; она является, видимо, сокращением таких форм, как *кипхыни*, *кини*, *чохыни*, которые употреблялись раньше в конце независимого предложения, как это зафиксировано старыми памятниками.

219. Употребление причастий перед вопросительными частицами *ка* и *я* рассматривалось нами выше. Здесь только надо добавить, что и в этих конструкциях наблюдаются различного рода сокращения и стяжения; так, *иннын я* (есть?) дает *инныни*, *инна*, *инни*; *поыня* (видит ли?) дает *поныни*, *пони*, *понэ*, *поня*.

220. Вопросительная частица *ка* обычно не сливается с причастием; однако перед глаголом *поди* (видеть, казаться) сочетание *-нын га* очень часто дает *-на*: *пи-га она пода* (кажется, идет дождь); *онал күг'өнъ калла* (или каря) *хайөттөни*, *өтчим'өн*, *тирам-и хыйбанъ чиккенна поо* (мы собирались сегодня пойти полюбоваться (видами), но как бы ветер не помешал этому). Это окончание *-на* перед *пода* не следует путать с окончанием деепричастия допущения. Точно так же не следует смешивать двух омонимов: *-нынй*, *-ний*, как сокращения от *-нын я*, *-ня*, и *-ни*, как окончания деепричастия предпосылки.

221. При переводе на европейские языки корейские причастия очень часто оказываются сказуемыми придаточных предложений: *нахи манхын сарым* (человек, которому много лет; пожилой человек); *сог-и чоун сарым* (человек, ум которого узок; ограниченный человек); *иб-и акхан н'өнн* (женщина, язык (дословно: рот) которой злой; женщина со злым языком); *канс-и писсан мулгөн* (вещь, цена которой высока; дорогая вещь); *чане пон дже-га орэ-о* (давно было то время, когда я виделся с вами; мы с вами давно не виделись). Причастие будущего времени употребляется часто в таких случаях, где, собственно говоря, отсутствуют временные отношения: *чугыл п'өнъ* (смертельная болезнь); *мөгыл кес-и манхө, а* (там было много чего съедобного); *ури-га кал кир-и тэданхи мёрэссо* (путь, по которому нам пришлось идти, был далекий).

222. Частица *ка* после причастия будущего времени произносится с долгим глухим смычным. Вместо *мəгыл ка* говорят *мəгыл кка* и даже *мəгы кка*; вместо *ил ка* говорят *ил кка* и даже *и кка*. Это *и кка* > *икка* очень часто употребляется в вопросительных предложениях, о чем речь шла выше.

223. Причастиями от качественного глагола-связки *ъда* будут *ин* и *ил*. После основ на гласный начальный гласный этой связки теряется: *ин* дает *-н*: *мəгыр'өн* (состоит из *мəгыр-иθ-н*) *пеп* — каша, которую он собирался съесть; *чуктөн* (состоит из *чуктө-н*) *ттэ* — когда он умер; *мəктөн* (состоит из *мəктө-н*) *пеп* — каша, которую мы тогда было съели; *кадөн* (состоит из *кадθ-н*) *кил* — дорога, по которой он тогда шел; *кассөттөн* (состоит из *ка-ссөт-тө-н*) *кил* — дорога, по которой он шел (раньше).

Сложное причастие будущего времени

224. *Чугыр'өн* (состоит из *чугыр-иθ-н*) *ттэ* — когда я чуть было не умер. Форма *чугыр'өн* в этом предложении может служить примером, показывающим происхождение так называемого сложного причастия будущего времени с окончанием *-ллөн*, *-ллын*, которое часто употребляется с вопросительной частицей *-чи*, встречаясь, однако, и как определение к имени и как предикат вопросительного предложения. Указанная частица *чи* восходит к имени существительному со значением „факт“, „венец“ (см. раздел, посвященный послепричастным именам).

Каллынджи маллынджи марыгессо (я не знаю, уехал он или нет); *иссыллонджи аджи мот хао* (я не знаю, есть ли это налицо) (ср. *калчи малчи морыгессо* — я не знаю, поедет он или нет; *иссылчи аджи мот хао* — я не знаю, будет ли это налицо); *оллынга* (придет ли он?); *кы ир-ыл та хайөссыллынджи ал су ёпсо* (я не знаю, вся ли работа выполнена).

Особые послепричастные имена

225. Причастия употребляются как определения к любому имени существительному. Однако в корейском языке

есть целый ряд имен существительных с очень общим значением (венец, факт, момент, место, слово, путь и т. д.), которые употребляются преимущественно после причастных форм глагола; европейские языки в этих случаях предпочитают придаточные предложения. В подобного рода словосочетаниях имена употребляются в именительном падеже, то есть без всякого окончания; исключение представляют *тэрө* и *коро*, которые представляют собой сочетание имени с окончанием творительного падежа.

Наиболее употребительными послепричастными именами являются:

1) *тэ* — место (произносится *те*, *тэ*, *дэ*, *де*); употребляется после причастий всех трех времен: *ни аин онын де*, *вэ усан-ыл каджено ос'ессо* (ведь дождя нет; зачем же вы пришли с зонтиком?); *кы сарал-и ир ханын де* и *мар хайётте* (вот что он сказал за работой); *ир хан де* (когда он работал; за работой); *ир хадён де* (когда он занимался делом [был в процессе работы]); *нэ-ге ол пх'энджи-га иннын де* (мне должно прийти письмо); *ссыл тте иссо* (это может быть использовано); *ни хаген де* или *никхёндэ* (например).

Как видим, имя существительное *те*, *де* часто употребляется для передачи подчиненного предложения времени, ситуации. Но оно также часто употребляется и в своем первоначальном, более конкретном значении: *кан дэ Өмнында* (дословно: нет такого места, куда бы ходил; нет следов того, что ходил); *чохын кал тэ* (или *кал ттэ*) - *нын иссо* (есть хорошее место, куда можно пойти).

2) *тыл*, *тйл* (произносится *тыл*, *дыл*); первоначальное значение, видимо, „случай“, „событие“; употребляется после причастий всех трех времен, обычно при наличии отрицания или вопроса в главном предложении: *каджё он дыл ссыл тте иссо* (даже если я принесу это, будет ли от того какая-нибудь польза?!); *кан дыл мот поатта* (возможно, что он ушел, но я-то ни видел); *кал дыл чоха ани ханда* (если даже он и пойдет, я невижу в этом ничего хорошего). Ср. маньчж. *dule* (наоборот, в противоположность).

3) *ттэ*, восходящее к *птаи*, означает „время“; входит в состав *иптэ* (теперь, ныне), *кыптэ* (в то время), *чэптэ* (недавно, за последнее время); тождественно турецкому (уйгурскому) *бута* (сезон); служит для передачи придаточных времен: „когда“. Употребляется после причастий всех трех времен, но чаще всего после причастия будущего времени. Вместо *ттэ* можно сказать *ттэ-е* (местн. п.): *пх'өнджи ссыл ттэ сонним-и вассо* (пришел гость, когда я писал письмо).

4) *чөк* (время, случай); употребляется после причастия будущего времени для передачи придаточного времени; наряду с *чөк* возможно *чөг-е* (местный падеж): *акка ол чөк* (или *чөг-е*) *мэу чхинсыптэда* (или *чхинтэ ида, чхинтэра*) (было ужасно холодно, когда я некоторое время тому назад пришел); *нагал чөк мада* (или *чөнъ мада*) *и сарым-ыл маннао* (я встречаю этого человека каждый раз, как выхожу); *комбу хал чөг-е* (или *хал чөк*, или *ханын де*, или *хал ттэ*, или *хал ттэ-е*) *чанънан хаджи мара* (не шали, когда занимаешься).

Имена *чөк* (ср. турецк., *сақ*—время) и *ттэ* еще до сих пор опускаются как самостоятельные слова, тогда как *тэ*, *де*, *тыл* и следующее ниже *чык* объясняются всеми грамматиками либо как окончания, либо как союзы.

5) *чык*,— китайское по происхождению слово со значением „момент“, „случай“; ныне употребляется для передачи придаточных времен; употребляется после причастия прошедшего времени: *и гөс-ын та хайессын джык кы даым көс сиджак хаджа* (так как мы с этим уже покончили, то давайте приниматься за следующее дело); *нэ-га мун-ыл йөн джык аджык тырø оджи малла го хаптэда* (в тот самый момент, как я открыл дверь, он сказал: „не входите пока!“); *капс-ыл цүр'өн джык тон-и өнкөдүн* (когда я собирался заплатить, то оказалось, что у меня нет денег); *ка пон джык амо до өнсэ* (пошел посмотреть, оказалось, что там никого нет).

6) *чи* восходит к *ти*, *ди*, каковая форма зарегистрирована севернокорейскими диалектами; в южнокорейских произносится *чи*, *джи*; означает „факт, венец, событие“; употребляется после причастий прошедшего и будущего

времени. Вопросительная частица чи (из *ти) является тем же самым словом, но в иной грамматической функции. Ср. тунг, -ти как знак вопроса; *Кал чи-ра* (он пойдет, он должен пойти); *кал чи-нде нын* (если собираетесь пойти); *хийөссүл чи ра до* (хотя он и сказал, что...); *на, чи кэиллын джин до* ал су ёпсо* (не знаю, прояснитесь ли погода; не знаю, когда будет яено) (от *кэнда*; *кэиллын из кэил-иөн-н*, -н <-ин; см. и. 224); *тэнхо ар-и өйтөкхе манхи ттөрөджөннын джи*, *чөнджи-га та пхайессо* (так много упало снарядов, что все поле оказалось взрытым); *кан джи га орэ-о* (уже прошло много времени, как умер); *мөгүн джи га неси тбайессо* (уже прошло четыре часа с тех пор, как я ел); *не көри-е касө мулгөн-ыл слал чи-нде чохын гөс-ыл сара* (когда ты идешь покупать что-нибудь, то покупай только хорошее); *чугыл чи өндөжөн көджытмал хагессо* (я скорее умру, чем совру).

Следует обратить внимание на употребление глагола *иды* (быть) в таких формах, как *ийён джи* (ныне редко в разговорном языке) и *идён джи*, *-дон джи*, сев.-кор. *идён ди*, *-дён ди* в значении "...нибудь": *нугу дён джи* (кто бы то ни был, кто-нибудь), *мүөс идён джи* (что бы то ни было, что-нибудь), *м'өтчх-идён джи*. (сколько-нибудь).

7) *че* — китайское по происхождению слово в значении „время“; употребляется после причастия прошедшего времени: *кы сарам-и чугын дже-нын орэ-со* (уже прошло много времени с тех пор, как он умер); *на маннаги чөн-е сөул он-джега иссо* (бывали ли вы в Сеуле до того, как встретиться со мной?); *чане пон дже-га орэ-ё* (прошло много времени с тех пор, как я видел вас).

8) *тэ* — „согласие, соответствие“; твор. п. *тэ-ро*; употребляется после имен, а также после причастий всех трех времен в значении „согласно“, „подобно“, „так как“: *мал дэ-ро* (согласно сказанному); *нэ пон дэ-ро* (в согласии с тем, что я видел; согласно тому, что я видел); *кы сарам мар ханын дэ-ро* (согласно тому, что он говорит); *мар хал ттэ-ро* (согласно тому, что он скажет); *кы өрын ахэ понын дэ-ро каджиго сипхе хсо* (этот ребенок стремится взять все, что он видит).

9) *чхё* — китайского происхождения; означает „тело“; употребляется после причастий всех трех времен; если за этим именем следует глагол *хада*, то сочетание *чхё хада* имеет значение „делать вид, что...“; *унъя чхё ханда* (притворяться плачуцим); *ун чхё ханда* (притвориться плачавшим; делать вид, что плачал); *ул чхё ханда* (делать вид, что заплачешь); *ир ханын чхё хайөйттэа алл хайөйтта* (делал вид, что работает, хотя на самом деле не работал).

10) *тхё* (место); это существительное очень часто употребляется после причастия будущего времени для выражения обязанности; в этом случае за *тхё* следует связка *ида*: *кал тхё ио* (я должен идти, я обязан идти); *кассыл тхё ио* (они обязаны были пойти); *тангсан-и мар хан дэ-ро хал тхё ида* (нужно это сделать так, как вы сказали); *пх'өнджи-нын нох'өнъ-и ссыл тхё ио* (вы обязаны написать письмо).

Иногда обязанность логически не имеет отношения к субъекту действия, являясь скорее заключением самого говорящего: *и хэнин чинсил хал тхё ио* (этот слуга должен быть надежным), *и сарам чанъса чал хайөссөнника пуджа хал тхё имнида* (этот человек (он) должен быть богатым, поскольку он хорошо наторговал).

Вместо *тхё ида* часто ошибочно пишут *тхёхида*.

11) *тыс*, *тыс-* (произносится *тыт*) означает „сходство, подобие“; употребляется с окончанием *-и* (*тыси* — архаический *casus instructivus*) и с последующим глаголом *хада* (быть); возможно после причастий всех трех времен; означает в этом случае „вероятно“, „похоже на то, что“, „видимо“: *ол тыт хада* (возможно, что он придет); *өл сарал ал тыт хада* (он, видимо, знает это); *ахэ чанын дыт хада* (ребенок, видимо, спит); *йөл вөн-ыро жом сал тыт сипсо* (за десять вон этого, пожалуй, не купишь).

Форма *тыс-и* употребляется не только после причастий, но и после формы на *-чи*; сочетание *-чи тыс-и* сократилось в *тыс-и*: *нэ мөнъын дыс-и не до мөгөрэ* (пожалуйста, еще так, как я); *чукчи дыс-и* (или *чук тыс-и*) *ча итте* (он лежит так, словно умер > лежит, словно мертвый).

12) *янь* и *моянъ* — имена китайского происхождения с значением „манера, способ“; употребляются после причастий всех трех времен для выражения вероятности. После этого служебного имени следует либо связка *ида*, либо *хада* или *сипта* (выглядеть); имя может оформляться творительным падежом. Ср. *кыянъ*, *кыянъыро* (так, таким образом).

Чигым илгыл моянъ-по (он, кажется, собирается сейчас читать); *акка кан моянъ-ида* (оны, кажется, ушли несколько минут тому назад); *илбон-ыл кал янь-ида* (или *кирянъ-ида*) (он, кажется, собирается ехать в Японию); *аджик ол янь-и мэрэссо* (до его прихода еще далеко; он еще не скоро придет; дословно: еще далека та обстановка, которая говорит о том, что он придет); *чхөнтигул юрам хар янь-им'өн согэ пх'өнджи-рэл м'өтчанъ өнчийн гөс-и мэу чоссо* (если вы собираетесь ехать в Китай, то не плохо было бы взять несколько рекомендательных писем); *киря хам'өн* (если вы собираетесь идти (ехать); *каря хар янь-им'өн* (или *каря хал моянъ)-им'өн* (если вы, как кажется, собираетесь ехать (идти)).

13) *ко* — слово китайского происхождения, означающее „причина“; употребляется в творительном падеже: *ко-ро*, *го-ро* в значении „так как“ (придаточное причины); *чи-бийл и пр-ыл хагеннын го-ро тарын пр-ыл мот хагессо* (так как я сейчас занят этим делом, то заниматься прочими делами я не смогу); *онал нүн-и оныч гө-ро то чхинсо* (сегодня холоднее, потому что идет снег); *пулга-бул кал тхө-ин го-ро кассо* (он пошел, потому что обязан был идти; ему пришлось волей-неволей пойти).

Перед этим существительным употребляется либо причастие настоящего, либо причастие прошедшего времени.

14) *ккадалк* (местный падеж *ккадалг-е*) (причина); употребляется в той же роли, что *ко-ро* (см. выше): *нар-и кэил чул ан ккадалг-е кидар'оссо* (я ожидал, потому что полагал, что погода прояснится); *нүн-и он* (или *ванный*) *ккадалг-е ани ватта* (он не пришел, потому что шел снег).

15) *су* (средство, способ); употребляется после причастия будущего времени, сопровождаясь глаголами *ттта*

(есть) или *өпта* (нет); сочетание „причастие будущего времени + су + импа (или өпта)“ является самым распространенным способом выражения возможности: *кал су иссо* (могу пойти); *кал су ёпсо* (не может пойти); *мот кал су иссо* (может не пойти); *мот кал су ёпсо* (не может не пойти; должен пойти); *ал су ёпсо* (не могу знать); *тон-и чөгүн джык мал сал су ёпсо* (так как у меня мало денег, то я не могу купить лошадь); *чохый га ёпсыни нх'өнджи ссыя су ёпсо* (так как у меня нет бумаги, то я не могу написать письмо); *кылджа-га күүүн джык чал пол су иссо* (так как иероглифы написаны крупно, то я в состоянии читать их).

Более подчеркнутым средством выражения идеи долженствования является употребление двух отрицаний: *чори мот кал су ёпсо* (вы должны пойти туда).

16) *ман* (размер, количество, сумма); употребляется после причастий прошедшего и будущего времени, сопровождаясь глаголом *хада* (быть); в этой конструкции *ман* означает: „стоит“, „можно“, „пригодно“. Ср. *ман* в сочетаниях *йөл ман* (только десять); *сан ман нопхын* (высокий как гора, с гору); *өлма* (из *вен ман) (сколько; дословно: какой размер); *иэ сэнтгак хан ман мот хада* (это не так, как я думал); *мантха* (из ман хада) (много); *манхын* (из ман хай) (многочисленный).

И чхэг-ыл пол ман хада (эта книга стоит того, чтобы ее читать; эту книгу можно читать); *чө пут ѿхыл ман хаджы мот хада* (эта кисточка для письма не может писать; этой кисточкой нельзя писать); *ул ман хан гөс-но* (над этим стоит плакать); *и гөс-и мөгүл ман хада* (это съедобная венец).

После причастия прошедшего времени *ман* часто переводится союзом „но“. Употребляемое в этом значении *ман* допускает перед собой как декларативную, так и индекссивную формы глагола; само *ман* в этом случае может сопровождаться эмфатической частицей *-ын*: *манын*.

Кыри кассын манын ёпсөтта (ходил туда, но (его) не было); *нх'өнб-и сокхи наассым'өн чохыр'өн ман* (было бы хорошо, если бы болезнь поскорее прошла, но...); *ни-га ол тыт хаген ман мот кал су ёпсо* (видимо, будет ложь; все же и в этом случае я должен пойти).

Окончание индекссивной формы чи перед ман или манын в сложных временах сокращается до т, а это т ныне ассимилировалось с последующим м (в ман, манын), дав н.и, м.м (пишется см): *кагемчи манын* или *каггэн манын* (должен пойти, но...); *кагессөни манын* или *кагессөнманын* (он должен был пойти, но...); *кас-сөти манын*, *кас-сөнманын* (он ходил, но...).

17) көс (им. п.); произносится *кэм*, *гөт*, сев.-кор. *ке*, *гэ* (вещь, предмет); употребляется после причастий всех трех времен в самом широком смысле, включая как конкретный, так и абстрактный смысл (вещь в конкретном и абстрактном значении). Обычное присоединение к *кэм*, *гөт* связи *ида* дает сокращенную форму -*к-* и -*г-* (из *кэм*, *гөт*): *көс-ида*, *көс-по*, *гөт-ида* дают -*хида*, -*гида*, *кио*, -*гио* и т. д.

И гөс-и кхалло пөхин гэс-по (>*пехин гио*) (это отрезано ножом); *и сарам мај ханын гида* (он говорит); *калла ханын гөс-по* (или *тагланын гио*) (он (говорит, что) хочет пойти); *сал көс-ыл каджэ каге* (пожалуйста, унесите то, что я куплю), *сан гэс-ыл каджэ каге* (возьмите с собой мои покупки); *чунгын гөт* (умрающий), *чугын гөт* (умерший); *чугыл көт* (близкий к смерти); *не анын гэс-ыл мот арассо* (он не знал, что вы знаете это).

Употребляясь после причастия будущего времени с последующим глаголом-связкой *ида*, *көс* служит для выражения *должествования*: *и чхэг-и нэ-га по, көс-по* (я должен прочесть эту книгу); *кал көс-по* (я должен поехать); *пх'онджи-ын нох'онь-и ссыл көс-по* (или *сыл ккго*) (вы должны написать письмо).

Таким образом, сочетание „причастие будущего времени + *көс + ида*“ имеет примерно то же значение, что и служебное существительное *тхө* или *иљ*, о котором речь будет ниже.

Винительный падеж от *көт*, а именно *көс-ыл*, вернее его сокращенный вариант *кэл*, после причастных форм глагола часто употребляется в значении восклицания: *чохын гөл* (как это прекрасно! сев.-кор. *тёун гө*); *өмнын гэл* (нет ничего!); *өпсыл көт* (не будет!).

18) *иљ* (работа, дело); помимо основного значения, *иљ* в сочетании с предшествующим причастием буду-

щего времени и с последующим глаголом-связкой служит для выражения долженствования: *кар ир-ио* (или *кал ил-ио* — мы должны пойти); *нох'өнб-и пх'өнджи-рыл ссыр ир-ио* (вы должны написать письмо; ваша обязанность написать письмо); *та тёйвэссыл ир-ио* (все должно быть готово); *пор ир иссо* (или *пол ил иссо* — я занят; дословно: у меня есть нечто, за чем я должен смотреть).

19) *и* (нечто, некто, человек, вещь); в современном языке употребляется только как особого рода окончание; **это**, как говорили раньше, сокращенная форма китайского слова *ин* (человек, человеческое существо), но на деле это старое вопросительно-неопределенное местоимение (что, нечто). *И и-га чоссо* (этот лучший); *чо и-га муөс-ыл хане* (что он делает?); *ки и-нын көмда га* (он черен, но...).

Употребляясь после причастий, это *и* субстантивирует причастие тем или иным образом: *канын и* (идущий), *кан и* (ушедший, отсутствующий), *кар и* (*кал и*) (должествующий идти, отправляющийся). Это *и* тождественно тому, которое рассматривалось выше, в разделе, посвященном деепричастию предпосылки (premissi); как известно, оно оканчивается на *ни*, которое состоит из причастия прошедшего времени и частицы *и*; это же *и* употребляется после причастия прошедшего времени и как знак субстантивации: *канын и-га нугу-ио* (кто там идет?), *сөур-есө он и-га алгессо* (приехавший из Сеула знает это); *нылгыни* (старик); *чөлмыни* (молодой человек, юноша); *чугын и-еге муөссыл талла хао* (что спрашивать с мертвого?); *санын и-рыл тоа чуспо* (пожалуйста, помогите тому, кто (еще) живет); *нэ-га кар и икка* (что, я и в самом деле должен идти?); *нэ-га пор и ида* (я, видимо, увижу это, я должен буду увидеть это).

-*Ри икка*, -*ри ида*, *ри ио*; сочетания, данные в последних примерах, обычно как в письменном, так и в разговорном языке, сокращаются в *-рикка*, *-рида*, *-рио*. Экардт в своей грамматике корейского разговорного языка рассматривает их как образования от вторичного глагольного корня-основы *-ри* со значением будущего времени. Следует отметить, что сочетание «*-ри* + глагол-связка *ида*» обычно употребляется только в речи о

первом лице: *кар и икка, карикка* (должен ли я пойти? быть может мне пойти?).

Сочетание „причастие+и“ в свое время, как это видно из старых памятников, употреблялось с конечной утвердительной частицей *ира* для выражения изъявительного наклонения: *канын и ира (канынира)* (идет), *хар и ира (харира)* (скажет, сделает). Конечное *ира* в этом случае может отсутствовать. В формах утвивой речи типа *камнида, иссынида*, о которых шла речь выше, имеем в скрытом виде то же сочетание причастия с *и*: *камнида* восходит к *каннан и ида*, а *камникка* восходит к *каннан и иркка*. То же самое *и* находим и в служебном слове *сири*, употребляющемся после деепричастия будущего времени: *си-ри* из **исил-и*.

20) — *ча*, китайское слово со значением „личность“, „особа“; употребляется вместо упомянутого выше *и* для выражения деятеля; более утвиво нежели *и*: *канын джа* (идущий), *кан джса* (ушедший), *кал ча* (тот, кто должен пойти); *чэ ир ханын джа нугу-ио* (кто это там работает?); *кы год-е каттөн джса-тыл аджи мот ханын джа ё* (я не знаю того, кто там уехал); *сөул кассыч джса-га* или *сөул кассынын джса-га* (тот, кто уехал в Сеул); *ахэ ийнин джса* (нянька; тот, кто смотрит за ребенком).

Ча употребляется как после имен существительных (китайских и корейских), так и после причастий.

21) *на* (место). В противоположность рассмотренным выше *и* и *ча*, которые являются средством выражения деятеля и придают таким образом глаголу активное значение, имя существительное *на* часто употребляется для обозначения объекта действия, в силу чего глагол приобретает пассивное значение: *сан ба* (место, где он проживал); *садэн ба* (купленное); *анын ба-га муөс-ио* (что вы знаете? дословно: знаемое вами что?); *чугын ба таси сал су иссо* (может ли вновь оживить то, что уже умерло?); *нөхый-га ури пх'өнджи-ра, ури жаым-е сөөсө мус-сарам-и алго иньнын* (или иллын) *ба-ра* (вы — наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми людьми); *ни-га манхи вассыни патх-е симын ба коксиг-и к'өлтан нассо* (так как лил большой дождь, то семена (те, что), высеванные в поле, оказались поврежде-

ными); *хадөн ба-рыл периго мусын ир-ыл хао* (что вы будете делать, потеряв то, чем вы работали?).

22) *чул* (линия, строчка); это существительное употребляется в том случае, если последующий глагол имеет значение „думать“, „полагать“, „знать“ и т. п.; в этом случае оно может передаваться русским союзом „что“; если *чул* принимает форму винительного падежа (*чур-ыл*), то это служит указанием на то, что содержание мысли правильно; если же *чул* принимает форму творительного падежа (*чул-ло*), то это значит, что содержание мысли неправильно: *кан джул аратта* (я знал, что он ушел); *кан джур-ыл аратта* (я знал (и это абсолютно верно), что он ушел); *кан чул-ло аратта* (я думал, что он ушел (но это на деле не так)); *ол чул-ло сэндэг хайёссо* (я полагал, что он придет); *кырёкхе писсал чул нөг'ёссо* (неужели вы полагали, что это так дорого?); *мүөс-и-дөндэжи та чөлло тэн чул-ло анын и-га иссо* (некоторые верят, что все образуется само собой); *тбл чул-ло парассо* (я надеялся, что это случится); *ссөөр-и канын чул моллатта* (я не знал, что время так идет).

23) *мал* (слово, речь); употребляется после причастий перед глаголами „слушать“, „воспринимать“: *катта хан (каттан)* *лар-ыл тырессо* (я слышал, что он уехал); *чугётта хан мал тырфссымникка* (слышали ли вы, что он умер?).

24) *пён* — китайское имя существительное со значением „раз“, „случай“; употребляется после причастия будущего времени с последующим глаголом *хада* (делать); весь оборот значит: „быть на грани того-то и того-то“, „чуть было не...“, „едва не...“: *ттерёджил пён хайёссо* (чуть было не упал); *тоджак минна чугыл пён хайётта* (он чуть было не расстроился с жизнью, повстречавшись с разбойниками); *кыр-е када га тор-есө нэмэджыл пён хайёссо* (когда я шел по улице, то чуть было не споткнулся о камень).

25) *се* — слово китайского происхождения со значением „обстоятельство“, „состояние“; сопровождается обычно связкой *ида*; если перед *се ида* следует причастие будущего времени, то весь оборот имеет значение „иметь случай...“: *мөгүл се-да* (имеет случай поесть) и (пассивно):

мөгүлседа с тем же значением; отсюда связка *иолседа*: *чохын чохый-олседа* (это — хорошая бумага).

В повседневной речи часто слышим *се* без последующей связи: *кырф хал се > кырәл се > кыл се* (да, так).

26) *сэ* (интервал, промежуток; ср. тунг. *saja* — пространство между пальцами); употребляясь после причастия будущего времени, имеет значение „пока“: *нап мөгүл сэ тоджаг-и чхимбань-е тырф вассо* (пока мы ели, вор проник в спальню). В этом значении этот оборот чередуется с другими аналогичными ему по смыслу: *мөхтага* или *мөгүл тපэ* или *мөгүл тонъан-е* и т. д.

27) *сэрок*, *сэрок* или *сурок* употребляется после причастия будущего времени; означает: „чем более... тем...“ Как и в окончании *торок* (см. п. 198), мы имеем здесь творительный падеж от *сай*, *сэ*, *су* с последующей частицей *-ок*, *-ук*; *сай*, *сэ*, *су* — это варианты одного и того же имени, видимо, со значением „новый“ (ср. *сэ* — новый, *сэро* — вновь); возможно также, что это *сай* означает „сверх“, „более“ (ср. монг. *saja* — недавно, тунг. *solo-*, *sola-* (идти вверх). Чередования гласного объясняются отсутствием на слове ударения: *парам-и пул сэрок тур-и пронао* (чем сильнее (больше) дует ветер, тем больше разгорается огонь); *чохын норэ-нын тырыл сурок тыкко сипго* (чем больше я слушаю хорошие песни, тем больше мне хочется их слушать); *ханмун-ыл пэхол сэрок өр'өвө гао* (чем больше изучаешь китайскую письменность, тем более она оказывается трудной).

28) *пөп* — китайское имя со значением „закон“, „правило“, „обычай“; очень часто употребляется в конструкции „причастие будущего времени + *пөп* + иссо или ёпсо“. Конструкция служит для передачи категории возможности: можно, нельзя. Например: *яг-ыл манхи мөгүл пөп ёпсо* (нельзя принимать много лекарства); *тыре ол пөп ёпсо* (нельзя входить); *аджи мот ханын сарам-ый тонъсан-е куг'өнъ хал пөб-и ёдэ иссо* (где это видано, чтобы можно было заходить в сад незнакомого человека?); *яг-и иттөм'өн и п'өнъ-ыл котчил пөб-и иссо* (если бы у меня было тогда лекарство, то я смог бы избавиться от этой болезни).

Во многих случаях вместо *пэб* может быть употреблено другое служебное имя — *су*.

29) *ттэмүн* или *ттэмүн-е* после причастия прошедшего времени служит для выражения причины; в других случаях — цели: *пэхол ттэмүн-е чхэг-ыл са ватта* (он сходил купить книгу для занятий); *мён кир-ыл кан ттэмүн ил сп с агессо* (я хочу отдохнуть с часок, потому что я очень далеко ходил).

30) *чхаро*, сев.-кор. *чхары* в значении „чтобы“. Это слово представляет собой либо творительный падеж от имени *чха*: *чха-ро*, либо стижение чи (см. выше, 6) и *хэр'ө > хэро* (чтобы делать); употребляется только с причастием будущего времени: *чхэг-ыл пэхкыл чхаро* (то же, что *пэхкнллә-кко*) *чохый-рыл саро кассо* (он пошел купить бумаги, чтобы переписать книгу); *сөнсэн хан парам-ыл сохиял чхаро кыныр-ыл чхаджассо* (я нашел тенистое место, чтобы освежиться на прохладном ветерке).

31) *кил* (дорога); часто употребляется также в значении „в течение“; ему предшествует причастие настоящего времени: *канын гил мар хайётта* (по дороге он сказал); *мулгён-ыл са оныч гил нэ чиб-ыро оо* (зайдите ко мне, когда будете идти за покупками); *квэ-рыл котчхинын гир-е сэ чамылсё ккатхи тум'өн чосхессо* (когда будете чинить яйчик, то хорошо будет, если вы поставите новый запор).

32) *чунь* — слово китайского происхождения; означает „середина“; употребляется в том же значении, что и *кил*, но гораздо чаще его; ему предшествует причастие настоящего времени: *симмун понын джунь-е чатта* (он заснул за чтением газеты); *кил канын джунь-е* (в пути); *кыл понын джунь итта* (он сейчас читает; собственно: находится в процессе чтения).

33) *чөн* — слово китайского происхождения; означает „перед“; после причастия будущего времени означает „прежде чем“: *ки и-га нэ ол чөн-е катта* (он ушел прежде, чем я пришел); *мөгыл чөн каджи мара* (не уходи, пока не поешь).

Вместо причастия будущего времени часто употребляется глагольное имя на *-хи*: *оги джөн-е, мөкки джэн-е*.

34) *хү*—слово китайского происхождения; означает „после“; после причастия прошедшего времени означает „после того как“: *и чхэг-ыл пон хү* (или *хү-е*) *нэл чуэр* (по прочтении этой книги дай ее мне); *нэ-га кан хү ахогэ-га сонёны я* (был ли здесь кто-нибудь после того, как я ушел?).

35) *тонь* (альтернатива), *төнгэн* (интервал); из этих двух имен последнее употребляется также в значении „в течение“, „пока“; *тонь* после причастия будущего времени, сопровождаемое глаголом *хада*, служит для выражения опасения, перешительности при выборе двух действий: *кал тонь кал тонь хайёттэ* (он не знает, если сму или нет); *ни-га ол тонь чил тонь хайёттэ* (дождь то иссяк, то вновь переставал); *ир кал тонь ма*; *тонь ханын гөс-и сэгл тэ ёнсо* (это никакда не годится — работать рывками; то работать, а то нет).

36) *чиг'өнъ*,— слово китайского происхождения; означает „граница“, „границы“; сочетание „причастие будущего времени + чиг'өнъ + кда“ служит для передачи условных предложений со значением „если дело действительно дошло до того, что“: *кал чиг'өнъ им'он, ка до кагессо* (если дело дошло действительно до того, что надо идти, то я тоже пойду); *и пэхж-ыл нхал чиг'өнъ шёдйн* (если дело действительно дошло до того, что вам надо продать это поле, то...).

37) *ппун* после причастия будущего времени с последующей связкой означает „только“: *нө-нын ил ман хал* *ппун ида* (вы только и знаете, что работаете); *накчи* *са муно-нын тэсэ-га тарыл* *ппун ио, моянъ-ын катхын* *гөсн-иэ* (большой и малый осьминог отличаются только размером; что же касается их внешнего вида, то они одинаковы);

38) *мсым* (*маам, мэм*) (ум, мысль), *сэнъгак* (мысль), *ттыс* (смысл), *вөнний* (намерение, желание), *нэрэм* (надежда); все эти имена могут употребляться с причастием будущего времени: *не-га нэил ол нарам-е кидаригессо* (я буду ждать вас в надежде, что вы придете); *йөнъ-гүг-ыл кал мсым-и иссо* (у меня есть мысль съездить в Англию); *илбон кал ттыс-и ёнсо* (я не имею в виду ехать в Японию) и т. д.

39) *чым* (начало); после причастия будущего времени означает „быть готовым сделать то-то и то-то“: *кал чым* (или *кал чым-е*) *ну-га вассо* (когда я был уже готов уйти, кто-то пришел; вместо этого можно сказать с тем же значением: *калла хан де ну-га вассо*).

223. Употребление перечисленных выше послепричастных имен, равно как еще более частое употребление дес-причастных оборотов, является наиболее характерной чертой корейского языка. С помощью этих средств предложение может быть распространено до любых размеров. И хотя в корейском языке отсутствуют союзы, он все же богат различными средствами связи более или менее независимых предложений в одно целое, когда в этом появляется необходимость.

2. Глагольные имена существительные

227. Имена существительные образуются присоединением к глагольной основе ряда суффиксов. Большинство образований, употребляемых ныне как глагольные формы (например, *-та*, *-тэ*, *-чи*, *-ча* и т. д.), на деле являются именами существительными. Помимо указанных выше, есть еще ряд именных образований, не затронутых нами до сих пор. Наиболее важными из них являются:

228. 1) Глагольное существительное на *-ки* (восходит к **кви*). Посредством этого окончания идея глагола выражена в форме имени существительного; иными словами, таким путем выражается действие или качество как таковое, „в себе“. Такое имя склоняется и имеет полную падежную парадигму.

Именительный падеж: *хаги-га свипсо* (работать легко; это легко сделать); *поги до чокхо мёкки до маси исо* (на это приятно смотреть, приятно это также отведать); *нонъса хаги ва кыл комбу хаги-гэ соро тарин гэсэ* (обрабатывать землю и заниматься литературным трудом — абсолютно различные вещи); *похчонъ хаги мин*

хам'ян та чүри ида (если только вы будете посдуиним, я отдаю вам все); *ён гаджын цр'ыл мал ман хаги-нын сенеө до хэнь хаги-нын өр'ессо* (это только легко говорить о работе, какая бы она ни была, а вот делать ее трудно — гораздо легче говорить о деле, нежели его делать).

229. Очень часто, с целью подчеркнуть противопоставление, плеонастически употребляется именительный с последующей частицей *-нын*: *чокхи-нын чоссо* (хорошо-то оно хорошо); *чокхи-нын чохына* (хорошо-то оно хорошо, но...); *каги-нын ка до тараоджы-нын мот хаги*; *а* (*пойти-то я пойду, но назад не приду*).

Иногда это глагольное имя употребляется с последующим глаголом *хада* (делать); такой оборот является подчеркнутым: *оги до хаго каги до ханда* (*они как уходят, так и приходят*).

230. Местный падеж: *нөхый каги-е на до кагессо* (так как вы идете, то пойду и я); *кы сарам-и хим сеги-е орэ сал чул арассо* (так как он крепкий, человек, то проживет, я думаю, он долго); *и чхэк на тоги-е-нын чам-и эссо* (*эта книга по прочтении оказалась неинтересной*).

231. Винительный падеж; винительный падеж обычно употребляется как выражение объекта последующего действия; но он может также употребляться и как указание на последующую прямую или косвенную речь, являясь, таким образом, тождественным деепричастию цитации и слову *мар-и*: *кы и-га мар хаги-рыл и бөн-е-нын ккок тында го хайётта* (*он сказал, что на этот раз он непременно придет*); *не-га сүл мөкко нөрим хаги-рыл чоха хани намбонъ ио кунджа-нын анира* (*если вы любите выпить и еще играть в азартные игры, то вы повеса, а не порядочный человек*).

232. Творительный падеж; творительный падеж отглагольного имени употребляется в самых различных значениях, обычно в тех же, в каких употребляется твори-

тельный от обычного имени; наиболее часто, однако, причинное значение. Особенno следует отметить употребление этого падежа перед глаголом *чакчонъ хада* (решить): *кы сарам мар хаги-ро киджыммал-ло ариссо* (я думаю, что это ложный слух, поскольку это сказал он); *и мулгён-ыл саги-то чакчонъ хайессо* (я решил купить эту вещь).

233. Творительно-местный падеж на *-килэ* употребляется для выражения причины или цели. Окончание *-лэ* в южнокорейских диалектах употребляется только после глагольных имен на *-ки*; в севернокорейских диалектах оно же употребляется и после других имен: *чубок хаги-лэ йонъесо* (так как он сознался, то я простил его); *сырхø хаги-лэ кы ман түүнне* (так как это им не нравится, то я оставил так, как есть); *чал мөккиллэ тө чууссо* (поскольку он ел хорошо, я дал ему еще), ср. сев.-кор. *абиллэ* — для отца).

234. 2) Глагольное имя на *-м*, *-ым*. Это имя выражает либо действие, либо его результат, абстрактный или конкретный. Подобно прочим именам, оно имеет полную парадигму: *мидым-и саранъ хам ман катхи мот хамнэда* (вера — это не то же, что любовь); *саранъ хамесо тө чинанын гөс-и ёпсо* (нет ничего выше любви); *kyрø хам-ыро, ирø хам-ыро* (поэтому, потому); *абаджи-кке ку хам-е* (или хамэ) *чумá ко хасидора* (я попросил моего отца, и он обещал мне дать); *косэнъ хамыл тора поджи ани хаго* (не обращая внимания на трудности; невзирая на трудности); *сарым*, *салми* (жизнь); *алми* (знание) и т. д.

235. Глагольное имя на *-м* употребляется в официальном и юридическом языке как конечный глагол (см. п. 139). Из этой функции *-м* развилось настоящее время *на-му* и *-ме* (см. п. 140); с восклицательной частицей *-а* образовался промиссив (см. п. 163); недавними стяжениями являются формы *-м'ө* и *-м'өн*, *-м'өнсө*, восходящие к *м + энклитика нө* (от глагола „быть“), *м + нө = ныч с'ө* (см. п. 199, 200).

236. *Им* является отглагольным именем глагола-связки *ида*; начальный гласный *и* может опускаться, если связка следует за именем, кончающимся на гласный.

Формы *пода*, наряду с *пода*, *пумхөм*, наряду с *пумхө*, и некоторые другие отглагольные слова следует трактовать как подобного рода стяжения. Ср. *кырөм* из *кырехам*.

237. После глагольного имени на *-м* может быть присоединено *чык* (чык) (мера, размер; ср. турецк. *сац* — мера, монг. *čagla-ši-йгэй* — неизмеримый) с последующим *хада*: *пәмдҗык хада* (стоит посмотреть, вполне пригодно для того, чтобы смотреть); *мөгүмдҗык хада* (съедобно); как видим, значение оборота то же или почти то же, что и оборота „причастие будущего времени + *ман* + *хада*“: *пәл ман хада*, *мөгүл ман хада*. Часто употребляется следующий вариант рассмотренной конструкции: *пәмдҗык хада*, *мөгөмдҗык хада*; этот вариант не имеет особого оттенка значения. *Поам* и *мөгөм* являются сокращениями *поа им*, *мөгө им*.

238. Глагольное имя на *-м* может употребляться также в сложносоставных словах: *мидым* (вера) и *мидымджа* (верующий); *пом* (смотрение) и *помил* (поручение).

Глагольное имя на *-м* часто употребляется как объект к тому глаголу, от которого оно произведено: *чам чада* (спать сон > спать), *ккум ккуда* (видеть сон), *сарым сада* (живь жизнь > жить), *нöрүм нöда* (играть игру > играть), *корым кбда* (нарывать) и т. д.

Многие имена подобного рода восходят к ныне не существующим глаголам: *арым* (охапка; ср. маньчж. *alimbı* — принимать, турецк. *almaç* — брать), *пэгим* (следующий; ср. турецк. *ekî* — два).

Слова типа *чарымак* тоже содержат в себе *м*, осложненное древним именным суффиксом *-ак*, *-өк* и, таким образом, увязываются с глаголом *чарыда* (быть коротким).

239. 3) Глагольное имя на *-и*. Глагольное имя на *-и* функционирует и как существительное и как наречие.

Как имя существительное оно образуется и от активных глаголов и от глаголов качества: *нöлда* (играть) > *нöри* или *нöрым* (игра); *тылда* (входить) > *тыри* (вход); *тыри хада* (входить); *мёлда* (тащить, тянуть) > *мёри* (тяга), *мал мёриккун* (погонщик лошади, кучер); *кётта* (шагать) > *кёри* (улица); *чапта* (ловить, хватать) > *чаби* (ручка, ловля), *коги чабиккун* (рыболов); *нопта* (высокий) > *нолхи* (высота); *кинта* (глубокий) > *кипхи* (глубина, глубоко); *тарыда* (отличаться) > *тарым* (разница, отличие; также *тари*); *килда* (длинный) > *кири* (длина), *кирым*, *кирек*, *кирекчи* (длина), *кхогири* (слон, *кхо* — нос); *кхыда* (большой) > *кхый* (высота, рост); *паппуда* (спешить) > *пани* (быстро); *свишта* (легкий) > *сви* (старое *сиви* — легко); *мугөнта* (трудный) > *муге* (старое *мугви* — тяжесть, вес); *пурөнта* (завидный) > *пурөвөх хада* (завидовать), *пуре* (зависть, алчность) и т. д.

240. Бессспорно, что наречия на *-и*, если они произведены от глагола, являются не чем иным, как теми же глагольными именами на *-и*. Качественные глаголы с конечным *хада* образуют это наречие на *-хи*: *ка хада* (возможный) > *кахи* (можно); *кадык хада* (полный) > *кадыкхи* (полно); *кырө хада* (такой) > *кыри* (так); **өтта* (какой) > *өтчи* (как); *каман хада* (тихий) > *каманхи* (тихо); *пуджырөн хада* (прилежный) > *пуджырөнхи* (прилежно) и т. д.

-хи > *-ни*. Надо заметить, что сочетание *хи* обычно произносится и даже пишется без *х*, то есть как *ни*. Отсюда ясно, почему часто встречаем наречия, которые на первый взгляд оканчиваются на *ни* (*камани*, *пуджырөни* и т. д.). В действительности же, поскольку исходный глагол имеет *н*, относящееся к основе-корню, мнимое *ни* разлагается на *н + и*. Ср. аналогичное исчезновение *х* в наречиях типа *мани* наряду с *манхи* (много) от глагола *манхса* (многочисленный; восходит к *ман хада*).

Наконец, отметим еще наречие *өпси* в значении нашего предлога „без“; от глагола *өпта* — не быть; основа *өпс-*.

241. Следует заметить, что наряду с отглагольными наречиями на *-и* наречное значение может иметь и деепричастие будущего времени на *-ке*; разница в значении между этими двумя образованиями ощущается явно: *сэ-га нопхи наратта* (птица летела высоко), но *сэ-ги нопке наратта* (птица взлетела высоко); *манхи мөгөтта* (много съел), но *манкхе мөгөтта* (съел, поел порядком); *кхыге мар ханда* (разговаривают громко); *талли* (различным образом), но *тарыге* (с различным результатом); *наму тпурөги кипхи тырөгассо* (корни дерева ушли глубоко в землю), но *мактэ-рыл тта-е кипке тырөссо* (я воткнул мою трость глубоко в землю). Бесспорно, что разница в употреблении этих наречий существует, несмотря на ряд исключений; именно поэтому мы и находим такие пары, как *качхи* и *какке** (подобно); *ппалли* и *ппарыге* (быстро); *ппини* и *ппапуге* (быстро, живо); *сви* и *свинке* (легко); *өр'өн* и *өр'өнке* (с трудом); *ппини* и *наптыге* (плохо); *кевли* и *кевырыге* (лениво); *тымури* и *тымулге* (редко); *кахи* и *кахаге* (можно); *кадыкхи* и *кадык хаге* (полно) и т. д.

242. 4) Глагольные существительные на *-о*, *-у*. Производные имена на *-о* (после основ на *о* и *а*) и *-у* (после основ на любой гласный, кроме *а* и *о*), как кажется, восходят во многих случаях к образованиям с суффиксом *-ак*, *-өг*, в которых конечный согласный развился в гласный, как в слове *намо* (дерево; из *намйг*; ср. *намасин* — деревянная обувь). Подобного рода имена, образованные от некоторых глаголов, имеют вполне конкретное значение: *каро* (мука), сев.-кор. *карг-и* от глагола *калда* (молоть, размельчать, превращать в порошок, в муку); *чаро* (ручка), сев.-кор. *царг-и* от глагола *чалда*.

Многие слова этого типа ныне употребляются либо как прилагательные, либо как наречия: *мотта* (собирать) > *модо* (все), *то-моджи* (все вместе); *чатта* (быть частым) > *чаджо* (часто); **ач-* (открывать) > *аджо* (вполне); *матта* (встречать) > *маджо* (напротив); *нөмда* (оставаться) > *нөму* (очень); *турыда* (окружать) > *туру* (вокруг); *мэнта* (горький) > *мэу* (очень); *к'өнгтта* (неспособный к) > *к'өу*, *к'еу* (едва, с трудом; ср. гольдское

кеuke — нет, вероятно нет, едва ли); *парыда* (прямой) > *паро* (прямо); *ттарыда* (отличаться, быть другим) > *ттаро* (отлично); *кочхида* (быть перпендикулярным) > *кочхо*, *кочху* (перпендикулярно) и т. д.

Вторичные глагольные основы

243. От первичных глаголов могут быть образованы различного рода производные глаголы, которые выражают транзитивность, пассивность, начинательность. Некоторые формы таких вторичных глаголов столь часто используются для выражения учитивости, что ныне входят в paradigmу первичного глагола. Наиболее употребительными производными формами являются:

1) *-б-*, суффикс, имевший первоначально пассивное значение; вариантом его является *-бу-*, *-бы-*;

первичная основа *ус-*: *утта* (смеяться; прош. вр. *усөтта* — смеялся), *усым* (*уым*) (смех); вторичная основа **усып-* в глаголе *усыпта* (смешной; прош. вр. — *усывётта*);

первичная основа **кис-* (счастливый); вторичная — *киппу-* (*киппы-*) (рад), *киккөтта* (восходит к *киспу-*, *кискөб-*) (счастливый, радостный), *киккөвөтта* (был счастливым, был рад), *киккөум* (счастье), *киккөун* (счастливый);

первичная основа *мит-*: *митта* (верить; *мидөтта* — верил), *мидым* (вера); вторичная основа *мидып-*, откуда *мидыпта*, *мидуда* (достоверный, заслуживающий доверия), *мидум* (достоверность);

первичная основа *сөрх-* (чувствовать печаль), *сөрхым* (печаль); *сөлтта* (|| *сөлтхө* или *сөлвө* || *сөлтхын* — заслуживающий сожаления);

первичная основа *алх-* (вызывать боль, иметь боль); *ар(x)и*, *архым* (боль); вторичная основа **алх-*: *апхуда*, *апха*, *апхун* (больно), *апхым* (боль);

первичная основа *най-* (низкий); вторичная основа *найпьда*, *найпуда* (плохой, подлый).

Вторичный глагол *наппуда* (|| *наппа* || *наппун*) (спешить, быть занятым), *наппум*, *напни* (спешно); произведен от первичной основы **пас-* (ср. турецк. *bas* — давить) и кор. **пасчак* > *патчак* (плотно, туго).

244. Вторичные глаголы этого типа, например, *иита*, *исипта*, *ханта*, *мөгүнта* и т. д., не употребляются в декларативной форме; деепричастия прошедшего времени этих глаголов (**иев*, **исив*, **хава*, **мөгыв*) развились в *ио* (*шу*), *иссо* (*иссу*), *хао*, *мөгью* (сев.-кор. *мөгьу*) и вошли в спряжение первичных глаголов как их вежливые, учтивые формы; как таковые они употребляются в той же функции, что и декларативные, волятивные и вопросительные формы.

Легко понять, почему пассив более вежлив, нежели действительный залог.

Кроме деепричастия на *-о*, широко употребительны причастия; более учтиво сказать *хаор ида*, нежели *хир ида*; *хаон ида*, нежели *хан ида*; *хамнан ида*, нежели *хинан ида*. *Хамнан ида* соответствует литературному *хамнида*, которое произносится *хамнэда*; *хамнан и ида* дало *хамнида* в значении „говорит, делает“. Таким образом, большинство учтивых выражений восходит к пассиву на *-б-*.

Но дело не ограничивается только пассивными основами. Для выражения учтивости используются также и другие основы. Таковыми являются *-сай* (-сы-) и *-чи* (см. ниже).

245. Особо должны быть отмечены глаголы с окончаниями *-көнта*, *-рөнта*; будучи по значению качественными словами, они являются по своему происхождению пассивными формами от древних глаголов на *-ки* (-ки-, -кэ-) и *-рәй* (или *-р-*, *-л-*).

Например: *киккөнта* (рад), *киккөум* (сев.-кор. *киккөбүм* — радость), *кикке* (сев.-кор. *киккөби* — с радостью, радостно); ср. *киппуда* (рад) и первичную основу **кис*, встречаемую в старых памятниках; *муггөнта* (тяжелый), *муггөум* (тяжесть), *муге* (вес; восходит к *мугэви*, сев.-кор. *мугэби*), ср. *мусик хада* (тяжелый); *чылгөнта* (радостный), *чылгөвө хада* (радоваться) из *чылгиды* (радоваться); *пангата*, *пангиды* (счастливый).

Окончания *-рөнта*, *-рөнта* присоединяются к именам существительным: *хэ* (вред), *хэропта* (вредный); *сэ* (новый), *сэропта* (быть новым); *ö* (одинокий, единственный).

бропта (быть сиротой, быть одиноким) и т. д. Бессспорно, что эти пассивные образования предполагают глагольные основы типа *хэрә-*, *сэрә-*, *брә-* или что-либо в этом роде, поскольку качественные глаголы типа *хэропта*, *сэропта* предполагают в качестве предшествующей ступени отымённый глагол, а не само имя существительное.

246. 2) *-най-*, *-ны-*. Этот суффикс, образующий вторичную основу, является тождественным весьма древнему суффиксу **-ну-*, **-ны-* с начинательным значением. Некогда существовал глагол *хада* (быть большим), остатки которого прослеживаются в таких словах, как *хар-аби* (дедушка), *халми*, *хар-оми* (бабушка) и во многих других старых сложносоставных словах; от этого же глагола было произведено имя существительное *ханал* (небо; дословно: распостирающееся). Кроме того, многие весьма употребительные качественные глаголы, которые, как было сказано выше, не имеют причастия настоящего времени, тем не менее имеют формально тождественные окончания, которые можно понять как причастия прошедшего времени от вторичного глагола с суффиксом *-на-*: *кхыда* (быть большим), *кхын* (большой), *кхында* (стать, становиться большим), *кхынън* (становящийся большим); *килда* (быть длинным), *кин* (длинный), *кинда* (тянуться, распостираться), *кинън* (становящийся длинным). В старых памятниках можно найти много указаний на существование в прошлом подобного рода вторичных глаголов; например: *инсэнъэ йөхым иө модоми иннада* (в жизни человека если есть (бывает) разлука, то будет и встреча). Здесь *иннада* является таким вторичным глаголом с суффиксом *-на-* в значении „быть, быть в будущем“.

В сущности говоря, окончание причастия настоящего времени *-нын-* или *-найн-* этимологически является не чем иным, как соединением суффикса вторичного глагола *-най-* с причастием прошедшего времени.

В связи с этим стоит и повелительное наклонение неправильного типа с суффиксом *-най*, *-нө*: *онара*, *онөра* (иди сюда!).

247. От вторичного глагола с суффиксом *-нă-* может быть образована пассивная основа наращением *-б-*; *-нăб-*; этого рода образование ныне непродуктивно; пережитки его весьма незначительны. Таковым является причастие прошедшего времени на *-нōн-* (в старом написании, отражающем этимологию, *-нăбун-*, *-нăон-*), которое при некоторых глаголах до сих пор употребляется с последующим именем *-и*, то есть в форме, которую мы выше назвали деепричастием (пред)посылки: *нэ-га паранōни* (я бы смел надеяться). Деепричастие прошедшего времени от этого суффикса может употребляться в качестве заключительной формы предложения при условии, что оно сопровождается частицей *-ра*: *осиги-рыл паранōбра* (я питаю надежду на то, что вы соизволите прийти). Окончания *-нōни*, *-нōра* еще до сих пор широко употребляются в эпистолярном стиле корейского языка (вместо более ранних *-наон-и* и *-нао-ра*). В разговорном языке они, повидимому, не употребляются вовсе.

248. 3) -сă-, -сы-. Трудно сказать, какой дополнительный оттенок вносил этот суффикс в первоначальное значение глагола. Одно ясно: уже весьма давно ~~он~~ употребляется для выражения учтивости: *кăрайдэ* (он говорит), *кăрайсăдэ* (он изволит говорить); *хао* или *хасо* (восходит к *хăва* или *хăсăва* — делает, говорит). Этот суффикс вскрывается в таком слове, как *мутчанта* (изволить спрашивать; из **мут-са-б-*) от глагола *мутта* (|| *мурө* — спрашивать). Образования с суффиксом *-сă-*, *-сы-* употреблялись одно время чаще всего при глаголах качественного типа: *кипта* (быть глубоким), но *кипхью* (восходит к *кипхывө*) или *кипсо* (восходит к *кипсывө*), сев.-кор. *кипсу* (глубок). Из двух возможных вариантов, *кипхью* || *кипсо*, *мөгью* || *мөксо*, второй вариант, видимо, возобладал над первым. Ныне, как правило, эти формы учтивости образуются посредством окончания *-о* после гласной основы и посредством окончания *-со* после согласной основы: *поо*, *хао*, *ио*, *чуо* и т. д., но *мөксо*, *тыссо*, *кипсо*, *чапсо*, *пулко* и т. д.; формы *посо*, *хасо*, *ибо*, *чусо* редки в разговорном языке, а формы типа *мө-*

зыо, тырыо, кипхью, чабью, пулгью уступили место формам типа *мёксо*, *тыссо* и т. д.

249. 4) -си-. Это окончание, возможно, представляет собой фактитив на *-и* от рассмотренного выше окончания *-сā*, *-сы*; ныне оно имеет значение „изволить (делать то-то и то-то)“. Учтивые формы, рассмотренные до сих пор, употребляются, как правило, в присутствии того лица, к которому относятся по тем или иным причинам с уважением; при этом не принимается во внимание, кто или что является субъектом предложения. Наоборот, основы на *-си-* употребляются в том случае, когда речь идет о действии того лица, к которому по тем или иным причинам относятся с уважением. Например: *оги* (приход, прибытие), *осиги* (соизволение прибыть, прийти — о действии уважаемого лица); *нэ-га вассо* (я пришел), *чо огессо* (он придет), *өручинне-га осёссо* (мой отец пришел), *осигессо* (он придет), *өрунне* (старый человек), *өручинне* (уважаемый, старый человек, мой отец), *өрунне-да* (да вместо *ида*) (это мой отец), *өручинне-сида* (это мой (уважаемый) отец).

Подобного рода вторичные формы можно образовать от любого глагола. В некоторых грамматиках *-си-* определяется как „инфикс“ для выражения учтивости. Но корейский язык вообще не имеет инфиксов; на самом деле различие между, например, *өрунне-да* и *өручинне-сида*, *хада* и *хасида*, *мёкта* и *мёксида*, *хан* и *хасин*, *ин* и *исин* и т. д. зависит от существования в языке указанного выше старого типа так называемых вторичных глаголов.

В Южной Корее женщины вместо таких форм, как *мёксо* (ест), *хао* (делает), очень часто используют такие формы, как *мёкс'о*, *хас'о* и т. д., которые представляют собой явное сокращение *мёксно*, *хасио* и т. д. Подобного рода формы употребляются при обращении к мужчине; они содержат в себе вежливое „вы“ как указание на исполнителя действия.

250. В рассмотренных выше формах, названных нами бенедиктивом (просьба, мольба), встречается сочетание

суффикса *-си-* с суффиксом пассива *-б-*: *пэксөнъ-ы.т*
пх'өнъан хаге хас'ос'ө (о дай мир твоему народу!).
 Здесь исходной формой является деепричастие прошедшего времени от основы на *-си-б-*, осложненной окончанием *с'ө*. Вместо *-сиосө*, как наиболее вежливой формы обращения, можно употребить оптатив от той же основы: *п'өнъан хаге хасисе* (даруй нам мир!), *чуопсисе* (дайте, даруйте!).

251. В корейском языке очень распространены сложные формы учтивости, которые представляют собой простое скопление более элементарных форм: (от чуда — давать) *чусида*, **чупта*, **чуопта* (раньше *чусапта*), *чупсида*, *чуопсида* и **чуопсипта*.

252. Производная от глагола *ида* вторичная основа *исида* избежала общей для всего языка тенденции к использованию вторичной основы этого рода для выражения учтивости и сохранилась в виде *итта* || *иссө* || *иссын* (наряду со старыми формами *ис'ө*, *исин*, *иссин*) как нейтральный глагол. Старое деепричастие *ис'ө* употреблялось как своего рода знак разделения предложения на более мелкие отрезки (сочиненного типа); утеряв начальный гласный, то есть превратившись в *с'ө>сө*, это деепричастие приняло на себя функцию эссивной частицы. Эта частица рассматривалась выше, при объяснении именной парадигмы (*чиб-е* — в доме, *чиб-есө* — из дома, *сарам-ыро* — к человеку, *сарам-ыросө* — что касается человека, *сөул* — столица, *сөул-сө* — из столицы), а также в главе о деепричастиях, где указывалось на то, что деепричастия настоящего времени (-ко), прошедшего (-а, -ө) и условные (-м'өн) очень часто могут сопровождаться этой частицей эссива.

В вежливой речи глагол *итта* заменяется глаголом *кесида* (пишется *к'өсида*), который восходит к *к'өи* *исида* со значением „жить, оставаться, существовать“.

253. Слово *сири*, которое употребляется после деепричастия будущего времени (*хаге сири*), является одной из старых форм глагола *исида*.

Фактитив

254. Мы подразделили все корейские глаголы на два класса: глаголы действия и глаголы качественные. От каждого из этих классов может быть образована вторичная основа, которую мы назовем фактитивом. Если глагол является качественным, как, например, *марыда* (сухой), *мэлда* (далекий), *тепта* (теплый), то фактитив имеет значение переходности, короче говоря, он превращает качественный глагол в переходный глагол действия: *маллида* (сушить), *мэллда* (делать далеким, увеличивать расстояние), *теда* (из **тесида*) (подогревать) и т. д. Если же глагол имеет переходное значение, то фактитив выражает либо побуждение, либо пассивность. Иногда утверждают в своей грамматике, что корейский глагол имеет три залога: активный, побудительный и страдательный. Но поскольку между пассивом и каузативом в действительности нет ни грамматической, ни фонетической разницы, поскольку пассив и каузатив фактически являются одним и тем же залогом, хотя этот один залог и может переводиться двояко: *пода* — смотреть (активный глагол), но *поида* — показывать (каузатив) и показываться, виднеться (пассив).

Что касается окончаний, то здесь господствует странная неустойчивость; все же можно, пожалуй, выделить три различных суффикса:

- 1) -и-, -ги-, -хи-,
- 2) -у-, -гу-, -ху-,
- 3) -чхи- (восходит к -*тхи-*), сев.-кор., -*тххи-*.

255. Выходит, таким образом, что фактитив должен усваиваться в каждом случае особо как в отношении смысла, так и в отношении формы. Все же, как правило, фактитив от глаголов с гласным в исходе основы образуется с помощью суффикса -у-, а от глаголов с согласным в исходе основы с помощью суффикса -и-. Многие глаголы исторически являются такими фактитивами на -и- без соответствующего ему активного глагола без -и-: *кидэрда*, сев.-кор. *кидэргуда* (ждать), *парида*

(отпустить, бросить), *сугида* (опустить голову, поникнуть головой), *кытчида* (кончать; ср. *кым* — конец).

Некоторые примеры:

А. Глаголы с основой на гласный

пода — смотреть

сөда — стоять

нада — выходить

пхида — цветсти

ссыда — употреблять, писать

оруда — подниматься

пурьда — звать

хырыда — течь

мурьда — мягкий

Б. Глаголы с основой на согласный

алда — знать

салда — жить

пилда — просить, занимать
мулда — кусать

өлда — замерзать

нөлда — широкий
тылда — входить

Фактивитив

поида, пёда — показывать,
быть видным

пойда, пёуда — показывать
седа, сеуда — ставить
нэда (из *наида*) — выпускать

пхиуда, пхида — дать
расцвести

ссыуда — заставлять тратить, диктовать

оллида — поднимать

пуллида — быть позванным

хыллида — заставлять

течь, выливать

муллида — размягчать (например, пищу путем варки)

Фактивитив

аллида, сев.-кор. аргуда — давать знать, информировать

саллида, сев.-кор. саргуда — спасать

пиллида — давать в долг

муллида — быть укушенным

өллида, өлгуда — замораживать

нөллида — расширять

тырида — преподносить

<i>тхылда</i> — крутить	<i>тхыллида</i> — быть скрученным
<i>тылта</i> — слушать	<i>тыллида, тыккида</i> — слышаться, заставлять слушать, рассказывать
<i>татта</i> — бежать	<i>таллида</i> — гнать (лошадь)
<i>көттә</i> — идти пешком, шагать	<i>көллида</i> — вести
<i>нотхә</i> — отпускать	<i>нотчихида</i> — позволить уйти
<i>кылтха</i> — кипеть, вариться	<i>кыллида</i> — варить
<i>төпта</i> — теплый	<i>теда</i> — подогревать
<i>каккапта</i> — близкий	<i>каккаида</i> — приносить ближе
<i>чопта</i> — узкий	<i>чопчихида</i> — делать узким
<i>ссөкта</i> — гнить	<i>ссөгида</i> — гноить
<i>нокта</i> — таять	<i>ногида</i> — растопить
<i>мөкта</i> — есть	<i>мөгида</i> — кормить
<i>латта</i> — получать	<i>пачхида</i> — давать
<i>утта</i> — смеяться	<i>үккида</i> — смешить
<i>сситта</i> — мыть	<i>ссиккида</i> — быть вымытым
<i>нолтта</i> — высокий	<i>нолхида</i> — делать высоким
<i>нэлтта</i> — широкий	<i>нэлхихида</i> — делать широким
<i>антта</i> — сидеть	<i>анчхихида</i> — сажать
<i>синда</i> — обуваться	<i>синъгида</i> — обувать
<i>кулмда</i> — голодный	<i>кумгида</i> — оставлять голодным
<i>олмда</i> — перемещаться с одного места на другое	<i>омгигида</i> — перемещать с одного места на другое
<i>пөттә</i> — раздеваться	<i>пөккида</i> — раздевать
<i>чапта</i> — схватить, поймать	<i>чапхихида</i> — быть схваченным, быть пойманым
<i>копта</i> — быть согнутым	<i>кочхихида</i> — сгибать
<i>плээтта</i> — грабить, отбирать	<i>плэаккида</i> — быть ограбленным
<i>мутта</i> — хоронить, закапывать	<i>мутчихида</i> — быть похороненным, быть закопанным

256. Окончания *-ги-* и *-гу-*, как кажется, с течением времени в процессе развития языка дали *-хи-* и *-ху-*, а *-хи-* и *-ху-*, видимо, потеряли начальное *х*: поскольку суффикс был живым элементом языка, поскольку новые варианты появлялись по аналогии. Если у глагола *алда* (знать) имеются такие фактитивы, как *ароида* (< *алæп-*) (давать знать, доводить до сведения), *арида*, сев.-кор. *аргуда* и юж.-кор. *аллида* (дать знать), то последние два являются более новыми образованиями, а *ароида* и *арида* — более древними, что подтверждается гольдским глаголом *alo-*, *alosi-* (учить). Не ясно, были ли суффиксы *-(г)и-* и *-(г)у-* двумя различными суффиксами или только двумя вариантами более древнего окончания. С другой стороны, ясно, что сев.-кор. **-тхи-*, употребляемый при образовании фактитива, является древним суффиксом; он соответствует турецкому *-ti-*, монгольскому ~~ти~~ *-či-*, тунгусскому *-ti-*, *-či-* — окончаниям, выражющим переходное действие.

257. Как было сказано выше (см. деепричастие будущего времени), в корейском языке употребляются описательные обороты: *-ке хада* для выражения каузатива и *-ке тёда* для выражения пассива: *нопта* (быть высоким), *нопхиды* или *нопке хада* (делать высоким); *мёкта* (есть), *мёгиды* или *мёкке хада* (кормить), *мёгиды* или *мёкке тёда* (быть съеденным). Описательные обороты употребляются в том случае, если не ясен способ образования фактитива или когда значение фактитива двусмысленно. От ряда глаголов фактитив больше не употребляется; с другой стороны, есть много глаголов, которые только кажутся фактитивами, являясь на деле отыменными образованиями: *кугыда* (звать) от *кук* (зев сокольничего; ср. тунг. *ки-ni-m* — звать свистом).

Прочие отглагольные глаголы

258. В корейском языке есть целая группа глаголов, которые употреблялись только в форме деепричастия прошедшего времени и которые имеют вторичную основу *-ыл-*, *-ыр-*; это окончание, видимо, является знаком

интранзитивности. Такие формы сопровождаются глаголом *чида* (становиться) (сев.-кор. *дидা*). Соответствующий транзитив образуется путем замены глагола *чида* глаголом *чхида* (сев.-кор. *тхида* — бить, ударять) или глаголом *тхэрида* (который самостоятельно не употребляется); для этой же цели может использоваться глагольная основа с окончанием *-ри-*, которое, возможно, является фактитивом на *-и-* от вышеуказанной основы на *-ыл-*:

пусө-джида (разбиться), но *пусө-чхида* или *пусө-тхэрида* (разбить); *пусырө-джида* (разбиться), но *пусырө-чхида*, или *пусырө-тхэрида*, или *пусырида* (разбить);

нукта (быть мягким), *нугө-джида* или *нугырө-джида* (стать мягким), но *нугырө-чхида* или *нугырида* (ср. также *нугида*) (делать мягким, смягчать);

нөллта (широкий), *нөлбэ-джида* или *нөлбүрө-джида* (стать широким, расстираться), но *нөлбүрө-чхида*, или *нөлбүрө-тхэрида*, или *нөлбүрида* (делать широким, разравнивать);

өпти (опрокидывать вверх дном, перевертывать), *өпхө-джида* или *өпхырө-джида* (перевернуться вверх дном, опрокинуться), но *өпчхида* или *өпхырө-чхида*, *өпхырө-тхэрида*, *өпхырида* (опрокинуть), *өптырө-тхэрида* или *өптырида* (уронить,бросить вниз);

нөмө-джида, *нөмырө-джида* (упасть, кувырнуться), но *нөмө-чхида*, или *нөмө-тхэрида*, или *нөмырө-тхэрида* (уронить, свалить); ср. *нөмчхида* (переливаться через край);

сукта (наклониться вперед), *сугө-джида* или *сугырө-джида* (потупиться, опустить голову вниз), но *сугида* или *сугырө-тхэрида* (опустить голову);

купта, или *кубө-джида*, или *кубырө-джида* (быть согнутым), но *кубырө-чхида*, или *купхида*, или *купхирода*, или *кубырида* (согнуть);

натта (низкий), *наджири нөгида* (смотреть с презрением).

259. Суффикс *-р-* может быть прослежен и в ряде других образований, например в глаголе *пхурыда* (быть зеленым), *пхурын* (зеленый), *пхурыгин* (зеленоватый) из

пхул (трава); *кырθ хада, иρθ хада, чөрθ хада* (быть таким) из местоимений *кы*, *и*, *чө*.

Отымённые глаголы

260. Во многих случаях мы замечаем этимологическую связь между глаголом и именем, когда они в чем-либо сходны по значению: В большинстве случаев при сопоставлении оказывается, что имя короче и, таким образом, видимо, ближе к первообразной форме. Однако часто оказывается не легко объяснить тот элемент, который является суффиксом или детерминативом корня; объяснению не поддается ни его форма, ни его значение.

Вот примеры, иллюстрирующие это:

(суффикс *к*): *мул* (вода), *мулкта* (жидкий, водянистый); *пул* (огонь), *пулкта* (красный); *ол* (нитка [ткани]), *олкта* (связывать, перевязывать); *пурθ-джида* (разбиться), но *пулгθ-джида* (разбиться, с элементом *к*); **кул* (ср. турецк. *kürt* — жирный, толстый, монг. *kürij* — толстый, тунг. *kurθe-* — распухать), *кулкта* (толстый);

(суффикс *п*): *пал* (нога), *пälкта* (ступать, наступать); *нэлда* (расстилать); *нэлкта* (широкий);

(суффикс *у*): *мул* (вода), *мурыда*, *муруда* (водянистый); *пхул* (трава), *пхуруда* (*пхурулда*) (зеленый);

(суффикс *а*): *чал* (хорошо, достаточно), *чарада* (достаточный), *моджарада* (недостаточный);

(суффикс *и*): *хэ* (день, солнце), *хэйθ хада* (быть белым), *хыйда* (быть белым); *пэ* (живот), *пэда* (забеременеть); *ттый* (пояс), *ттыйда* (подпоясываться); *тии* (зад, позади), *тида* (искать, гнаться за); *ча* (ча — единица длины), *чэда* (мерить [длину]).

261. Производные слова этого рода унаследованы современным языком с архаических времен; но наряду с этим имеется некоторое число окончаний, которые являются продуктивными и употребляются для образования новых слов:

1) *-ропта, -рөпта* (см. п. 245),

2) *-сыропта, -сырөпта* — суффиксы, образующие качественные глаголы со значением „достойный“, „склонный к“:

төк (добродетель), *төксиропта* (добродетельный),
сарам (человек), *сарамсыропта* (человечный),
сарань (любовь), *соранъсыропта* (восхитительный;
 ср. *сарань хада* — любить),
исанъ (удивление), *исанъсыропта* (удивительный),
пулкта (красный), *пулгысыропта* (красноватый),
хыйда (белый), *хыйсыропта* (беловатый).

Глаголам на *-сыропта* соответствуют имена на *-сырөм* (вместо **-сыроум*); такие имена в сочетании с глаголом *хада* служат для выражения качественных понятий с тем же значением: *исанъсыропта* или *исанъсырөм хада* (удивительный), *пулгысыропта* или *пулгысырөм хада* (красноватый) и т. д.

262. 3) *-тапта* — окончание со значением „быть похожим“, „быть подобным“, „обладающий качеством, природой“:

сарамдалта (обладающий качествами человека, гуманный),
аранъ (красота (?)), *аранъдалта* (красивый),
чин сил (правда), *чин силдалта* (надежный),
сарань (любовь), *сарандалта* (любезный, милый),
(н)иє (учтивость), *ниедалта* (учтивый).

263. 4) *-көрида* или *-кіда*. Это окончание встречаем после ономатопеических (звукоподражательных) слов. Синонимом этого окончания является *-тэда*.

264. 5) *-тэда* (вероятно, **-тайда* или, быть может, **танида*). Оба эти окончания безударны. Ономатопеическое слово, оформленное окончаниями *-көрида* или *-тэда*, может оформляться также окончанием *хада*; но в этом случае это ономатопеическое слово удваивается:

сугынъгида, *сугынъгөрида*, *сугындэда*, *сугын-сугын хада* (шептать),
суктөгигида, *суктөгөрида*, *суктөктэда*, *суктөк-суктөк хада* (говорить по секрету, говорить на ухо),

пхалланъгида, пхалланъгөрида, пхалланъдэда, пхаллань-пхаллань хада (колохаться, развеваться),
пхуллонъгида, пхуллонъгөрида, пхуллонъдэда, пхуллонь-пхуллонь хада (развеваться),
чөбөгида, чөбөгөрида, чөбөктэда, чөбөк-чөбөк хада (скрипеть),
тылкхынгида, тылкхынгөрида, тылкхынчдэда, тылкхын-тылкхын хада (злить),
чалгынгида, чалгынгөрида, чалгындэда, чалгын-чалгын хада (громко грызть),
чалкаккида, чалкаккөрида, чалкакктэда, чалкак-чалкак хада (хлопать, шлепать) и т. д.

О специфическом употреблении некоторых глаголов

265. Ниже приводится ряд глаголов, которые представляют некоторые особенности либо в отношении формы, либо в отношении некоторых неожиданных оттенков в их значении.

Первыми среди них надо упомянуть *ида* (быть), *исида* (быть) и *хада* (делать, говорить, быть); эти глаголы употребляются столь часто, что имеют полное право быть названы вспомогательными.

266. 1)ида. Как уже говорилось выше (см. п. 193, 223), первоначально краткий гласный основы этого глагола часто опускается после предшествующего гласного другого слова. Это создает впечатление спрягаемости того имени существительного, к которому присоединяется такой глагол, поскольку после выпадения гласного *и* от вспомогательного глагола фактически остается только одно окончание: *со-да* (это бык; от *со* — бык, корова), *со-де*, *со-дэра* (это была корова, это был вол), *со-дөн горо* (так как это был вол [корова]), *со-дөн-джи мар идөн-джи* (бык это или конь...); *со-м'ён* (если это бык [корова]), *со-да га* (поскольку это вол); *сарам-ио* (это человек); *мөкке йо* (это следует кушать), *мөкчи-о* (я думаю, что он ест; из *мөкчи-ио*), *мөгөт йо* (ест), *ка-йо* (идет; *йо* из *ио* — есть).

Эта способность глагола *ида* терять основной элемент *и*, то есть сам корень глагола, и изменять его в *й* является одной из специфических черт корейского языка, которая не всегда правильно понимается. Кроме того, и это также надо иметь в виду, окончание *-ке*, если за ним следует *ин*, *идэ*, сливается с ним в одно окончание *-кён*, *-кёдэ*; *мёктё-н поп* (каша, которую я было ел), *мёккёдён* (если бы я ел), *мёккён поп* (каша, которую предназначалось съесть).

267. 2) имта. Этот глагол в сочетании с деепричастиями прошедшего и будущего времени служит для образования сложных времен; он точно так же может терять свой гласный *и*: *имта* (быть), *иссё-тта* (был), *икке-тта* (будет), *икке-ссё-тта* (должно быть, был) и т. д. Утеря гласного *и* имеет место и тогда, когда *имта* оказывается безударным: *орэ-тта* или *орэ-ссё* (это было давно). См. также частицу *-сё* или *-с'ё* вместо первоначального *ис'ё* (см. п. 252), частицу *сири* после деепричастия будущего времени (см. п. 253).

268. 3) хада. Это один из наиболее употребительных глаголов; он, как это ни странно, употребляется и в активном и в пассивном значении и как глагол действия и как глагол качества. Перевод его „делать“ не охватывает всех его значений. Подобно его фонетическим эквивалентам в маньчжурском (*se-nibi* — делать, значить), японском (*суро* — делать, говорить, быть; ср. корейское *мар хада* <^{*}мал сада с малсам<^{*}мал сэм — слово, высказывание), он является глаголом с самым широким значением, так сказать, глаголом глаголов. После имен существительных он служит для образования качественных глаголов или, если имеется в виду активное значение, транзитивных глаголов. В первом случае он имеет значение „быть“, во втором случае он означает „делать“. В последнем случае имя существительное может оформляться винительным падежом, если имеется в виду не объект вообще, а определенный, специфический объект. При деепричастии прошедшего времени качественных глаголов *хада* означает — считать что-либо чем-либо:

чоха хада (считать это хорошим, одобрять), *акхайθ хада* (считать плохим, не одобрять); ср. также *ккаматха* (быть черным-черным) из *ккама хада*. После деепричастия будущего времени *хада* означает „делать, заставлять“: *чокхе хада* (делать хорошим, улучшать), *мækке хада* (кормить). Присоединение *хада* к *ман* (мера, размер, количество) дает *ман хада*, ныне *мантха* (многочисленный); есть целый ряд глаголов, которые, как кажется, являются сокращением сочетания „имя + *хада*“. Сочетание отрицательных частиц *мот* (не; с оттенком потенциальности) и *ани* (не) с *хада*, то есть *мот хада*, *ани хада*, употребляется как средство выражения отрицания: *мækчи мот ханда* (я не ем), *мækчи ани хада* (я не хочу есть); ср. иные образования с тем же значением: *мот мөнъында*, *ани мөнъында*. Сочетание *ани хада* часто сокращается в *антха*, *ани хадθ* — в *антхθ*, *ани хаго* — в *анкхо*, *ани хаге* — в *анкхе*; ср., однако, иной тип сокращения: *ани хан* — в *анин*, *ани хайθ* — в *анзи* и т. д. Так как звук *х* является слабым, если только он вообще произносится, то основа глагола *хада* часто исчезает вообще; остаются одни окончания, в частности, во всех случаях там, где предшествующим гласным оказывается долгое *а* или *о*. Такое сокращение обычно в том случае, когда *хада* следует за другим глаголом и означает „говорить, думать, значить“, или когда он является эквивалентом *мар хада* (говорить; *мар* — слово, высказывание, речь): *мæгылла хада* или *мæгыллада* (собираться поесть), *мæгыра хада* или *мæгырода* (сказать: ешь; сказать, чтобы он ел), *мæгымä хада* или *мæгымада* (обещать есть), *мæгымä хаджи ани хада*, или сокращенно *мæгымаджантха* (не обещать есть), *мækча хада* или *мækчада* (сказать: давай есть) и т. д.; *кырθ хада* (быть так), *кырθхан*, или сокращенно *кырθн* (такой); *өттөх хада*, *өттөхан*, или сокращенно *өттөн* (какой).

В ряде случаев трудно решить, какой глагол, *хада* или *иди*, входит в состав сокращенной формы; так *поди* может быть сокращением и *пода им* и *пода хам*; то же самое относится к *пумхси* (из), *чхвери* (подобно).

Если эти вышеприведенные глаголы могут быть названы вспомогательными, то глаголы, о которых пойдет

речь ниже, можно было бы назвать модифицирующими. Многие из них употребляются для выражения особых сторон, оттенков действия. Мы перечисляем только некоторые из них, не претендуя на полноту или точность изложения.

269. 4) чида(джида), сев.-кор. тида(дида) (становиться). Этот глагол употребляется после имен и особенно часто после деепричастия прошедшего времени глаголов; он служит для выражения начинательности или интранзитивности. Нередко производящий глагол отсутствует, сохранившись только в составе производного глагола: *чаппа джида* (упасть на спину), *ттөрө джида* (упасть), *пурө джида* (сломаться). Исходными формами должны были бы быть **чаппыда*, **ттөлда*, *пүтта* (или *пүлда?*). От непереходных глаголов с помощью чида образуется глагол со значением „все более и более“.

<i>чөлміда</i> — быть молодым	<i>чөлмө джида</i> — становиться молодым, молодеть
<i>пулкта</i> — быть красным	<i>пулғө джида</i> — становиться красным, краснеть
<i>өдүпта</i> — быть темным	<i>өдүвө джида</i> — становиться темным, темнеть
<i>салмда</i> — варить	<i>салма джида</i> — свариться, поспевать
<i>ккөкта</i> — сломать	<i>ккөккө джида</i> — сломаться, стать сломанным
<i>өпта</i> — опрокидывать	<i>өпхө джида</i> — опрокинуться

От вспомогательного глагола чида может быть образована форма *джө*, которая в сочетании с *хада* (*джө хада*) служит для выражения желания: „желать, чтобы нечто стало тем-то и тем-то“. Иногда находим от этого же глагола косвенный императив *чира > джира* (да будет!), который употребляется после деепричастия прошедшего времени основного глагола. Возможно также, особенно в старом языке, сочетание *джө ида*.

Пх'өнъян хан код-есө свийө джө ида (молю, чтобы он отдохнул в этом мирном месте), *бынъх ги ыйвөн-и тбйө джө ида* (я хотел бы быть хорошим доктором), *мөккө*

джə хая талла го хайессо (я захотел есть и сказал, чтобы мне дали).

Деепричастие настоящего времени *чиго* от глагола *чида* после деепричастия настоящего времени основного глагола служит для выражения сильного желания, направленного на объект, обладание которым либо невозможно, либо сопряжено с исключительными трудностями: *к'ёнъсанъ камса хаго джиго* (ох, как бы я хотел быть губернатором Кёnsандо!); *ёнъми понътханъ мөкко джиго* (о, как бы я хотел отведать мяса дракона и супа из феникса!).

270. б) чида и тхөрида. Оба глагола имеют одно и то же значение. Они превращают непереходный глагол в переходный. В некоторых случаях глагол *чида*, видимо, тождествен глаголу *чида* со значением „бить, ударять“; в других случаях усматривается некоторая связь с окончанием фактивика *чида*. Вероятно, что *чида* (сев.-кор. *тида*) и *тхөрида* являются такими же вариантами, как и окончания *-көрида*, *-кида* или *-пурода* и *-пуда*. Где *чида* образует непереходный глагол, там *тхөрида* и *чида* после деепричастия прошедшего времени образуют соответствующий переходный глагол.

Непереходный

ппада — упасть в воду

ппаджида — утонуть

нөмөджида — упасть

пусөджида — сломаться

Переходный

ппачида — утопить, погружать в воду (*ппатхөрида* — с тем же значением)

нөмөтхөрида — уронить

пусөтхөрида — разбить

Глагол *чида* (бить, ударять) может иметь при себе объект — имя существительное; значение *чида* в этом случае столь разнообразно, что не поддается определению; точно так же невозможно дать правила, в каком случае нужно употреблять это сочетание: *пхунъ* (ветер), но *пхунъ чида* (преувеличивать); *талк* (курица), но *талк чида* (держать кур; дословно: бить кур); *че чида* (просеивать).

271. 6) *када* (идти). Этот глагол употребляется для выражения нарастающего или продолжающегося действия, которое выражается в предшествующем глаголе. После глаголов движения *када* является плеоназмом: *писсада* (дорогой), *писса гада* (дорожать; все дорожать и дорожать); *пэхода* (учиться), *пэхва гада* (продолжать учиться); *нада* (выходит), *на гада* (выходить); *толда* (поворачиваться), *тора гада* (вернуться; вежливо: скончаться; еще более вежливым оборотом будет: *тора гасида*); *хада* (делать), *хайθ гада* (продолжать делать).

7) *ода* (приходит). Этот глагол употребляется иногда в значении „становиться“; он указывает также на то, что действие приближается к говорящему. Глаголы *када* и *ода* служат для уточнения направления движения: *нагсида* (выходить [отсюда]), но *на ода* (выходит [сюда]), *каджэ гада* (принести [туда]), уносить, но *каджэ ода* (принести [сюда]); *ирθ гада*, *ирθ ода* (появляться), *чина гада* (проходить [туда, удаляясь от говорящего]), *чина ода* (проходить [сюда, в направлении говорящего]); *тöда* (становиться), но *тöйθ гада* или *тöйθ ода* (наступать).

В окончании *-тода*, которое употребляется в восклицательных предложениях в том же значении, что и демонстративное окончание *-та* (*хадода* или *хада*, *тöдода* или *тöда*), имеем, видимо, не глагол *ода*, но сочетание *та* и *ида*, причем последнее восходит к **енда* (быть). Глагол *ода* тождественен с маньчжурским и тунгусским *ода* (становиться), тогда как корейское *чида* (становиться) тождественно с маньчжурским *-зi-* и гольдским *did-* (приходить).

Примечание: Надо заметить, что там, где мы употребляем глагол „приходить“, кореец часто использует глагол „идти, уходить“; мы говорим: я завтра приду к вам; кореец же говорит: завтра я войду к вам.

272. 8) *нада* (выходить из), фактитив *нэда* (из *наида*) (вынимать); как вспомогательный, этот глагол соответствует чаще всего значению нашего предлога „вы-“: *канада* (выходить), *нагада* (выходить) *ттёнада* (отправляться из; от глагола *ттыда*), *ирёнада* (вставать), *чинада* (ходить), *понэда* (послать, отправлять).

После имен существительных *нада* имеет значение „образовываться, появляться“: *нок* (ржавчина), *нок нада* > *нонънада* (заржаветь, стать ржавым); *ттам* (пот), *ттам нада* (потеть); *пул* (огонь), *пул нада* > *пуллада* (загореться); *пул нэда* > *пуллэда* (зажечь); *йөкченъ* (гнев), *йөкченъ нада* (рассердиться), *йөкченъ нэда* (вызвать гнев, рассердить).

Ср. манъчж. *ðafambi* (брать), *ðafanambi* (пойти взять), *ðafaðimbi* (прийти взяты) и т. д. и тунг. *iсёгеп* (видит, смотрит), *itnagan* (идет посмотреть), а также манъчж. *иціјаха* (червь), *иціјахапамби* (оказаться кишающим червями), *suihe* (колос [пшеницы]), *suihenembi* (колоситься).

273. 9) *туда* (класть, положить),

10) *нотха* (отпускать),

11) *нётха* (вкладывать, класть в).

Эти три глагола являются перфективными; это значит, что они употребляются для того, чтобы выразить устойчивый результат того действия, которое дано в предшествующем глаголе: *ссыда* (писать), *ссө нотха*, *ссө туда* (записать); *илтха* (потерять), *ирхө нотха* (окончательно потерять); *омгода* (переносить), *омг'ө нотха* (оставить перенесенным).

Выражение *кыман туда* или *коман туда* означает „оставить это так, как оно есть“: *коман тузио* (оставьте это так!).

274. 12) *пода* (смотреть, видеть). Этот глагол, будучи вспомогательным, имеет значение „пробовать, пытаться“: *ка поара* (попробуй пойти; но также: пойди и посмотри!), *ибо поара* (попробуй одеть!), *чхэг-ыл илгө поассымника* (пробовали ли вы читать эту книгу?).

Глагол *пода* употребляется также в значении качественного слова в смысле „кажется“; в этом случае предшествующий ему основной глагол оформлен вопросительной частицей *-ка* или *-я*: *ни-га онын га пода* (кажется, идет дождь), *ни-га ол ка пода* (кажется, пойдет дождь; боюсь, что пойдет дождь), *ттөрөджил ка пода* (боюсь, что он упадет). Очень часто сочетание причастия

на *-нын* с вопросительной частицей *ка* (перед *пода*) сокращается в *на: пи-га онā пода* вместо *пи-га онын га пода*.

Пода, деепричастие прошедшего времени от глагола *пода*, после вопросительной частицы *ка* сокращается в *ба*; образующееся сочетание *каба* является новой вопросительной частицей с оттенком сомнения: *ол каба* (да придет ли он?), но *ол ка* (придет ли он?).

Наконец, *пода* может употребляться со значением „чем“ для выражения сравнения: *и гээт чө гээт пода чоссо* (это лучше, чем то) (см. „Глагольные послелоги“, п. 285).

275. 13) *памта* (получать), фактитив *памчхиды* (давать). Глагол *памта* употребляется в ряде случаев для выражения того, что действие совершается в интересах самого говорящего (подлежащего): *сыда* (писать), но *ссө памта* (получить написанное); *капта* (платить), но *капха памта* (получать платеж). После некоторых глаголов с пассивным значением *памта* подчеркивает уже наличную пассивность (получить наказание, то есть быть наказанным).

276. 14) *чуда* (давать) (учтиво: *чуупта*, *чуонта*, *чу, сида*) и *памчхиды* (заставить получить, то есть дать) *тырида* (поднимать, предлагать, преподносить). Эти глаголы противоположны по значению рассмотренному выше *памта*. Они употребляются для того, чтобы показать, что действие совершается в интересах другого лица: *пхулда* (освободить, развязывать), *пхурө памта* (получить развязанное), *пхурө чуда* (развязать для другого), *пхурө ноттха* (оставить развязанным), *пхурө джисда* (стать развязанным, оказаться развязанным); *пхурө тхөрида* (сделать развязанным); *мөкта* (кушать, есть), *мөгө чуда* (есть [по желанию другого]); *алда* (знать), *ара чуда* (допускать, признавать), *аллтда* (дать знать), *алл'ө чуда* (опубликовать); *тытта* (слушать), *тырө чуда* (выслушивать), *тöпта* (помогать), *тöда чуда* (оказывать помощь) и т. д.

277. 15) *каджиды* (брать, держать). Деепричастие настоящего времени глагола *каджиго* (держа) часто

употребляется в значении русского союза „с“: *пхё-рыл са каджиго тырøгада* (войти, купив билет > войти с купленным билетом).

278. 16) *пøрида*, *пáрида* и иногда (сокращенно?) *пуда* (бросить прочь); в таком значении этот глагол вряд ли употребляется самостоятельно. Обычно он следит за деепричастием прошедшего времени другого глагола и в этом случае означает „полностью“: *иитта* (забыть), *иджøтта* (забыл), но *иджø пøрида*, *иджø ппарида* (совсем забыть); *илтха* (потерять), *ирхø бøрида*, *ирхø ппурида* (потерять невозвратно).

279. 17) *мøкта* (есть, кушать). Этот глагол употребляется часто в сочетании с именами существительными, переводя их в разряд глаголов: *нà* (возраст, *год*); *нà мøкта* (съесть годы > стать старым, состариться); *тøви мøкта* (съесть жар > получить солнечный удар); *нэ мøкта* (съесть дым > быть глупым); *ёк мøкта* > *ёнымøкта* (съесть оскорбление > быть оскорблённым).

280. 18) *тöда* (становиться); после деепричастия будущего времени основного глагола является знаком пассива: *мøкке тöда* (быть съеденным, стать съеденным). Возможно употребление и с другими глагольными формами.

После имени существительного *тöда* является своего рода связкой; в этом случае присвязочный член, то есть то имя существительное, которое выражает, во что превращается или чем становится подлежащее, оформляется окончаниями *-и* или *-га*: *и гøс-и чохын гøс-и тöнда* (это оказывается хорошей вещью), *кы сарам-и пуджа-га тойøтта* (он стал богатым человеком).

281. 19) *сипта*, *сибуда* (основа *сиб-*, *сибу-*, *сипхы-*) является качественным глаголом со значением „быть приятным“. Он употребляется также в значении „хотеть“. Предшествующий ему глагол обычно имеет форму деепричастия настоящего времени: *мøкко сипсо* (хочу есть).

Глагол *сипта* часто употребляется после имени су-

ществительного *тыс*, *тыт* (см. п.225): *ол тыт сипта*, или *ол тыт хада*, или *ол тыс-ида*, или *ол тыт пода* (он, видимо, придет; ср. *ол ка пода* — может быть, он и придет, но, может быть, и нет).

282. 20) *малда* (избегать, остерегаться). Этот глагол после глагольного имени на *-чи* служит для выражения отрицательного повелительного наклонения (запрещение).

Если глагол *малда* повторяет форму предшествующего ему глагола, то он означает „конечно, о чем же еще может быть разговор“: *каго малго* (конечно, он пойдет), *алго малго* (конечно, я знаю [о чем еще может быть разговор]), *ара мара* (конечно, знает); *кырекхо малго* (конечно, это так). В обыденной речи такое употребление этого глагола весьма распространено. Однако между двумя таким образом „согласованными“ по форме глаголами может быть и отношение контраста, о чем уже говорилось выше, в главе, посвященной форме желательности (дезидератив): *калла го малла го ханда*, *каллак маллак ханда*.

ПОСЛЕЛОГИ И НАРЕЧИЯ

283. Послелоги и многие наречия этимологически являются либо именами, либо определенными формами глагола. Та группа слов, которая названа здесь послелогами, соответствует предлогам европейских языков. Если они тесно примыкают к предшествующему имени, они являются послелогами, если же они тесно примыкают к последующему глаголу, они оказываются наречиями.

Послелоги употребляются большей частью для того, чтобы восполнить склонение имени и заменить падежные формы, уточняя их.

Послелоги, образованные от имен, названы нами именными послелогами, а образованные от глаголов — глагольными.

ИМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

284. Именные послелоги логически находятся в отношении определяемого к предшествующему определению, выраженному именем существительным. Это отношение, однако, не выражено окончанием родительного падежа; два слова, определение и определяемое, соединяются лишь ударением. Послелоги фактически безударны. Что касается их формы, то именные послелоги имеют именительный, творительный и местный падежи. Во многих словах творительный и местный употребляются параллельно с семантическим различием, диктуемым самими этими падежами.

Наиболее часто употребительными послелогами этого типа, которые соединяются с сильно акцентированным предшествующим именем существительным, являются:

1) *антхе, антхыро* (перед, в присутствии, благодаря, из-за). Например: *абаним антхе мар хайәссо* (я сказал это моему отцу), *тоджәк антхе чугәссо* (он умер из-за

разбойника > он был убит разбойником). Это слово, которое часто пишется *ханхэ* вместо *антхэ*, является местным падежом от основы **антх*, не имеющей именительного падежа. Это **антх* соответствует маньчж. *antu* (перед), тунг. *ant* (юг). Местный падеж его *антхе* употребляется с очень широким диапазоном значений.

2) *анхе, анхыро (ане, аныро)* (в, среди); это местный и творительный падежи от имени *анх*, *ан* (внутренность; также подкладка платья), которое встречаем во многих сложных словах: *анкхан* (внутренняя комната), *аннпат* (внутри и вне), *тонъан* (в течение), *уран* (двор; от *ул* — плетень, ограда и *ан* [нутро]), *анхэ* (жена), *анхак* (женщина).

3) *апхе, апхыро* (раньше *алпхаи, алпхаро*) (перед): *сан апхыро ватта* (он пришел сюда этой стороной горы), *сан апхе* (перед горой), *кы апхе* (перед этим, раньше), *чиp апхыросө* (перед домом). Основа этого послелога **алпх* соответствует турецк. *alp* (герой), монг. *albagut* (знать), турецк. *alraut* с тем же значением.

4) *арэ* (пишется *араи* (низ) употребляется ныне только в именительном падеже: *арэнни* (нижний зуб), *арэе* (на нижней стороне). Этимологически *арэ* является местным падежом имени существительного *ал* (низ), которое находим в таких сложных именах, как *пэал* (желудок), *чибал* (место под домом). Творительный падеж *алло* означает „вниз, книзу“. Этот послелог соответствует турецкому *al* (в), *altin* (под).

5) *уе* (*ухви, уххи*), *уыро* (*ухыро, уыру, ууру*) из *у* (на, над); встречаются во многих сложных именах: *ус-сарам* (человек высшего класса), *унни* (верхний зуб), *утчөгори* (верхняя одежда, верхнее платье) и т. д. Слово *у* или более ранняя форма его *уг*, *унь* встречается в *чи-бунь*, *чибу* (крыша) и соответствует тунг. и в *uile* (на, над), *uiski* (вверх), *uig-*, *ugir* (поднимать).

6) *со* (нутро, сердце) и *сок* с тем же значением. Отсюда *сое, соге, соыро* (в, внутри) как правильные образования от до сих пор существующих имен *со* и *сок*.

7) *ккыт* (конец) часто употребляемое ныне имя существительное; в местном и творительном падеже оно функционирует как послелог в значении „позади, после“.

Оно, видимо, соответствует гольдскому *кытта*, *кытта* (корма).

8) *кат*, *көт* встречается в составе сложных слов и означает „наружная сторона“; *паккат*, *паккөт* (наружная сторона), *көт төлда* (вывернуть наружу), *көт-пор-ан* (по внешнему виду узнать, догадаться, что творится внутри). Местный падеж этого слова *катхе*, а также творительный *катхыро* употребляются как послелоги в значении „возле, рядом, около“: *сан катхе* (возле горы). Ср. турецк. *qat* в *qatında* (рядом с), монг. *qačar*, *qačır* (подбородок).

9) *к'өт* (возле, рядом); именительный падеж этого слова не употребителен, если исключить сложные слова; этимологически идентичен слову *к'өт* (друг, сторонник, приверженец). Очень часто употребляется местный (*к'өтхе*) и творительный (*к'өтхыро*) падежи этого имени в значении „возле, около, рядом“: *нэ к'өтхе сানын сарам* (человек, который живет со мной), *сан к'өтхыро* (возле горы), *кань к'өтхыро катта* (он пошел к реке).

10) *йөпхе*, *йөпхыро* (возле, рядом); видимо, восходит к *йөп* (бока, ребра): *нэ йөпх-е санын сарам* (человек, который живет со мной [у меня]); *абаний йөпх-е сао* (я живу с моим отцом [у моего отца]); *сан йөпх-е кэчөни хырында* (ручей течет вдоль горы [у горы, под горою]). Родственными словами, видимо, являются тунг. *äri* (ребро), монг. *ерсүйн* (грудь).

11) *мит* (низ, дно); в дательном и творительном падеже: *митх-е*, *митх-ыро*; в этих формах употребляется со значением „под“: *наму митх-е* (под деревом), *сан митх-е* (под горой, у горы).

12) *тви* (зад); в сложных словах: *твичин* (дом позади); *чиштви* (задняя сторона дома); местн. п. *тви-е*, *түи-е* и твор. п. *тви-ро*, *тви-ыро*, *түи-ыро*, *туу-ру* употребляется как послелог „позади, за“. *Тви* отождествляется с гольдским *dui* (*duile* — за). Раньше *тви* употреблялось также в значении „север“, противопоставляясь *ап* в значении „юг“. *Тви-е* и *апх-е* ныне употребляются большей частью в значении местных послелогов: *мун тви-е* (за дверью), *мун апх-е* (перед дверью), *сан тви-е* (за горою, по ту сторону горы), *сан апх-е* (по эту сторону горы).

перед горой). В других значениях, например временным, возобладали или начинают преимущественно употребляться китайские синонимы указанных выше слов: *хү*, (позади, за, после) и *чөн* (перед, до).

13) *пакк* (снаружи); основа **пакк*; употребляется в составе сложных слов; как послелог или наречие употребляется только в форме местного падежа: *пакке* (раньше *паккай*) или творительного падежа: *пакк-ыро* (раньше *пакк-аро*); значения этих падежей весьма многообразны: *чиш пакк-ыро кассо* (он вышел из дома, он вышел на улицу), *и пакк-е тарын гөс-и мансо* (помимо этого есть много другого), *и мал пакк-е-нын тә палксо* (за исключением этого слова все остальное ясно); *и пут пакк-е ёпсо* (нет ли у вас перьев помимо этого?); *мун пакк-е* (за дверями); *чогом пакк-е ани кидар'эссо* (он ждал немного). Во всех значениях, кроме локального, ныне предпочтается китайский синоним *ве* (орфографически *он* — внешняя сторона): *и ве-ье* (помимо этого, кроме этого).

14) *ккаджи*, *ккаджи*, *ккат*, *ккөт* (до, вплоть до): *интэ ккаджи* (доныне), *илбон ккаджи* (до Японии, вплоть до Японии), *чөн'ек ккаджи* (до вечера). Первоначально это слово, видимо, имело основу **ккадж*; *ккаджи* является в таком случае древним *casus instructivus* на *и*, а *ккат* — именительным падежом. Иногда вместо *ккаджи* употребляют *ккаджу*, *ккаджу*. Но эти варианты, как говорит Ундервуд, не из лучших; *ккаджу*, видимо, составное слово со вторым элементом *у* (на, над).

15) *качхи*, сев.-кор. *катхи* (как, подобно): *на ва качхи* (как я, подобно мне, со мной, вместе со мной); *нүн качхи* (как снег, словно снег), *ури качхи* (как мы, подобно нам, с нами), *чө чхэк ква качхи кырым-ыл сассо* (вместе с книгой он купил картину). Этот послелог является формально именем на *и* от глагола *күтта* (|| *кэтха* || *кэтхын*) (быть подобным, быть тем же самым). Имя существительное *качхи* означает также „сходство“ и „подобным (сходным) образом“.

16) *каджи* (сорт, род): *хангаджи* (один сорт, один род, одинаковым образом). Наряду с *хангаджи* употребляются в том же значении *ханде* (<*хан тай* — одно

место) и *хамккый* > *хамкке* (из *хан пкий* — одно время). *Каджи* является именем на *и* от глагола *капта* (|| *кадж-а* || *каджын*) (быть в порядке), фактитив *качхуда*, *качхида* (приводить в порядок). Слово *каджи* было заимствовано маньчурским (*hačin* — сорт, порядок) и тунгусским (*tar-gačin* — такой, такого рода) языками.

17) *ккири* (среди). Гейл в своем словаре указывает, что „*ккири* как окончание употребляется после имен и местоимений, имеет значение множественного числа группового характера“. *Ккири* — это имя существительное на *и* от глагола *килда* (быть длинным); таким образом, *кир-и* означает „(вдоль) всей линии“. Начальная геминация согласного является результатом воздействия окончания родительного падежа, предшествовавшего этому слову (см. „Фонетика“). *Ури ккири* (среди нас, в нашей группе).

18) *чунъ-е*, сев.-кор. *тюнъ-е*, *тунъ-е* (среди, в), послелог китайского происхождения; это местный падеж от *чунъ*.

19) *те*, *де* (орфография *täi*) или с геминатом *ttэ*, китайское имя существительное „место“. Большей частью употребляется в форме творительного падежа: *и ttэ-ро* (вместо этого). Сложное слово *тэсин* в значении „вместо“ употребляется обычно в форме местного падежа: *тэсин-е*, *тесин-е*; синонимом этого слова в сев.-кор. является *тэби*, в творительном падеже *тэби-ры*, *тэби-ру* (вместо).

20) *тэ* (согласие, согласованность), в творительном падеже *тэ-ро* (в согласии с, так как, согласно), употребляется после имен существительных как послепричастное имя: *и ttэрэ*, *идэрэ* (согласно этому, как это), *малдэрэ* (согласно сказанному), *ттыл ttэрэ* (поскольку возможно; ср. маньчж. *mutere teile*, *mutere i teile* в том же значении).

21) *ттан* (из): *чиp ттан* (из дома), *сарам ттан* (от человека). В основе *ттан* лежит имя существительное *тан* (граница, край), которое имеет правильное склонение: *чотттан-е*, *чотттан-есө* (оттуда) и т. д. Геминация начального согласного объясняется наличием некогда перед этим именем форманта родительного падежа (см. „Фонетика“).

Это *ттан*, видимо, соответствует турецкому *jan* (сторона, бок) и старотурецкому окончанию *-dajan*, *-danjan*, *-dan-dan* — древнейшей из известных форм современного турецкого аблатива на *-dan*.

22) *-ттави*, *-ттаи* (как, подобно): *иттави* (подобно этому), *сарам-ттави* (как человек). *Ттави* восходит к *таби* (причины геминации те же, что и у послелога *ттан*), имени существительному на *i* от глагола *тапта* (достойный, заслуживающий), который мы рассматривали выше, в параграфе об отымённых глаголах (*сарам-данта* — человечный и т. п.). С этим *таби*, ныне *ттави*,ср. тюркское (уйгурское) *taby* (-образный).

23) *таям* (следующий); это имя существительное на *-m*, произведенное от ныне не существующего глагола **tag-*, означавшего „следовать, быть близким“. Местный падеж *таям-e*, равно как творительный (*таям-ыро*), употребляется в значении „после“: *и даым-e* (после этого, вслед за этим), *и мал таям-e* (после этого слова), *и мал таям-ыро* (вслед за этим словом). С глаголом **tag-* ср. турецк. *jagu-* (быть близким; *jagiç* — близко) и тунг. *daga* (близко).

24) *чхэрөм*, *чхэрөм*, *чхэрө*, сев.-кор. *tx'өры* (словно как); видимо, творительный падеж от имени **tx'ө* с последующим *хам* (*чхэрөм* из **чхэрө хам*), ср. *подөм*, *путхөм*.

25) *ква* (после согласных), *ва* (после гласных), сев.-кор. *ква*, *гва* (и, с): *мал ква со* (кони и волы), *со ва мал* (волы и кони), *на ва катхын* (такой, как я), *нө ва тарында* (не похожий на тебя, не такой, как ты). Не ясно, что лежит в основе *ква*, глагол или имя. *Ква* можно сопоставить с тунгусским *ки* в составе притяжательных прилагательных: *asiku* (женатый; *asi* — жена), *kise ku* (счастливый; *kise* — счастье), *ambanku* (одержимый демоном; *anibau* — дьявол, нечистый, тигр).

26. *чари* (место, кровать). Употребляется в форме именительного и местного падежей как послелог в значении „вместо, благодаря“. Возможно, что *чари* представляет собой имя существительное на *ри* от глагола *ча-* (спать). Этот послелог часто употребляется в том же

значении, что тунг. ӝагин, гольдское ӝагин, маньчж. ӝалин (благодаря).

Очень трудно, почти невозможно провести четкую границу между именами существительными и той категорией слов, которую мы назвали именными послелогами. Многие из перечисленных выше послелогов на деле имеют ударение и употребляются как правильные имена.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

285. Такое название может быть дано словам, которые образованы от глаголов и которые употребляются без ударения после имени существительного. Если такой глагол является переходным, то предшествующее имя существительное логически является объектом. У некоторых из этих послелогов связь с тем глаголом, от которого они произведены, уже утеряна.

а) послелоги на *-да*:

пода (чем, сравнительно с): *и и-га чө пода нао* (это лучше, чем то); вместо *пода* встречаем также *подам* и *подэ*: *санън'өн подам-ын чогом наа* (немного лучше, чем в прошлом году); относительно *пого* см. ниже.

ида,-да (пока, будучи): *чиб-е-да* (пока был дома, будучи в доме); это *-да*, как кажется, очень часто употребляется перед глаголом *пода* (смотреть) для указания направления: *нэйө-да пода* (выглядывать), *тырө-да пода* (заглядывать), *чх'ө-да* (вверх), *нар'ө-да* (вниз) и т. д.

б) послелоги на *-го*:

хаго (сокращенно *кхо*) (и, вместе с); восходит к глаголу *хада* (делать, говорить): *на хаго не хаго кагессо* (пойдем и я и ты);

малго (от глагола *малда* — избегать) и *өлко* (от *өлтэ* — не быть) употребляются в значении „без“: тон *өлко катта* (он ушел без денег), *хораныи малго чимсэнни* (все животные, исключая тигра); в том же значении, что и *өлко*, употребляется *өлси*;

каджиго (от *каджид* — иметь) в значении „с“: *кохый каджиго ватта* (пришел с бумагами), тон *каджиго катта* (ушел с деньгами);

тариго или *мохыго* или *мосиго* в значении „с“, „в сопровождении“: *сөнсэнъ мосиго оо* (приходит с учителем), *анаги ахэ тариго вассо* (женщина пришла с ребенком); *пого* — см. ниже *поа*.

в) послелоги на *-а*, *-ө*. Это наиболее обширная группа послелогов. Мы перечисляем ниже только некоторые из них. Эти послелоги формально представляют собой деепричастия прошедшего времени. Границу между послелогом этого типа и деепричастием прошедшего времени пройти очень трудно.

сө (будучи) (после всех падежей, кроме родительного и винительного). Эта форма глагола **исида* (ныне *итта* — быть) подробно рассматривалась нами в главе, посвященной падежам, и была там названа эссивной частицей.

ссө употребляется в литературном языке после творительного падежа: *хим-ссө*, *хим-ыро-ссө* (что есть силы); восходит к глаголу *ссыда* (употреблять);

төрө, *төр'ө* (*дөрө*, *дөр'ө*) (повернувшись к); употребляется для указания объекта, если это лицо, или дательного лица при глаголах „говорить, спрашивать“: *абаним дөрө тирэтта* (попросил моего отца), *на дөрө* (или *нэ пого*, или *на антхе*, или *на апхе*, или *на тэхайя*, или *нэ-ге*) ёк *ханын я* (неужели вы ругаете меня?); *кы сарам дөрө кидарира кко хайра* (скажи ему, чтобы он подождал). Глагол *төрида*, видимо, ныне не употребляется, но его надо предполагать, если иметь в виду, что послелог со-поставим с японским *мукаттэ* от глагола *мukaу*;

пүтхө, *пүтхө*, также *пүтхөм*, *пүтхөм* (в значении „из“): *илбон пүтхө* (из Японии), *ачхым пүтхө* (с утра);

төбырө (держа в руках), от глагола *төбылда* (держать в руках); как послелог означает „вместе с (о лицах)“;

каджө имеет то же значение, что *каджиго*;

аолла (включая, с); от глагола *аорыда* (соединять);

аоро; в том же значении, что *аолла*;

ёвө (вокруг); от глагола *ёуда* (окружать): *ёвө ссаго сөссо* (стояли тесно вокруг);

кälба, *кäреа* (вместе с; ср. монг. *qolba-*);

туллө (вокруг, около; от глагола *туруда* — окружать);

туру; в том же значении, что и *туллө*;

ккө (через);

кённө (через, на ту сторону); *ккө гённө* (через); от глагола *кеннөда* (переходить через гору, реку);

чина (проходя через); от глагола *чинада* (проходит); как послелог означает „после“: *нэил чина* (послезавтра), *севул чина* (проехав Сеул, после Сеула);

кёсар'ө, *кёсыллө* (против); от глагола *кёсарида* (преступать, идти против);

нёмө (сверх, свыше); от глагола *нёмда* (переходить через);

нама (сверх); от глагола *намда* (оставаться); *маджа* (напротив); от глагола *матта* (встречать);

чочха (после, из, вследствие); от глагола *чотта* (преследовать, следовать за);

(*ква*) *мичхө* от глагола *митта* (достигать); как послелог означает „до“; форма *мит* означает „и“; ср. яп. *оёби(и)* от глагола *оёбу* (достигать);

поа от глагола *пода* (смотреть, видеть); как послелог означает „к, об, относительно“; также *пого*, *пода*, *подам*: *на пого мар хайётта* (он сказал мне), *и ил поа сэнъгак хайётта* (он думал об этом деле);

малмэама (вследствие, по причине); от глагола *малмэамда* (возникать из; вероятно, восходит к *малмэ* + глагол **амда*).

танъхая (относительно);

инхая (по причине, вследствие);

вихая (для);

тэхая (относительно).

Последние четыре послелога представляют собой сочетание китайских слов (*танъ*, *ин*, *ви* <*уи*, *тэ*<*тай*) с глаголом *хада* в форме деепричастия прошедшего времени. Все остальные послелоги являются исконно корейскими.

г) послелоги на *-и*; единственным послелогом этого рода является *өпси* (без), сев.-кор. *өпко*.

НАРЕЧИЯ

286. В противоположность европейским языкам, где наречия имеют особые формальные признаки (в частности, те наречия, которые образованы от имен прилага-

тельных), корейский язык с морфологической точки зрения не имеет ни наречий, ни прилагательных. С другой стороны, надо иметь в виду, что

1) все надежи имени (именительный, местный, творительный и ныне архаичный инструктивный), если они синтаксически относятся к последующему глаголу, функционируют как наречия-обстоятельства;

2) большинство слов, которые выше были определены как отымённые послелоги, могут употребляться самостоятельно, то есть без предшествующего им, сильно акцентированного имени существительного; в этом случае они относятся к глаголу и функционируют, таким образом, в качестве наречий;

3) все те глагольные образования, которые были названы нами деепричастиями, тяготеют к последующему главному глаголу и, таким образом, выступают по отношению к нему в качестве наречий-обстоятельств;

4) глагольные образования, которые оканчиваются на *-н* (окончание отглагольного имени и одновременно отглагольного наречия) и на *-о*, *-у* (окончание для производных имен, прилагательных и наречий), как и деепричастие будущего времени на *-кे*, выступают неизбежно как наречия; они образуются почти от любого качественного и активного глагола;

5) язык имеет большее число простых слов, которые функционируют как наречия, восходят к древним временам и имеют соответствия в родственных корейскому языках;

6) корейскому языку свойственна одна характерная особенность: изобилие так называемых ономатопеических слов самого различного рода. Такие слова или квазислова синтаксически являются наречиями-обстоятельствами, определяющими последующий глагол; когда такого глагола нет, то они соединяются с абстрактным глаголом *хада* (говорить, делать). Эти слова образуют особый класс, который будет рассмотрен нами ниже.

287. Наречия могут быть подразделены на следующие группы: наречия отрицательные, наречия места, наречия времени, наречия качественные, наречия количественные.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

288. Отрицание в корейском языке относится к глаголу. В качестве отрицательных наречий употребляются: *ан*, *ани* (иногда пишется *анхи*);

мот (ср. *мō-* в *мо-джарада* — недостаточный, *мо-сыда* — невозможный, плохой и *моджилда* — плохой, дурной от *чарада* — быть достаточным, *сыда* — употреблять, *өджилда*, сев.-кор. *өдир-* — быть добрым, быть хорошим).

Употребление этих наречий рассматривалось выше (см. п. 206 и 268).

Если отрицание относится к имени существительному, то обычно прибегают к китайским сложносоставным словам, начинающимся на *пул*, *пу*, *му*, *ни*: а) *пултэп хада* (незаконный), *пулман хада* (недовольный), *пуджирён хада* (прилежный), *пудонъ* (неодинаковый, не тот же самый); б) *муб'өнъ хада* (здоровый), *мубён* (беззаконие), *мумат* (безвкусный); в) *писынъ писок* (ни духовный, ни мирянин), *ниин* (нищий). Для этой же цели употребляются перифразистические конструкции с глаголом *өппта* (отсутствовать, не быть).

Глагол *малда* (избегать) соответствует по содержанию отрицательному предложению; его употребление как средство выражения отрицательного повелительного (запрещения) рассматривалось нами выше.

НАРЕЧИЯ МЕСТА

289. В качестве наречий места обычно употребляются падежные формы имен существительных, в частности тех имен, которые имеют локальное значение и которые рассматривались нами выше как послеленные послелоги. Следует отметить, что в корейском языке употребление падежных окончаний очень часто оказывается ненужным; такой бессуффиксальный падеж, который является формально именительным, обычно и функционирует в качестве наречия: *өдэ* или *өдый* (какое место > где), *каондэ* (в середине; *каот* — середина). С другой стороны, такие слова, как *аре*, *арэ* (под, внизу), *оре*, *орэ* (давно),

являются на деле местными падежами (от *ал*, *ол*), которые ныне функционируют как именительные; ср. *орэган*, *орэкан* (долгое время), *арэччип* (дом внизу).

НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ

290. В качестве наречий времени употребляются либо именительный, либо местный, реже инструктивный падеж. Слова, употребляемые как наречия времени, восходят к существительным с временной семантикой:

өндже — когда, *өндже-өнджи* — всегда, в любое время,

ильтык, *ильтыги* (инструкт. п.) — рано,

ачхым, *ачхам* — утром, *ачхаме* (местный л.) — утром,

надже (местный п.) — днем,

наджу (им. п.) — после полудня,

пам (им. п.), *паме* (местн. п.) — ночью,

чөн'өк, *чөнөк* (им. п.) — вечером (*чө* — вниз, *н'өк* — направление),

онал (им. п.) — сегодня (вероятно, *ол* — этот, *олтха* — быть правым),

орхэ (им. п.) — этот год, в этом году (*хэ* — год),

өджөккый, *өджө* (им. п.) — вчера (*ккий*, *пкий* — время),

кыджөккый, *кыдже* (им. п.) — позавчера,

нэил, *м'өнбиль* — завтра,

нэм'өнвил — послезавтра,

морэ (вероятно, местн. п.) — послезавтра,

кылн'өн — в этом году,

нэн'өн, *м'өнбн'өн* — в следующем году,

чаньн'өн — в прошлом году,

чэджсаньн'өн, *кырөккый* — в позапрошлом году,

кыгырөккый — три года тому назад,

ттэттэ, *ттэттэр* — иногда,

пптэ — в наше время, в наши дни, теперь,

чөлтэ, *кылтэ* — тогда (*птэ*, *ттэ* — время),

кот (им. п.) — немедленно, тотчас,

акка — несколько минут тому назад, только что,

паяхыро (твор. п.) — тогда,

палсө, *полсө*, *пэлсө* — уже (*сө* — эссивная частица),

мөнджө — сперва; сев.-кор. *манджө*,

инджө — теперь, *чигым* — теперь (ср. тунг. *tikin*),
мак — только что,
сибань — сейчас,
н'етхэ, ётхэ — издавна (*н'ет* — древний, *хэ* — год),
орэ — давно, *орэжкан* — долгое время, *орэжсанэ* —
не столь давно,
мири — заранее, загодя,
аджик — еще, *аджикани* — еще не, *аджиккөт* — еще,
до сих пор, доныне,
ттөк — как раз тогда,
ныл, ныру — обычно, постоянно,
сэро — снова, *сэрохи* — снова (*сэ* — новый, *сэропти* —
быть новым),
мачхым — как раз тогда,
маджамак — в конце концов,
ай (инструкт. п.) *аे* (местн. п.), *асие* (местн. п.) — ви-
чале (*си* — время),
тыдэе (местн. п.), *тыдэйе* — тогда,
таси — снова,
хыни (<*хынхи*), *тэгэ, тэдже* — обычно,
киккым, чаджо — часто,
хэнъёнь — обычно,
пинэ — сначала,
илсань, хансань, чоньси — всегда,
кылхи — через три дня,
кыгылхи — через четыре дня и т. д.

Следует также отметить некоторые глагольные обра-
зования, как-то: *чакко, чакку* (часто), *иттаге, итта*
(вскоре), *тымулге* (редко) и т. д.

НАРЕЧИЯ КАЧЕСТВЕННЫЕ И МОДАЛЬНЫЕ

291. Под этой рубрикой объединяем два типа имен-
ных образований от глагола: имена на *-и* и деепричастия
будущего времени на *-ке*, которые образуются от каче-
ственных глаголов и функционируют как наречные формы.

чал — хорошо, *чал мот* — нехорошо, плохо,
сви, сенче — легко,
ам — конечно,
ама — возможно,

хок — быть может, возможно,
 манил — если, возможно,
 кеу — едва,
 чхархари — скорее,
 тток — точно,
 ккох — точно,
 чхам — действительно,
 синсило, чинсило — фактически,
 вөнхи — охотно,
 чөлло, чаөнхи, сисаро — само собой, естественно,
 өсө, өллын, өлпхыт — живо,
 п'өлло — отдельно, особо, специально,
 төдэ, төдэгэ — медленно,
 чокхи, чокхаге, нөнънөкхи — довольно, достаточно,
 чөкке, чөги — слегка,
 талли, тарыге — отлично,
 пхөк, тэданхи — очень,
 пурө — намеренно,
 чхинхи — лично,
 көджө — даром, так,
 н'өнджыси, согыро — тайком,
 каманхи, каманхаге — тихо,
 ныңъхи — можно,
 көджыси, көрыге — ложно,
 часехи — тщательно,
 чосимхи — предусмотрительно,
 кыпхи — вдруг,
 пталли, птарыге, сокхи, паппи, паппуге — быстро,
 живо,
 пулгабул — волей-неволей,
 өжчиро, чиөгыро — силой, насилино, принудительно,
 мэй! — очень,
 оджик, оджак — только.

НАРЕЧИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ

292. В эту рубрику входят отымённые образования на -и, -ке, -о, -у и, помимо этого, некоторые первичные наречия.

та — все,
тто — также, опять (ср. тунг. *hatama* — снова),
тө — более (в сложных словах также *төт*: *төмүл* — вода надо льдом),
тө мөлли — дальше, *тө чарыге*, *тө чалли* — короче,
тө кхыда — больше,
төок, *төук* — более, тем более,
тэл — менее, *тэл мөлли* — не так далеко,
манхи — много (от *мантха* — многочисленный),
чхэ — все, целиком,
чом, *чогом*, *чокком* — немного,
каджанъ — самый,
модо, *томоджи* — все (сев.-кор. *то*; ср. *мотта* — собирать),
сёро — друг друга, взаимно (от **сөлда* — взаимный),
холло, *хонджа* — один (сев.-кор. *хабуллу*; *хабунджа*, от глагола *хабу-*, ср. *хан* — один),
нёму — очень, слишком,
хә, *хадо* — очень,
тымулge — редко (от *тымулда* — редкий),
аджо — совсем, совершенно, целиком, полностью,
квахи, *квахаге* — слишком,
көви, *көун-гөүн* — почти.
 Здесь же, быть может, надо упомянуть о таких образованиях, как *сөисө* (втроем), *нөисө* (вчетвером) и т. п. с эссивной частицей *сө* в их составе.

ГЛАВА IV

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

293. Среди различного рода наречий мы уже встречали ряд слов, которые не имеют ни спряжения, ни склонения и которые не могут быть выведены из более простой по составу основы (например: *пхок* — очень, *чал* — хорошо, *тө* — еще более, *ам* — конечно и т. д.). Нам остается рассмотреть еще три группы неизменяемых слов.

ЭНКЛИТИКИ

Энклитики — это небольшие по звуковому составу слова (большей частью из одного слога), которые непосредственно примыкают к предшествующему слову (и, как правило, не имеют собственного ударения). Эту группу слов можно было бы назвать просто частицами. Некоторые из них следуют только после имен, некоторые же присоединяются только к глаголу.

294. 1) Прежде всего необходимо отметить вопросительные частицы. Это *ка* (и ее варианты *ко*, *кэ*, диал. *к'е*, *ке*) и *я* (и ее варианты *ё*, *йи*, *и*), а также комбинация двух частиц — *кая* и *кай*. Мы уже рассматривали эти частицы, когда описывали вопросительные формы глагола. Интересно отметить, что вопросительные частицы корейского языка совпадают с вопросительными частицами японского и алтайских языков. Здесь, как например в японском, вопросительные частицы употребляются только в конце предложения и только после причастных форм глагола (см. выше, п. 150—154).

295. 2) Частица *чи*, сев.-кор. *ти*, употребляется после причастий как своего рода вопросительный знак; восходит, очевидно, к имени существительному со зна-

чением „вещь, факт“: *калланджи малланджи морыгессо* (я не знаю, ушел он или нет). О ее функциях см. п. 225.

296. 3) Связующая частица *ка* (произносится *гэ*) имеет употребляется только после подлежащего. Она, видимо, соответствует, с одной стороны, японской частице *га*, с другой стороны, гольдскому слову *ка* (но, и). До сих пор эта частица определялась как знак именительного падежа. Но, как мы показали, это вовсе не падеж. Ныне она употребляется после гласных основ в том же значении, что и частица *и* после согласных основ. Это *и*, как объяснено выше, восходит к местоимению третьего лица: *на-и манхыч сарам* (пожилой человек; дословно: человек, которого его возраст большой).

297. 4) Частица *нын* была определена выше как эмфатическая частица; ср. тунг. *нүн* (если). Вариантом *нын* является *ын* (после согласных основ) и *нйн* (после гласных основ), а в некоторых диалектах *ыны* и *-н*. Функция этой частицы, которая присоединяется к особо подчеркнутым словам, стоящим в начале предложения, описана в главе, посвященной склонению. Эта же частица присоединяется к деепричастию настоящего времени и деепричастию прошедшего времени; она же входит как существенная часть в окончания *-м'эн* (<-м иө *нын*) и *-кэдэн* (<-ке под *нын*), которые являются формами условного и гипотетического деепричастий.

298. 5) Частица *то, до* (сев.-кор. *ту, ду*) (также, тоже), которую мы назвали присоединительной, соответствует частице *да, дә* в тунгусских, монгольских и тюркских языках: *на до нө до* (и я и ты); *хана до өңсо* (нет никого; дословно: даже одного нет); *сібанъ ка до кы сарам-ыл маннал су өңсо* (вам не удастся встретиться с ним, если даже вы пойдете сейчас); *амори тоа до морыгессо* (сколько ни гляжу, не понимаю).

299. 6) Частицы *а, я, ия* употребляются в начале предложения после имени существительного как знак

звательного падежа. Однако звателенный падеж не включен нами в состав падежей корейского языка по той причине, что эта частица может присоединяться не только к основе имени существительного. Эта же частица употребляется в качестве выражения зова: *и сарам-а* (эй вы там!), *и ном-а* (эй ты там!). Весьма возможно, что та же частица *а* входит в состав той формы, которую мы назвали промиссивом (обещание); *-ма*, признак этой формы, распадается на суффикс глагольного имени *-м* и рассматриваемую частицу *а* (*чума* — я обещаю тебе дать, *мөгымә* — я обещаю съесть). Эту же частицу обнаруживаем в составе так называемого презентива (предупреждение) (форма-*лла*; например: *мөгыллә* — смотри, не то он съест), деепричастия допущения (где частица *а* присоединена к причастию прошедшего времени: *-н-а*) и косвенного повелительного (*мөгыра*).

300. 7) Частица *ра*, *ира* употребляется в конце предложения; служит указанием на то, что предложение закончено. Она встречается также в составе так называемой регressiveной формы (*хадәра* — он делает там, он делал тогда), а также после причастий (*ханынира*, *ханира*, *харира*). Ее же используют в подчеркнутом или невежливом повелительном наклонении (*хайәра* — делай! *полра* — смотри! *иккәра* — будь! *кигәра* — иди!). Перед глаголом *хади* (говорить) *ра*, *ира* служит указанием на то, что предшествующее ей слово является подлинным или собственным именованием венци, выступая, таким образом, в качестве своего рода знака цитации: *намху-ра ханын гәт* (то, что называется лампой); *Пак-ира ханын сарам* (человек, которого зовут Пак); *санкв-ра ханын гәс-ыл ури-га поджас-ра хао* (мы называем словом *поджас* (шапка) то, что они называют словом *санкв*). Эта же частица употребляется перед частицей *до*: *чохын ира до* (хотя это и хорошо), *калчи-ра до* (если даже он и пойдет). Частица *ра* соответствует турецкой частице *la*.

301. 8) Частицы *ок*, *ук* употребляются в составе окончания *-торок* (деепричастия результата) и *сурок* (см. в разделе послепричастных имен). Частицу *ок* можно вскрыть

в составе слов *твок* (вдобавок, еще более), *тирок* (хотя), *тток* (как раз), *амо джорок* (по мере возможности, по возможности). Эта частица имеет соответствие в турецкой частице *оq*, *ök* (bän-ök — как раз я, ol-oq — как раз то) и означает, видимо, „как раз“.

302. 9) Сопоставляя особые изъявительные формы типа *хане* (делает), *чохе* (хороший), образованные от причастий на *-нын* и *-н*, с регрессивными формами на *-е* (*хаде*, *мәкте*, наряду с *хадәра*, *мәктера*), обнаруживаем элемент *e*, который, видимо, является одним и тем же по своему значению. Возможно, что некогда это была частица *и*, которая употреблялась только в конце законченного предложения. Возможно, что она никогда не имела особого этимологического значения, являясь, просто — напросто особого рода конечным звуком.

303. 10) То же самое надо сказать о гласном *у*, чередующемся с *е*, которое мы имеем в настоящем времени типа *хаму*, *хаме*, образованном от глагольного имени на *-м*. Если это *у* имеет какое-нибудь историческое значение, то его можно отождествить с гласным в составе монгольского настоящего времени на *-ти,-тий*.

304. 11) Частица *я* (только), которая в старых литературных памятниках пишется иногда *на*, иногда *са*, видимо, не тождественна звательной частицей *я*: *хүнн'өн-е-я* *олла кагетта* (он, видимо, поедет в столицу (из провинции) только в следующем году); *самг'өнье-я* *чадера* (он лег спать только в третьем часу); *инджे-я* *к'өрыри* *икко вассымнеда* (только теперь у меня нашлась свободная минута, и я пришел). Это же *я* находим после деепричастий настоящего и прошедшего времени (*-ко-я*, *-ко-с'ө-я*, *-а-я*, *-ас'ө-я*); после деепричастия настоящего времени это — подчеркивающая частица, а после деепричастия прошедшего времени это подчеркивание дает в конечном итоге значение долженствования: *сул мәккос-я* *өтчи хагетта* (что только будет, если выпить вина!); *өттө хадөнджи* (или *өттөхөнджи*) *ка-я хая* (что бы ни случилось, я должен идти), *поа-я алгеннэ* (только уви-

дав это, я пойму (в чем дело); я должен посмотреть это, чтобы понять). Это употребление частицы *я* в значении *долженствования* рассматривалось нами в параграфе, посвященном деепричастию прошедшего времени.

305. 12) Частица *с'ө* (или *сө*), которую мы назвали эссивной, является сокращением *ис'ө*—деепричастия прошедшего времени от глагола *исида*, позже *исыда*, ныне *итта* (быть). Эта частица употребляется после некоторых падежей, после деепричастий настоящего и прошедшего времени и после окончания-*м'өн*.

306. 13) Частица *ссө* с инструментальным значением встречается после творительного падежа; по происхождению это деепричастие прошедшего времени от глагола „употреблять“: *ссыда* > *ссө* (употребляя).

307. 14) Частица *ко* (и ее варианты *кко*, *го*), которая употребляется после прямой речи, является древней формой местоимения *кы* (этот, тот): *онда го ханда* (говорит, что они придут); *чума кко хайётта* (он обещал дать); *кара кко хайёра* (скажи ему, чтобы он шел) и т. д. Употребление этой частицы рассматривалось нами в разделах, посвященных косвенному повелительному, промиссиву (обещание) и дезидеративу (желание).

308. 15) Наконец, надо выделить еще частицу *на*, которая употребляется для выражения удивления, восхищения, иногда также как знак уверения в конце предложения: *чокко на* (это действительно хорошо), *чхам, мал чал хаго на* (он в самом деле говорит хорошо). Эта частица употребляется главным образом после деепричастия настоящего времени, иногда даже без гласного *а*: *хагон, иккон*; само деепричастие оканчивается в этом случае часто не на *ко*, а на *ку*: *хагуна, хагун*. Если *кон* или *кун* употребляется после причастия прошедшего времени (*чохынгун*), то его надо понимать как сокращение глагола *ида* (быть): *чохынгун* вместо *чохын игон*.

МЕЖДОМЕТИЯ

309. Почти невозможно перечислить все те восклицательные словечки, которые корейцы употребляют в начале предложения; не менее трудно определить и смысл этих междометных слов. Наиболее распространеными междометиями являются: *а* (ах!); *атта* (вместо более полного *а-итта*), *атча* (из *а-хаджа*), *анта*, *аптана* (из *а-итта*), *ая*, *ан*, *аиго*, *эго*, *эгона* (о!); *о*, *оха*, *оя* (восклицание страха), *а*, *е* (восклицание удивления), *ча*, *че* (да, ладно), *йё*, *ийё*, *онийё*, *оняй*, (да, конечно), *ие* (вот) и т. д.

310. Помимо этих междометий есть еще ряд выражений для различных чувств, выражений, которые своим внешним видом более напоминают слова, чем приведенные выше звуки:

чхам — действительно, в самом деле, *ха чхам* — с тем же значением.

кылсө — да, в самом деле, так,

ани — нет,

өлса — как прекрасно,

өгё — как ужасно,

пудэ, *пуды* — непременно,

аиго, *чхивёра* — о, как холодно!

оня, *еккёнъ мара* — о, не беспокойтесь об этом,

аптана, *кы сарам* — ах, что за человек! ах, ну и человек!

атта, *кы сарам чхам мар-ыл чал хагона* — о, как он здорово говорит,

хёө, *кы ямбанъ-и торагаттс-и мар-ио* — гм, так вы говорите, что он умер?

атчха, *чал мот хайёккона* — о боже, ведь я же ошибся!

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА

311. В корейском языке весьма распространено использование звуков в целях звукоподражания. Такие образования не ограничиваются собственно звукоподражаниями; в звуках воспроизводятся не только реально

существующие звучания, но различного рода движения, положения и т. д. Такие звуковые комплексы имеют определенный фонетический облик; они, как правило, являются редуплицированными образованиями; синтаксически они употребляются как обстоятельства-наречия к последующему глаголу-сказуемому. Они состоят из одного или двух слов, редко из трех. В некоторых односложных ономатопоэтических словах можно вскрыть их источник: либо китайское слово, либо одну из форм корейского глагола. Но вряд ли можно найти какую-либо связь между двусложным ономатопоэтическим словом и каким-нибудь изменяемым словом корейского языка, будь то глагол или прилагательное. От самих ономатопоэтических слов может быть образован глагол; это достигается присоединением к нему окончаний *-кёрида*, *-кида*, *-тэда*. Вот некоторые примеры подобного рода наречий:

сугын сугын хада — говорить на манер „*сугын сугын*“, то есть шептать, говорить по секрету,

пхалланъ пхалланъ хада — делать (двигаться) на манер „*пхалланъ пхалланъ*“, то есть колыхаться, развеваться,

талланъ далланъ хада — делать (в данном случае идти) на манер „*талланъ далланъ*“, то есть идти мелкими шагами, семенить,

ччугыл ччугыл хада — быть (иметь вид) „*ччугыл ччугыл*“, то есть быть в морщинах, быть сморщенным,

кыкчёк кыкчёк хада — делать (производить действие) на манер „*кыкчёк кыкчёк*“, то есть скрести, царапать,

чачхум чачхум хада — производить действие на манер „*чачхум чачхум*“, то есть хромать,

акчак акчак хада — быть (иметь вид) „*акчак акчак*“, то есть быть густо покрытым рябинами,

кхоллок кхоллок хада — производить действие на манер „*кхоллок кхоллок*“, то есть кашлять,

ттан ттан хада — твердый, крепкий,

сёндыл сёндыл хада — свежий, прохладный,

Примечание. Следует обратить внимание на то, что удвоение может играть в корейском языке и другую роль; например, *чи-чи-и* (каждый дом, в каждом доме), *на-л на-р-и* (каждый день, еже-

дневно; *наныри* — с тем же значением; *тал дар-и* (ежемесячно, каждый месяц); *хэ хэ-и* (ежегодно, каждый год) и т. д. Окончание *-и* в этих редупликациях представляет собой древний инструктивный падеж.

Вот несколько примеров предложений с ономатопоэтическими словами в их составе:

пам-и тём'өн п'эр-и панджак панджак хао (наступает ночь, и звезды начинают делать „панджак панджак“, то есть: наступает ночь, и начинают мерцать звезды);

парам-и пуникка, намуккытчи хыйчханъ хыйчханъ хадэра (подул ветер, и ветки деревьев начали делать „хыйчханъ хыйчханъ“, то есть: подул ветер, и ветки деревьев начали качаться взад и вперед).

ГЛАВА V

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

312. Имена существительные, если это не простые корни, являются либо производными, либо сложносоставными. Иной раз бывает довольно легко выделить первоначальные компоненты таких сложных имен. Но так как в ряде случаев имели место фонетические изменения, то часто бывает трудно определить, каким образом в языке образовалось то или иное слово; имеем ли мы дело со сложносоставным или с производным именем. Чтобы дать надежный обзор корейского словообразования, потребовалось бы специальное исследование. Все же в качестве предварительного введения к такому исследованию ниже следующее может представить некоторый интерес.

ИМЕНА С СУФФИКСАМИ

313. К отглагольным именам на *-ки*, *-м*, *-и*, *-о* (или *-у*) мы можем прибавить еще ряд образований с различными окончаниями. Все же, поскольку те же самые окончания встречаются в именах, не произведенных от глагола, почти невозможно с достоверностью определить, является ли производящая основа именем или глаголом. Вот почему отымённые и отглагольные имена даны нами ниже вместе.

314. 1) *-ак*, *-өк*, *-к*: *тхөл-*, *тхөр-*, *тхөрөк* (волос; *янъ тхөри*, *янъ тхөрөги*, *янъ тхөлги* — овечья шерсть); *ттыл*, *ттырөк* (двор); *ка* (край, берег), *каак хада* (границить с); *нал* (сырой), *нарак* (необрушенный рис); *тол*, *торок* (камень); *толджэ*, *толджэяк* (маленький камень, камушек); *көмөк* (чернота; от *көмда* — черный); *кирөк*, *кирөкчи*, *кири* (длина; от *килда* — длинный); *нөлбөкчи* (ширина; от *нөлпта* — широкий); *нөбөк* (плоская поверхность; от *нөпта* — плоский); *пусөкчи*, *пусырөк*, *пусырөги*, *пусырөкчи* (крошки, опилки; от *пусида* — раздроблять,

крошить); *пирөк-чир хада* (просить милостыню), *пирөк-чанъи* (нищий; от *пилда* — просить); *карак*, *каракчи* (кольцо); *сак* (цена; от *сада* — покупать); *чхак* (крепко, твердо; от *чхада* — схватить крепко, *чхагада* — арестовать).

Возможно, что сюда же следует причислить *сэак* (молодая (женщина); от *сэ* — новый); *анак* (жена), *анакнэ* (*ананъне*) (жена; от *ан* — нутро, внутри); *анкхан* (внутренняя комната, но также — жена). В слове *мурып*, *мурыпхак* (колено) трудно объяснить гласный; слово это является, видимо, сложносоставным именем, так же как *нимапхак* (= *нима*, *нимэ*, *ниманъи*) (лоб). Окончание *-ак* кажется несомненным в *чарым*, *чатымак* (короткое; от *чарыда* — короткий); *пусыром*, *пусылмөк* (нарыв).

315. 2) *-кэ (-ке)*, *-э (-е)*: *налгэ*, *наллэ* (крыло; от *налда* — летать); *толгэ* (вихрь; от *толда* — вращаться); *ссагэ* (обертка; от *ссада* — завертывать); *п'өгэ* (подушка; от *п'өда* — прислонить голову к); *ссыге* (покрывало, вуаль; от *ссыда* — покрывать голову); *чиғе* (рогульки, приспособление для переноса груза на спине; от *чиды* — нести на спине); *чиқе* (щипцы; от *чиңта* — зажимать между чем-либо); *төпкө* (покрывало; от *төпта* — покрывать).

карэ или *калгэ* (заступ; от *калда* — рыть); *карэ* (жернов; от *калда* — толочь, перемалывать); *каллэ* (ветвь семьи; от *карыда* — делить); *магэ* (пробка, затычка; от *макта* — затыкать); *куре*, *кулле* (узда; от *кулда* — обращаться с кем-либо); *ппаллэ*, *ппалгэ* (белье (в стирке); от *ппалда* — стирать); *ссыре*, *ссырөги* (пыль; от *ссылда* — мести, подметать); *норэ* (песнь), *нори* (игра), *норым* (развлечение; от *нолда* — развлекаться); *сорэ*, *сори* (звук) и т. д.

Аналогом этого рода отлагольных имен, видимо, являются *кол*, *корэ* (долина) и *йөрим*, *йөримэ*, *йөлмэ* (фрукт, плод), где окончание *-э* (первоначально *-ай*) явно присоединено к имени.

316. 3) *-чи*. Это окончание, видимо, образует отмынные слова: *кирекчи*, *нөлбекчи*, *пусырөкчи* и т. д. (см.

выше); *абаджи*, *абаним*, *абэ*, *аби* (отец); *өмөджи*, *өмө-ним*, *өми* (мать); *агунъи*, *агунъджи* (очаг); *паджи* (штаны; ср. гольдское *ра*—штаны); *пөлги*, *пөлге*, *пөлгөджи*, *пөрөджи*, *пелгэнъи* (насекомое); *ягэ*, *ягаджи* (затылок).

317. 4) -аджи. Это окончание является уменьшительным, например, в словах *кэаджи* (щенок; от *кэ* — собака); *соаджи* (тленок; от *со* — корова); *мааджи* (жеребенок; от *мал* — лошадь); *тояджи* (свинья); *могаджи*, *мок* (шея); *сон-могаджи*, *сон-мок* (запястье); *пагаджи* (половинка тыквы (как посуда); от *пак* — тыква); *мугөджи*, *муги*, *мукчи* (остатки; от *мукта* — оставаться, стоять); *нанъттөрөджи* (пропасть; от *ттөлда* — падать); *намаджи* (остатки; *намда* — оставаться).

Возможно, что окончания *-чи* и *-аджи* имеют одинаковое происхождение; но столь же возможно, что в *абаджи*, *өмөджи* мы имеем первоначальное *-чи*, а в других словах первоначальное *-ади*, *-ди*.

318. 5) -ари, -өри, -ғи. Гласные этого окончания варьируются в зависимости от гласного основы; *-чи* следует после основы на гласный. Этот способ образования, как кажется, предпочтается для обозначения конкретных вещей. Например, *тхөк*, *тхөгөри* (подбородок); *тынъ*, *тынъори* (спина); *понъ*, *понъари* (*понъори*) (голова, верх); *төнъ*, *төнъори* (кусок, ком); *хылктөнъи*, *хылктөнъэри* (кусок, ком земли); *муги*, *мугөри* (отруби); *митхөри* (сандалии; от *митхе* — под); *толманъи*, *толманъари* (булыжник); *ханъ*, *ханъари* (кувшин); *ток*, *тогури*, *токкури* (горшок); *падари* (шмель; ср. монг. *batagana* — муха); *садари*, *садактари* (ступеньки; ср. монг. *šatu* — лестница); *тотхори* (желудь; *тотх* — свинья?); *сонъи*, *сонъори* (кисть, гроздь); *тагари*, *тэгари*, *тэгэ* (голова [зарезанного животного]); *мөгүри* (съедобная лягушка; от *мөкта* [есть]); *мунъи*, *мунъури*, *мунъори*, *мунъчхи* (круглая вещь); *тхенъ* (пустой); *тхенъори* (ширь; ср. турецк. *täßiz* — океан, море); *тан* (один), *танъари* (отдельная вещь, штука); *чокту*, *чоктури* (род шляпы); *агури* (рот) и **ак* в *акпури* (рыло; *пүри* — нос; ср. турецк. *guz* — рот); *куи*, *куири* (овес) и т. д.

319. Здесь мы, таким образом, имеем дело с *көри* (вещь), производным от *көс* — вероятно, более ранним *көсөри*, *көхөри*. Это слово, как кажется, часто употребляется как окончание, и мы вернемся к нему дальше, в разделе, посвященном сложносоставным словам (п. 332).

Комбинацию старых окончаний **ди* и *-ори* можно предполагать в словах *тынъдори* (спина) и *понъдори* (голова, вершина).

320. 6) *-анъ*, *-энъ*. От глагольными образованиями являются: *нийөнъ* (соломенная кровля; от *ништа* || *нийө* || *ниын* — располагать друг возле друга); *нипх'өнъ* (платье, одежда; от *нипхиды* — одевать). Возможно, что эти же окончания имеются и в сев.-кор. *пирөнъ*, *пирөнъгуре* (нищий), *пирөнъбаны* (нищий).

От имен произведены: сев.-кор. *кодянъ* (место; ср. *кот*, *код-и* — место); *көмд'өнъ* (темнота; ср. *көмда* — черный). На диалектальной основе имеет место расхождение между сев.-кор. *наранъ* (страна), *ттанъ* (земля), *паданъ* (море), *маданъ* (каждый) и т. д. и юж.-кор. *нара*, *тта*, *пада*, *мада*. Это, как кажется, позволяет заключить, что среди слов с долгим конечным гласным могут быть такие, долгота гласного которых объясняется абсорбицией окончания.

321. 7) *-анъи*, *-энъи*: *кури*, *курөнъи* (змея); *кои*, *коя*, *коня*, *коянъи* (кошка); *ттыккэ*, *ттыкканъи* (куски материи для окраски; от *ттышта* || *ттырө* || *ттырын* — рвать на куски); *патханъи* (кувшин); *нурөнъи* (желтая собака; от *нуруда* — желтый); *нима*, *ниманъи* (лоб); *палганъи* (карп; ср. турецк. *balyq* — рыба).

322. 8) *-аги*, *-эги*. Это окончание выделяется с трудом, поскольку *-а* и *-ө* могут быть признаком вторичной основы, и, таким образом, окончанием окажется только *-ги*; с другой стороны, *-и* может быть окончанием-детерминативом, и тогда реальным суффиксом окажется *-ак*, *-ек*. *Ссырги* (пыль), *ссыре* (пыль; от *ссылда* — мести); *ниаги* (рассказ) (?нида || *нийө* || *нин* — связывать, продолжать); *огаги* (нитка ткани; ср. *ол* — нитка основы); *ппиги*, *ппирөги* (почки камыша); *миккури*, *миккураджи*, *миккураги*,

миккурэнъи (минога); *мочхори, мочхораги* (перепел); *наму, намо, намак, намаккаги* (дерево).

323. 9) *-ги*. Это окончание глагольного имени, как кажется, употребляется и для образования конкретных существительных. *Поги* (пример, образец; от *пода* — видеть); *наги* (уроженец), *сөул-лаги* (уроженец Сеула); *мурытчиги* (одежда до колен; от *чыда* — падать); сев.-кор. *џхиги-џхэ*, юж.-кор. *чхе, чх'е* (сито); *чараги* (взрослый; от *чарада* — расти); *нэги хада* (держать пари; от *нэда* — выпускать).

324. 10) *-ами, өми, -ми*. От глагольными образованиями являются *ккуроми, ккури* (соломенная обертка; от *ккурида* — обертывать); *өлгөми, өлмөнши* (грубое сито; ср. турецк. *älgäk* — сито). Возможно, что сюда же относятся *мөлми* (морская болезнь), *тилми* (причина, основание), *нарами* (длина; от *налда* — бежать вдоль).

325. 11) *-ттэ, -тэ: х'е*, сев.-кор. *шө, шёттэ* (язык); *пэ, пэттэ* (живот); *тынъ, тынътэ* (спина); *чө, че, чёттэ, четтэ* (начало). Окончание это абсолютно непонятно; возможно, что здесь мы имеем дело с сокращенным сложносоставным словом; в живой речи можно слышать и *пэттэ* и *пэттэги*; *коктэ* и *коктэги* (гора) (см. ниже *тхак* — в разделе о сложносоставных словах).

326. 12) *-гак*. „Косить“ по-севернокорейски *пьда* или *пыгак-чир хада*; отсюда *пыгёк* со значением „серп“, где можно усмотреть окончание *-гак*. Вторым примером на это окончание может быть, видимо, слово *чүгёк* (рисовый черпак, которым вычерпывают рис из котла; ср. *чуда* — давать).

327. 13) *-и*. В п. 239 мы уже рассматривали среди имен, производных от глагола с помощью окончания *-и*, имена действия, имена результата действия и т. д. Вот некоторые дополнительные примеры: *сари (сарыи)* (жизнь); *чаби* (ручка; *чапта* — брать); *чхан, чхэ* (*ап-чхэ* — переднее место в двухместном портшезе); *тви-чхэ* (задние ручки

портшеза); ср. *чхада* (схватить крепко); целый ряд образований на *-и* от имен, обозначающих членов семьи, имеет уменьшительный характер: *өмөджи*, *өми* (мама, мамочка), *аби*, сев.-кор. *абэ* (<*аба-и*) (папа), *адж-аби*, *аджи* (дядя), *өи* (самка животных), уменьшительные этого рода известны и другим алтайским языкам.

328. 14) -кки (? *-ски* или ? *-тки*). Это окончание не совсем ясно в силу незначительного числа примеров: *сэкки* (детеныш животного; ср. *сэ* — новый), *тхокки* (заяц), *токки* (топор; вероятно от *тол* — камень, молоток); согласно мнению проф. Огуря, „топор“ фактически называется *тол* и *ток*, как показывают некоторые диалекты.

329. 15) -ым как окончание находим в *төым* (излишек; от *тө* — более), *чхэым* (начало, вначале; *чхө*, *чхөт* — первый).

330. 16) -т (восходит к *-с* и *-т*). От многих качественных глаголов образуется производное слово с помощью *-с* (орфографического); такое образование обычно сопровождается глаголом *хада*: *пулгыт-пулгыт хада* (красноватый), *хыйт-хыйт хада* (беловатый), *нурут-нурут хада* (желтоватый), *ттыт-ттыт хада* (жаркий), *кэт-кэт хада* (чистый). Здесь суффиксом является **с*; тот же самый суффикс, видимо, имеется в составе таких образований, как *пулгысырөтта*, *хыйсырөтта* и т. д., где окончание *-р-оп-* является признаком вторичной глагольной основы. Этому *-с* соответствуют тунгусские глаголы на *-sse-*: *bu-*(умереть), но *busse-* (быть смертельно больным), и монгольские отглагольные имена на *-с*. Тунгусское окончание *-sse-* содержит два элемента: окончание *-с* и глагол *се-*, который употребляется самостоятельно в маньчжурском и по смыслу и по этимологии тождественен корейскому *хада* (делать, говорить) (<*хө*=<**сө*).

Кроме этого *-т* (восходящего к *-с*), есть еще другое окончание *-т*, которое находим в таких образованиях, как *төт* (второй, сдчим больше; от *тө* — более; ср. монг. *det* — заместитель в титулах); *чхөт* (первый); *хөт* (бес-

полезная, ненужная вещь; тоже *хөт-көт*; ср. *хө* — попусту) и т. д. Остается, однако, неясным, является ли здесь действительно окончание *-т* или же это на самом деле *-с* или что-нибудь в этом роде.

331. 17) *-ый, -уй*. Это окончание можно предполагать в таких словах, как *набый, набунъи* (бабочка); *чу, чудый, чудунъи* (рыло [животных], морда); *хоми, хомый, хомэнъи* (мотыга); *агуи, агый* (крепость — например, яда, напитка); ср. турецк. *аги*, монг. *аг* с тем же значением. Трудно сказать без специального исследования, является ли это *-ый, уй* особым окончанием или же сокращением (так, например, *чудунъи* могло быть сокращено в *чудый*).

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

332. В корейском языке есть одна особенность, которая отличает его от всех родственных ему языков. Эта особенность состоит в большой склонности корейского языка к именному словообразованию. Весьма возможно, что это является результатом влияния китайского языка. В ряде случаев это явление восходит к весьма глубокой древности. Почти невозможно перечислить все те возможности, которыми в этом отношении обладает корейский язык. Ниже могут быть приведены только некоторые случаи образования имен; мы взяли такие примеры, в которых вторая часть легко прослеживается в семантическом отношении, являясь генетически особым словом.

1)-*хый*, своего рода признак множественного числа: *нө* (ты), *нөхый* (вы); *чө* (тот), *чөхый* (те, они); *а* (дитя, ребенок), *ахый, ахэ* (дети, но также ребенок).

2) *-ча* (кит.) (лицо, персона): *пуджа* (богач), *кыджса* (он) и т. д. См. послепричастные имена (п. 225).

3) *-чанъ, -чанъи* (кит.), очень часто употребляемое окончание для выражения профессии, занятия: *нот* (бронза), *нотчанъи* (бронзовый мастер); *син* (обувь), *син-джанъи* (сапожник); *чил-кырыт* (глиняная посуда), *чил-кырытчанъи* (горшечник); *там* (стена), *тамджанъи* (штукатур), *тэджанъи, тэджанъджанъи* (кузнец); *квимёги*

(немой), *көимөгөри* или *квимөкчаны* (немой); *тынъгоп* (горб), *тынъготчаны* (горбун); *көп* (страх), *көпчаны* или *көпчанъ* (трус, робкий); это же слово попало из китайского в тюркские, где мы имеем *söz* (слово), *sözčäj* (оператор).

4) *ним* (кит.?), употребляется после имен и титулованный уважаемых лиц: *абаним* (отец), *өмөним* (мать), *х'өнъним* (старший брат), *сон*, *сонним* (гость), *сөнсэнъ*, *сөнсэнъним* (учитель, господин). В повседневной речи это *ним* очень часто сокращается в *-ни* (*абани*, *өмөни*) и даже в *н* (*абан*, *өмөн*).

5) *-ном*, употребляется в презрительном смысле: *тоджек* (вор), *тоджөнъном* (вор [презрительно]).

6) *-кун* (кит.), употребляется для обозначения лица, занимающегося той или иной деятельностью: *иљ* (работа), *илгун* (рабочий); *норым* (игра), *норымгун* (игрок); не смешивать с *-кун* в значении „правитель“.

Для обозначения лиц, занимающихся той или иной деятельностью, служит также *-су* (рука): *моксу* (плотник).

7) *-курөги*, суффикс с презрительным содержанием: *тон* (деньги), *тонгурөги* (любитель денег); *пан* (пища), *папкурөги* (любитель поесть).

8) *-панъ* (комната) и *-панъ* (бедный человек), оба слова китайского происхождения; с ними связано окончание *-панъи*: *сөбанъ* (господин; например, *Ким-сөбанъ* — господин Ким); *анджынбанъи* (хромой), *алланъбанъи* (льстец), *пирөнъбанъи* (нищий; от *пилда* — просить, выпрашивать).

9) *патчи* (актер): *норымбатчи*, *норымбанъи* (клоун), *норымджанъи*, *норымгун* (игрок; *нолда* — играть).

10) *не*, **наи* (человек), старое слово; ныне вместо него употребляется *сарам*; в качестве пережитка можно обнаружить в сложных словах, особенно часто в качестве знака множественного числа: *пумо* (родители), *пумоне* — в том же значении; *н'өпх'өнне* (женщина), *нампх'өнне* (мужчина; *нам* — мужчина, *н'ө* — женщина, *пх'өн* — сторона), *танъсин* (вы), *танъсинне* — в том же значении; *сарамдылле*, *сарамнедыл* (люди) (см. п. 82).

11) *качхи* (цена, стоимость), большую частью производится *-атчхи*: *сипчөн-атчхи* (стоимостью в десять сен), *илем-атчхи* (стоимостью в одну вону).

Есть еще окончание *-ачхи*, которое могло первоначально быть последним членом сложносоставного слова; ныне оно означает лицо, занимающее определенный пост или должность.

12) *-кан* (кит.) (комната, промежуток, интервал, период времени): *апкан* (передняя комната), *твиккан* (уборная), *имсөккан* (столовая), *анккан*, *анкхан* (внутренняя комната, женщина), *сиган* (период в один час), *орэккан* (давно, долгое время).

13) *-кёри* (вещь; из *кёс*; см. п. 319). Очень часто употребляется в составе конкретных имен: *амсу* (обман), *амсугэри* (обман, надувательство), *сипчён* (десять сен), *сипчэнгэри* (штука в десять сен), то есть просто „десять сен“ или нечто, стоящее десять сен.

Это *кёри* не надо путать с *кёри* (дорога) в составе таких слов, как *түгэри* (перекресток; *ту* — два), *самгёри* (перекресток; *сам* — три) и т. д. Это *кёри* связано с глаголом *кётта* (|| *кёрө* || *кёрын* — шагать, идти пешком). Точно так же не следует смешивать и с *кёри* в значении „шнурки, подвески“: *анг'янъгэри* (шнурки, тесемки у очков; от *анг'янъ* — очки), *оккёри* (из *ос-кёри* — шест для белья; *ос* — платье). Это *кёри* восходит к *кёлда* || *кёрө* || *кён* — (вешать).

14) *-чхэ* (размер) (см. п. 327): *чипчхэ* (такой же большой, как дом; размером с дом; то же *чипчхэ катта*); это *чхэ* очень часто употребляется с глаголом *катта* || *катха* || *катхын* (быть схожим, быть подобным) и, видимо, соответствует монгольскому окончанию-čai, турецкому -са, которые имеют то же значение.

15) *-тхак, так* (вершина): *малло, малланыи, маллотхаги* (гребень горы), *ккок, ккоктаги* (вершина горы) и т. д.

16) *-ча*, старое слово, которое, видимо, имело значение „условие, состояние“: *кыджө* (так, как есть; просто; даром), *хонджа*, сев.-кор. *хабундза* (один) и т. д.

17) *-рань, -раныи* (кит. *лан*) (зверь); встречаем во многих названиях животных: *хо* (кит.), *хораныи* (тигр), *сырөнъ, сырөнъи* (волк) и т. д., быть может, так же *хвараныи* (колдун). С этим надо связать окончания *-лај, -лан* таких турецких слов, как *arsalan* (лев), *qablan* (тигр), *sirtlan* (гиена) и т. д.

18) -чил (дело): *паныл* (игла), *паныджил* (шитье), *паныджил хада* (шить); *но* (весло), *ноджил* (гребля), *ноджил хада* (грести), *пыда*, *пыгакчил хада* (косить); *мäl* (слово) *малил хада*, *мäчил хада* (сплетничать); *ппаллэ* (белье), *ппалэджил* (стирка), *ппалэджил хада*, *ппалда* (стирать); *ёк* (брань), *ёкчил хада* (бранить, распекать) и т. д.

Это чил может означать не только работу, занятие, но также исполнителя работы и, таким образом, отождествляется, как кажется, с турецким окончанием *čil* в *ikčil*, *igčil* (увечный, инвалид), *sözčil* (клеветник) и т. д.

19) *төнъи*, *төнъори* (куча, груда): *хылктөнъи*, *таптөнъи* (комок земли), *паптөнъи* (комок риса).

20) *манъи*, *манъари* (шарик, круглая вещь): *ал* (яйцо), *алманъи* в том же значении, *алманъдөнъи* в том же значении; *нун* (глаз), *нунал*, *нуналманъи* (глазное яблоко); *тол* (камень), *толманъи* (булыжник).

21) *көт* (*kəc*) (вещь). Это слово, как кажется, имеет значение окончания для образования конкретных имен: *су* (самец), *ам* (самка), *суккөт* (самец), *амккөт* (самка); *сөккин* (смешанный), *сөккингөт* (смесь); *хө* (пустой), *хөккөт* (пустяк, нечто ничего не стоящее). Это слово употребляется после причастий всех времен не только для обозначения предмета как объекта или результата действия, но и для обозначения самого действия. Здесь намечается некоторая параллель английскому окончанию *ing*: *пат* *канын гөт*, *пат* *кал көт*, *паккалхөт* (обработка земли); *чамкан* *чанын гөт*, *чамкан* *джангөт* (древота); *ани* *халсу өмнын гөт* (необходимость) и т. д. Относительно употребления этого слова см. „Послепричастные имена“ (п. 225).

ГЛАВА VI

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

333. Простое предложение. Наиболее важной частью корейского предложения является сказуемое. Глаголы, как мы выяснили выше, делятся на две категории: глаголы действия, соответствующие тому, что называется глаголом в наших языках, и глаголы, названные нами качественными, которые соответствуют прилагательным наших языков.

Корейское предложение, если оно только не является восклицанием или ответом на вопрос в виде одного простого слова, является законченным при наличии всего лишь одного глагола-предиката: *канда* (он идет, они идут, я иду, мы идем), *пакта* (светло), *сарам ида* (это) человек есть). Отсутствие подлежащего, как кажется, не представляет никаких неудобств для корейца, и такие понятия, как „он, она, оно“ и т. п., как правило, вовсе не выражаются грамматически.

Если подлежащее выражено, то оно занимает первое место в предложении и воспринимается как ограничивающее в той или иной мере действие или качество. Если из контекста ясно, о ком или о чем идет речь, то подлежащее опускается.

Действие может быть ограничено многими путями; отсюда возможность в предложении как подлежащего, так и дополнения, одновременно относящихся к одному и тому же глаголу и ограничивающих, полагающих предел идеи, выраженной сказуемым. Далее, действие может быть ограничено относительно сферы своего применения словами, которые являются обстоятельствами места и времени. В этом случае мы говорим о наречии, если такое имеющее ограничительную функцию слово является именем, и о деепричастии, если это с ограничительной функцией слово является глаголом. Все эти слова — ограничители сферы применения сказуемого, — начиная с

подлежащего и кончая наречиями времени и объектами в дательном и винительном падежах, занимают место перед глаголом, который и оказывается последним членом предложения.

Таким образом, порядок слов в обычном предложении таков: подлежащее, наречие времени или места, объект в дательном, объект в винительном, деепричастие, главный глагол, или сказуемое (о возможных вариантах этой схемы см. ниже).

334. Имена и их атрибуты. Как и в других языках, имена существительные могут быть в предложении подлежащим, дополнением, обстоятельствами места и времени, то есть самым различным образом ограничивать действие, выраженное глаголом. Само же имя ограничивается определениями. Если в предложении есть ряд определений, относящихся к одному и тому же имени, то они располагаются в логическом порядке, так что наиболее узкое по значению является первым по порядку; например, эти три молодые черные лошади. Логический порядок строго сохраняется в корейском языке. Мы можем, таким образом, сказать, пользуясь привычными понятиями нашей грамматики, что, как общее правило, управляющее слово следует за управляемым, что имена следуют за прилагательными, которыми они управляют, и что все предложение управляется глаголом, который занимает последнее место в предложении. Логически нет существенной разницы между прилагательным как определением к существительному и теми отношениями, которые существуют между первой и второй частью сложного существительного. Что касается формальных изменений слова, то падежные окончания и частицы присоединяются только к имени, а не к определению; иными словами, корейскому языку неизвестно согласование между определением и определяемым.

То, что было нами выше названо именным послелогом, на деле является словом с весьма абстрактной идеей места (под, в, на, около, рядом и т. д); синтаксически такое слово управляет предшествующим ему именем.

335. Ориентация. В отличие от обычного корейского предложения с обычным порядком слов, когда наречия места и времени, как правило, занимают место после подлежащего, но перед дополнением, есть ряд случаев, когда наречия места и времени (а также некоторые другие наречия) занимают первое место в предложении; такое изменение порядка более наглядно связывает содержание предложения с окружающей ситуацией или контекстом. Такое „преждевременное“ употребление наречия вполне обычно для повседневной речи, но по мере возможности избегается в письменном языке. Вполне понятно, что такое предварение всего предложения обстоятельственными словами места и времени объясняется желанием говорящего по возможности заранее ориентироваться в обстановке мысль собеседника. Поэтому такие предложения с порядком слов, отклоняющимся от нормального, можно назвать предложениями ориентации или предложениями с ориентацией.

336. Дополнительные коррективы. Корейское предложение завершается глаголом. Все же иногда в повседневной речи говорящий может обнаружить, что он пропустил то или иное слово; в этом случае пропущенное слово может быть вставлено в предложение после глагола, но при этом с обязательным условием: интонация его отличается от нормальной. Например: *сарам-и канда* (идет человек) или просто *канда* (идет); если в последнем случае *канда* оказывается непонятным и говорящий стремится исправить упущение немедленно, то он может тут же прибавить *сарам*, сказав, таким образом, *канда, сарам-и* вместо нормального *сарам-и канда*. Такое нарушение порядка слов решительно избегается в письменной речи.

337. Дополнение в винительном падеже. Винительный падеж употребляется в том случае, если сфера действия, выраженного глаголом, ограничивается объектом, приуроченным к определенному случаю, так сказать, специально лимитирующим это действие. Винительный падеж имеет более свободное положение в пред-

ложении по сравнению с прочими ограничителями сказуемого. Винительный может предшествовать дательному, может следовать за дательным; а в некоторых случаях винительный падеж может даже занимать первое место в предложении, подобно наречию. Все же объект переходного глагола часто столь тесно связан в мысли с глаголом, что он непосредственно предшествует ему; в этом случае он лишен окончания.

338. Прямая и непрямая речь. Одно предложение может быть объектом другого предложения. В этом случае отношение не имеет специального выражения. Из этого следует, что в корейском языке отсутствует разница между прямой и непрямой речью. Для того чтобы подчеркнуть, что предшествующее является высказыванием другого лица, употребляется частица *ко* (*го*, *кко*): *ир ханда* (работает), но *ир ханда хао* или *ир ханда го хао* (он говорит, что работает). Средняя, или нейтральная, форма учтивости глагола, признаком которой является окончание *-o* или *-so*, может быть только в конце предложения, а не в предложении, выражающем косвенную речь: *ир хао* (он работает), но никоим образом не *ир хао хао*; вместо этого говорят *ир хасинда хао* или *ир хамнида хао* и т. п. Вместо глагола *хао* со значением „говорить“ широко употребляется имя существительное *мал* (речь, слово): *ханда хан мар-ио* (*хандан мар-ио*) ([его] слова есть: работаю > он говорит, что работает). Такое употребление имени существительного *мал* вполне обычно.

339. Риторический вопрос. В корейском языке для особого подчеркивания предложений причины, времени и места очень часто употребляется особая конструкция, которая состоит из условного предложения „если (меня) спрашивают“, следующего за ним вопросительного предложения и ответа на него. Например, предложение „он уехал в Сеул учиться“ может быть сконструировано следующим образом: „если (вы меня) спрашиваете, почему он уехал в Сеул, то (я отвечаю) заниматься“ или „если (вы меня) спрашиваете, куда он уехал учиться, то (я отвечаю) в Сеул“: *кы и-га өдэ-рыл канын го хани, сөур-*

ыл као (если (вы меня) спрашиваете, куда он едет, то (я вам отвечаю) он едет в Сеул); *кы сарам-и өлгор-и ве кырын го хани п'өнъ-и тырэсэ кырэссо* (если (вы меня) спрашиваете, почему его лицо такое (бледное), то (я вам отвечаю) это так потому, что он болен). Здесь *ко* после причастия имеет значение вопросительной частицы *ко*, а не той частицы *ко*, которая употребляется в косвенной речи.

340. Сложное предложение. Объединение одного предложения с другим в сложное целое достигается в корейском использованием причастий с последующим именем (см. „Послепричастные имена“, п. 225). Для той же цели используются и многочисленные деепричастные формы. В литературном языке обнаруживается явная тенденция объединять в одно целое все предложения, логически связанные между собой; результатом этого являются длинные периоды, которые могут заполнять целые страницы без перерыва и без каких-либо разделительных знаков, кроме модуляции голоса или значения соответствующего деепричастия. В силу наличия указанных средств связи язык не нуждается в союзах. Иногда одно и то же деепричастие может быть в известном смысле повторено дважды; вторично оно повторяется в виде его заместителя *кырё хада* (быть так) в соответствующей форме: *тон икки нын иссына (иссына кырёна) кы сарам-еге-нын чуджи ани хагессо* (деньги-то я имею, но не дам их ему), *чанъса-рыл чал хана (кырёна) намнын тон-ын өпсо* (он работает хорошо, и все же у него ничего не остается). Ближе всего соответствует нашим союзам глагол *кырёхада* (или *кырётха* — быть так, такой) в его различных деепричастных формах и других образованиях. Все же, будучи широко употребляемым в разговорной речи, он по мере возможности исключается в хорошем литературном языке.

Другим широко употребительным словом при делении периода на меньшие отрезки является *ман* (размер, ценность, достоинство) (как наречие „только“): *йөнджант-и итчи ман-ын ир хал су өпсо* (инструменты есть, а работать не могу), *кы сарам-ыл оракко хайётчи ман-ын*

(или *хайөтта ман-ын*, или *хайөккөн ман-ын*) *ани оне* (или *оне кыр'ө*) (я сказал ему, чтобы он пришел, а он не явился). Слово *ман*, с усилительной частицей *манин*, употребляется после декларативной формы на *-та*, а также после индексивной формы на *-чи*. Все же более литературно и, видимо, более правильно употреблять ее после причастия, подобно прочим послепричастным именам.

341. Два отрицания. Отрицание в корейском предложении употребляется один раз; если оно употреблено дважды, то значение предложения положительно: *kyrökhe ани хам'өн мот тёгөссо* (если не делать так, то ничего не получится > надо делать так).

342. Незаконченные предложения.* Предложение обычно завершается глаголом в конечной форме. Но наряду с этим употребительны эллиптические или незаконченные предложения. В приказаниях, командах и в ряде других случаев встречаем высказывания, завершающиеся деепричастиями, послелогами и падежными окончаниями. При таком употреблении предполагается, что опущенный остаток предложения понятен сам собою.

Незаконченность предложения может иметь и социальное значение. Как уже говорилось в главе о глаголе, корейский язык имеет целый ряд форм сказуемого, выражающих ту или иную степень учтивости. Если говорящему не ясно, какая степень учтивости должна быть им высказана, то наилучшим выходом из затруднительного положения является употребление незаконченного предложения. Деепричастие прошедшего времени на *-а*, *-ө* уже с древнейших времен употребляется в качестве субститута всех прочих форм. Вот эта деепричастная форма от пассивной основы (первоначально *-в-а*, *-в-ө*), которая участвовала в создании окончания *-о* (форма средней учтивости), и употребляется ныне как наиболее подходящий и достаточно учтивый способ завершить предложение.

343. Китайские выражения. Порядок слов в корейском языке кардинально отличается от порядка слов в китайском, где, например, дополнение следует за

глаголом. Когда китайские выражения употребляются в корейском предложении, они воспринимаются как одно слово, имеющее составной характер, соответствующий корейскому имени. Используя глагол *хада* (делать, быть) после такого китайского выражения, кореец преобразует его в глагол (см. п. 120). Эта инкорпорация китайского языка в корейский происходит с начала китайского влияния на Корею. В более или менее научном или серьезном произведении мы на каждом шагу встречаемся с подобного рода образованиями на *хада*. По крайней мере три четверти всех глаголов, помещаемых в словарях, относятся к этому типу. Тем не менее китайский порядок слов в предложении не оказал влияния на корейский.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию автора. „Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали“.

Автор характеризует здесь то положение с изучением корейского языка, которое сложилось в Корее в период ее оккупации японцами, в период насилийной японизации страны, которая не могла не сказаться пагубным образом на исследовании родного языка самими корейцами.

В настоящее время в Северной Корее организовано „Научно-исследовательское общество по изучению корейского языка“ (Чоен ёмун йонгхүе), ведущее интенсивную работу по исследованию всех сторон корейского языка и письменности. Специальным решением правительства Корейской народно-демократической республики от 2 октября 1948 года за № 10 на общество возложена задача составить грамматику корейского языка. С этой целью в составе общества была организована специальная комиссия из 12 лингвистов, которая, насколько нам известно, в настоящее время успешно закончила свою работу.

К введению. „...корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины и т. д. ...“

Это утверждение Рамстедта отражает далеко не современное положение дел. Действительно, в свое время (XVI—XIX вв.) корейская письменность подвергалась гонению со стороны реакционной феодальной верхушки корейского общества. Ныне положение радикально изменилось. Фактически в настоящее время существует два типа записи текста: 1) смешанный, сущность которого состоит в том, что все слова китайского происхождения записываются иероглифами, тогда как корейский алфавит обслуживает исконно корейские слова и всю морфологию (окончания); 2) чисто корейский, сущность которого состоит в том, что весь текст записывается корейскими знаками независимо от того, каково происхождение того или иного слова. Художественная литература предпочитает пользоваться вторым способом. В научной литературе используется и первый и второй способы. Само собой разумеется, что о делении письменности на „мужскую“ и „женскую“ в настоящее время не может быть и речи.

К п. 77. „... одновременно его именительный падеж...“

Автор называет именительным падежом так называемую бессуффиксальную форму имени существительного, которая, как правило,

совпадает с основой. С этим положением автора согласиться нельзя. На деле именительный падеж корейского языка характеризуется окончаниями *-и* и *-га*. То, что автор называет именительным, соответствует так называемому нулевому или, что то же, абсолютному, или неопределенному падежу других языков. Ошибка автора объясняется неправильной теорией окончаний *-га* и *-и*; об этом см. ниже.

К п. 82. „Известно, что корейцы также говорят *оллын тыл онёра* ...“

Корейский показатель множественного числа *-тыл* имеет ту особенность, что он может присоединяться не только к тому слову, к которому он непосредственно относится. Так, например, в предложении *өллын тыл өнёра* [идите скорее (вы)] окончание *-тыл* присоединено не к местоимению „вы“, а к наречию „скорее“ (*өллын*). Обычно это имеет место там, где имя-подлежащее, имеющее форму множественного числа, опущено или не может быть выражено по самому характеру предложения (например, в повелительных конструкциях). Такая самостоятельность окончания *-тыл* напоминает поведение местоименной частицы *-ся* в древнерусском языке; ср. „во Индийской же земли кони ся у них не родят“ (Хожд. Аф. Ник.) вместо современного „кони у них не рождаются“. Ср. еще *өдиро-дыл* [куда вы?] (с *-тыл* после наречия „куда“) и т. д. На этой самостоятельности *-тыл* основано утверждение автора, что «*-тыл* и *-не* могут быть названы „знаком множественного числа“, но они с таким же успехом могут рассматриваться и как самостоятельные слова». Впрочем, автор здесь допускает неточность. Самостоятельность *-тыл* не мешает ему быть все же показателем множественного числа. Она, эта самостоятельность, лишь меняет морфологическую характеристику *-тыл*, превращая его, например, в грамматическую частицу, служебное слово или что-нибудь в этом роде.

К п. 85. В приводимой автором парадигме допущена одна ошибка: абсолютный или неопределенный падеж он называет именительным.

Окончание дательного падежа *-ыйге*, о котором говорит автор, иные произносятся *-еге*: *саram-еге*.

К п. 86. Автор совершенно прав, когда он отрицает за частицей *-нын*, *-ын* значение падежного показателя. Что касается частиц *-га*, *-и* и *-со*, то в оценке их автор допускает серьезную ошибку. Отрицая за частицей *-со* падежное значение, автор, видимо, исходит из этимологических соображений. Действительно, частица *-со* восходит к глаголу * *исида* (быть), являясь его деепричастной формой (*исо* или *ис'о*). Однако нельзя закономерности одной эпохи подменять закономерностями другой. В настоящее время бессспорно, что частица *-со* является падежной, конструируя серию локативных падежей, которые формально образуются путем присоединения *-со* к другим падежным окончаниям (*нуль + со*, *-ро + со*, *-е + со*, *-еге + со*, *-кке + со*). Что касается частиц *-га* и *-и*, то отрицание за ними значения име-

нительного падежа является голословным. Оно не подкрепляется даже этимологическими соображениями. Если *-га*, как утверждает автор, имеет детерминативное, ограничительное значение, то это говорит о том, что падежный показатель несет еще какие-то дополнительные функции (если только он несет таковые), что связано с наличием другого показателя подлежащего, так называемого неопределенного падежа, а не об особой непадежной семантике окончания. Кстати, сопоставление корейского *-и* и *-га* с японским *-га* побивает самого автора. Давно известно, что в японском языке частица *-га* имеет чисто падежную функцию, являясь показателем именительного падежа. Что касается попытки противопоставить окончание *-га* окончанию *-и*, то она явно несостоятельна. В современном языке это функционально тождественные частицы-окончания. Различие между ними объясняется исключительно характером той основы, к которой они присоединяются: *-га* следует за гласной основой, а *-и* — за согласной. Из этого следует, что в парадигму помимо указанных автором падежей надо включить еще именительный на *-га* и *-и*, а также серию локативных на *-ро*, *-сө*, *-еге* и т. д.

К п. 91. Утверждение автора о функции полного родительного мало обосновано фактическим материалом. Трудно согласиться с ним относительно того, что полный родительный оформляет слова, означающие живые существа и „особо значительные вещи“. Автор этого не показал. Скорее всего, когда надо выразить атрибутивное отношение двух имен, то выбор между родительным и „именительным“ (по терминологии автора, а на деле неопределенным) объясняется необходимостью разграничить конкретное значение от значения обобщенного (вроде русского „поля колхоза“ и „колхозные поля“; только в русском это достигается противопоставлением двух частей речи: имени существительного и притяжательного прилагательного). Известную роль играет также необходимость противопоставить атрибутивное словосочетание, выражающее единое понятие, атрибутивному словосочетанию, где определение выражает случайный, нетерминологизирующий признак [ср. *chosənsaram* (кореец) без оформления родительным падежом, как единое понятие, но *кы сарам-ый ирым* (имя этого человека) с оформлением родительным падежом].

К п. 94. Указанное автором окончание дательного падежа ныне произносится как *-еге*.

К п. 99. В корейском языке есть целый ряд выражений, в состав которых входит неясная по своему происхождению частица-окончание *-и* (которую не следует смешивать с окончанием именительного падежа *-и*); в ряде случаев слова, оформленные этим *-и*, можно толковать как обстоятельства-наречия. Автор пытается объяснить это *-и* как остаток некогда существовавшего, по его мнению, особого падежа, который он называет инструктивным. Попытка эта представляет несомненный интерес. Однако, к сожалению, автор так и не объясняет, что же он имеет в виду под этим падежом. О функциях инструктивного падежа не говорится ни слова. В конечном итоге

весь параграф превращается в собрание примеров, в составе которых имеется этот гипотетически восстанавливаемый падеж с неясными, видимо, и для самого автора функциями. Сопоставление с маньчжурским ни о чем не говорит, поскольку автор упрекает маньчжуристов в том, что они неверно понимают этот падеж, принимая его за родительный.

К п. 131—133. В этих параграфах автор развивает положение о наличии в корейском языке так называемого будуще-прошедшего и прошедшее-будущего времени. Это наименее удачные параграфы в главе о глаголе. Вся теория Рамстедта о прошедшем-будущем и будущем-прошедшем верна лишь в формальной части. Действительно, такие формы как *поаккетта* являются прошедшим-будущим в том отношении, что они образованы из сочетания морфем прошедшего и будущего времени. Но такие образования не означают ни прошедшего в будущем, ни будущего в прошедшем. Морфема прошедшего времени здесь имеет чисто временное значение, но морфема будущего времени имеет только модальное значение. Таким образом вся форма в действительности означает: „повидому, видел“, „должно быть, видел“ и только. Такую форму можно было бы скорее назвать с точки зрения содержания прошедшим недостоверным, но никоим образом не прошедше-будущим. Точно также чисто формален термин „будуще-прошедшее“, поскольку он отражает только формальный состав таких образований как *погессөт(ta)*, в которые входят исследовательно морфемы будущего и прошедшего времени. Нам кажется, кроме того, маловероятным употребление „будуще-прошедшего“ в качестве формы законченной предикации; это скорее всего форма придаточных предложений типа „если бы я делал то-то и то-то в прошлом“. Опять-таки и тут время одно — прошедшее; окончание же *-кет-* вносит идею модальности, о чем убедительно говорит следующий пример: *катхын капс-e, мөккессөссымөн и гөс-ыл мөчб-нын көс-и чааккетта* [если бы я ел, то я бы лучше съел это (а не то)].

Выходит, таким образом, что автор смешал в этих параграфах довольно элементарные вещи: формальное время с семантической модальностью. Отсюда его неверные переводы, которые мы постарались устраниТЬ.

К п. 134. „Причастие настоящего времени; его признак — окончания *-нэн*, *-нын*“.

В настоящее время данное participle имеет только одно окончание *-нын*. Окончание *-нэн* принадлежит старому литературному языку. Там оно употреблялось наряду с *-нын*.

К п. 136. дал декларативную форму „низкого штиля“ речи: *-нэнда, нында...*“

В современном языке осталась только одна форма *-нында*. Указывая две формы, автор имеет в виду старый литературный язык, где законы гармонии гласных требовали двух вариантов одного и того же окончания.

К главе IV в целом. Вся эта глава носит название „Неизменяемые слова“. Название явно неудачно, поскольку наречия, о которых говорит автор в предыдущей главе, тоже являются неизменяемыми словами. Скорее всего эту главу следовало бы назвать „частицы речи“, поскольку в ней в основном рассматриваются те слова, которые играют чисто грамматическую роль, приближаясь в некоторой степени к агглютиративного типа „прилепам“. Что касается ономатопеэтических слов, то автор напрасно отделяет их от наречий. На самом деле это особая группа наречий. Как таковую, ее надо было рассматривать в предыдущей главе.

К главе V. Предупреждаем читателя, что первая часть этой главы, посвященная именам с суффиксами, является этимологическим исследованием. Ни один из перечисляемых автором суффиксов не является ныне продуктивным. С помощью его нельзя образовать ни одного нового слова. Наоборот, вторая часть главы, посвященная „образованию имен“, является в основном исследованием продуктивной суффиксации современного корейского языка за некоторыми незначительными исключениями.

К п. 332. В этом параграфе автор перечисляет, как правило, продуктивные суффиксы именного словообразования. Правда, при этом он допускает некоторые неточности. Так, например, он рассматривает как равноправные суффиксы *-хый*, *-чанъи* (или, добавим от себя, *-чэнъи*, что более соответствует норме современного литературного языка) и *-кан*. На самом же деле подлинным суффиксом именного словообразования является только *чанъи* или *чэнъи* (обычно наименование лиц, занимающихся тем или иным ремеслом, профессией); *-хый* — это показатель множественного числа и потому не может быть поставлен в один ряд с такими суффиксами, как *чэнъи*. Что же касается *-кан*, то это полноценное слово и оно является в сложных словах их вторым элементом. Если считать его суффиксом, то таким же суффиксом надо считать и *-ход* в русских словах типа *пароход*, *теплоход*, *воздуход*, *скороход* и т. д. Такое смешение понятий, впрочем, легко объяснимо. Насколько мы понимаем, автор стоит на той точке зрения, что суффиксальное словообразование принципиально ничем не отличается от сложносоставного слова. Выходит, таким образом, что слова типа *учи-тель*, *сей-тель*, *писатель* ничем принципиально не отличаются от слов типа *пар-о-ход*, *пар-о-воз*, *мин-о-мёт*. Это к тому же оправдывается и некоторыми историко-теоретическими соображениями. Поскольку в корейском языке продуктивные суффиксы легко этимологизируются, поскольку, например, в слове *мок-су* (плотник) легко вскрывается значение суффикса (-су восходит к слову „рука“), постольку, действительно, получается, что с исторической точки зрения всякое суффиксальное слово является сложносоставным. Все же ошибка автора очевидна. Он принимает прошлое состояние языка за настоящее, — вещь, явно недопустимая.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора	17
Введение. Как пишут корейцы	19
<i>Глава I. Фонетика</i>	21
Согласные	21
Гласные	39
Количество (длительность) гласных	43
Гармония гласных	45
Зияние	49
Ударение	51
<i>Глава II. Морфология</i>	53
Общие замечания	53
Имя	55
Склонение	58
Местоимение	70
Неопределенные числительные	77
Числительные	78
Количественные числительные	79
Порядковые числительные	83
Классификаторы	83
Глагол	85
Общие замечания о спряжении	85
Глагольные формы законченной предикации	97
А. Утвердительное изъявительное	97
Простые образования	97
Прочие образования изъявительного наклонения	101
Вежливые (учтивые) формы сказуемого	105
Б. Глагол в вопросительных предложениях	109
В. Формы воления (волеизъявления)	111
Деепричастия	118
Глагольные имена (причастия)	138
1. Глагольные прилагательные	138
Сложное причастие будущего времени	143
Особые послепричастные имена	143
2. Глагольные имена существительные	157
Вторичные глагольные основы	163
Фактитив	169

Прочие отглагольные глаголы	172
Отымённые глаголы	174
О специфическом употреблении некоторых глаголов	176
Глава III. Послелоги и наречия	186
Именные послелоги	186
Глагольные послелоги	192
Наречия	194
Социательные наречия	196
Наречия места	196
Наречия времени	197
Наречия качественные и модальные	198
Наречия количественные	199
Глава IV. Неизменяемые слова	201
Энклитики	201
Междометия	206
Ономатопоэтические слова	206
Глава V. Словообразование	209
Имена с суффиксами	209
Образование имен	215
Глава VI. Структура предложения	219
Примечания	226

Редактор Н. Кондрашов

Технический редактор Е. Герасимова . Корректор О. Малых

Сдано в производство 13/V 1951 г. Подписано к печати 15/VIII 1951 г. А 07225.
Бумага 84×108¹/₃₂=3,6 бум. л.—11,8 печ. л. Уч.-издат. л. 11,7. Изд. № 13/1199.
Цена 10 р. 60 к. Заказ 2617.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с набора в тип. Трудрезервиздата. Москва, Хохловский, 7.